

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики

БЫЛОЕ И МЫ

Сборник научных статей

Воронеж
2017

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики ВГУ

Редактор выпуска:

кандидат филологических наук, доцент С. Н. Гладышева

Былое и мы. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2017. – 158 с.

Сборник «Былое и мы» издается кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета. Он продолжает практику ежегодной публикации статей сотрудников и аспирантов кафедры, участников научных сессий, выступающих с докладами на конференциях факультета.

Расчитан на аудиторию, интересующуюся актуальными вопросами теории и истории публицистики и литературы.

I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ

Н. Иовва (Тирасполь)

Диалоговые ресурсы публицистического произведения

-|-

Сегодня всё чаще исследователи говорят о политических пристрастиях и ангажированности журналистов. Естественно возникает вопрос – существует ли понятие объективности в журналистике и как быть с правом автора на выражение своей точки зрения?

Автор – это в первую очередь носитель определенной точки зрения, защищающий свои убеждения и взгляды.

Возможно ли совмещение индивидуальной неповторимости и объективности в оценке происходящего, поскольку субъективность в публицистических произведениях отражает систему ценностей и взглядов конкретного автора? Публицист смотрит на происходящее сквозь призму собственного восприятия, и, опираясь на него, строит свой диалог с аудиторией.

Каковы базовые принципы такого диалога?

Прежде всего, следует выявить сущностные признаки диалога.

Согласно словарю С. И. Ожегова, диалог – это беседа между двумя или несколькими людьми. Прилагательное «диалогический», следовательно, рабочая характеристика общения людей, ведущих беседу. Но помимо прагматического понимания термина «диалог», возможно и другое, философское понимание этого термина: «Диалог – это система взаимоотношений между людьми, в ходе которого, выявляются сущностные вопросы взаимоотношений человека с окружающим его миром». В данном случае более уместно было бы говорить не о диалогичности, а о диалоговости взаимоотношений человека с окружающим его миром.

Диалогичность – чисто конструктивный процесс общения людей друг с другом.

Диалоговость – философское и социокультурное восприятие сущностных процессов познания реальности, выявляющей заложенные в ней противоречия.

Диалоговость – особая форма постижения закономерностей человеческого бытия. Главный признак его – это равноправие участвующих в диалоге сторон. Он всегда адресован аудитории; это всегда послание; он вариативен и эстетически организован (декодируем), побудителен (приглашает к со-размышлению и к действию), релевантен (ориентирован на обсуждение интересов аудитории).

Публицистическое произведение направлено на то, чтобы привлечь внимание аудитории к авторскому высказыванию, поэтому «коммуникативный блок – адресант/адресат» является организующим центром. Адресант стремится быть адекватно понятым адресатом, а адресат в свою очередь рассчитывает получить объективную и неискаженную информацию. Автор использует целую систему приемов убеждения адресата в важности передаваемой информации, составляющей содержание его послания.

Исследование диалоговых ресурсов публицистики сохраняет свою актуальность. В последние десятилетия диалоговость публицистических произведений стала конструктивным, фундаментальным процессом общения с аудиторией.

Диалоговость выступает не только как конструктивное свойство публицистического произведения (Л. Е. Кройчик), но и как способ организации материалов на газетной полосе (Л. И. Еремина). Чаще всего в диалоге исследуется лишь момент адресованности, тогда как в структуре публицистического произведения большую роль играет фактор «ответности» (Л. Р. Дускаева). Диалоговые отношения автора с аудиторией зависят от типа взаимодействия, который складывается между адресантом и адресатом, и от характера коммуникативной целеустановки, реализуемой в послании.

Многие исследователи черты диалога во внешне монологическом тексте называют адресованностью, диалогизацией монолога, внутримонولوجической диалогизацией (Л. Р. Дускаева, Л.

М. Майданова), а также совокупностью особых стилистических приемов. В таких случаях предметом изучения становится лишь проявление черт устного диалога в письменной речи. С. Л. Ништратава в своих исследованиях, посвященных анализу выражения фактора адресата в письменных текстах, рассматривает средства выражения адресованности. Однако при этом подходе идея диалоговости публицистического произведения парадоксальным образом «монологизируется», потому что учитывается лишь аспект обращенности текста к адресату. В данном случае налицо односторонность речевого акта, по существу игнорируется бахтинская идея взаимодействия коммуникантов в речевом акте [6, с. 45]. Между тем чрезвычайно важна роль адресата, его влияние на строй речи адресанта, в связи с чем необходимо признать и такое качество публицистического послания, как ответность.

Диалоговость публицистического высказывания – это фундаментальное его свойство. Это не просто стилистический прием, но сущностная его черта, являющаяся текстовым обнаружением социальной природы общения. Без этого свойства публицистика теряет свои важные для эффективности общения качества.

Коммуникативный процесс предполагает существование как минимум двух субъектов и не ограничивается лишь односторонним сообщением – налицо более сложные и многогранные отношения между ними, рождающие диалог. Язык – главное средство человеческого общения, и способ его использования предполагает непременно участие двух персонажей: адресанта и адресата. И справедливо отмечает Т. Г. Винокур, что между этими персонами находится само публицистическое высказывание, и его характер зависит от социальных взаимоотношений этих персонажей [2, с. 32].

Факт диалоговой соотнесенности текстов одной из первых отметила Л. И. Еремина. В постперестроечной прессе в связи с утверждением диалога как основной формы социального общения такие тексты начали широко распространяться во всех изданиях, при этом изменилась не только форма, но и содер-

жание диалога, поэтому диалоговость публицистических произведений сегодня требует дальнейшего осмысления [4, с. 88].

Интересным представляется описание Л. М. Майдановой вариантов проявления межтекстовых связей в публицистических высказываниях:

1) «циклизация первичных текстов», то есть взаимодействие нескольких публикаций, посвященных одной теме, при котором образуется новый текст с особой концепцией; при этом взаимодействие нескольких текстов дает смысловое приращение – новую идею, объединяющую отдельные тексты в смысловое целое;

2) диалог адресата с ранее опубликованным текстом как отклик на предшествующее произведение;

3) продолжение дискуссии по уже опубликованному тексту.

В диалоге используются парафразы, цитирование, аллюзии, пародии, реминисценции, ссылки, механизм которых состоит в формировании у адресата ассоциаций, которые, безусловно, обогащают содержание послания. Языковыми проявлениями Л. М. Майданова называет присутствие элементов разных стилистических потенциалов в тексте какого-либо функционального стиля. В работе получают осмысление способы внедрения в медиатекст прецедентных текстов при организации цитатного письма, при этом подчеркивается: «<...> какими бы ни были отношения между прецедентным и журналистским текстами, это всегда отношения диалога: сцепление и наполнение «чужого» слова своим содержанием. В диалоговые отношения втягиваются не только тексты, но и создатели и читатели, тексты и их потребители» [5, с. 30].

Действительно, в публицистических высказываниях диалоговость презентуется в разных типах текстов и по-разному:

1. Открытый диалог, который представлен в собственно диалоговых текстах: в интервью, дискуссии, беседе.

Это и формы публикаций весьма разнообразны, в них смысловые позиции двух и более коммуникантов разворачиваются как непосредственное реплицирование.

2. Столкновение позиций коммуникантов развернуто в самостоятельных частях макротекста (Л. Р. Дускаева), размещающихся на одной газетной полосе и имеющих общую тему и заголовки.

Исходное сообщение о каком-либо факте дополняется рядом других сообщений, комментирующих, интерпретирующих, углубляющих первое или дискутирующих с первым, в результате чего формируются межтекстовые образования – макротексты, которые при чтении адресат воспринимает как диалог между текстами (Л. Р. Дускаева).

При взаимодействии примыкающих друг к другу текстов, на их пересечениях, как и в диалоге, обогащается содержание сообщения, происходит, по выражению М. М. Бахтина, «встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [1, с. 125].

В этом случае наблюдаются два взаимосвязанных процесса:

1) информационное поле публикации расширяется за счет включения в него текстов других авторов;

2) образующие единство тексты видоизменяются, поскольку становятся частью другого текста и соответственно интерпретируются с его точки зрения.

Диалог между текстами проявляется в ответственности содержания каждого текста по отношению к другому (согласие, дискуссионность, корректировка) или в дополнении содержания одного текста другим.

В связи с этим интересна мысль М. М. Бахтина об относительности границ высказывания, о том, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом. Только в точке этого контакта вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [1, с. 130].

Итак, под диалогичностью публицистического текста понимается выраженность в тексте многосторонности речевого общения (по мнению Л. Р. Дускаевой – как проявление социальной речи и мышления), реализующегося в:

1) собственно диалогических текстах;

2) диалоге авторов;

3) монологических текстах, с учетом позиции адресата и тем самым косвенного его воздействия на речь адресанта.

Такая картина диалоговости в публицистике обусловлена особенностями творческого процесса в данной сфере общения, социальными, коммуникативными, гносеологическими факторами. Не случайно диалоговость рассматривается как «внутренняя форма публицистики, её глубинный смысл» (Л. И. Еремина), как «родовая черта публицистики» (И. М. Стюфляева).

Выражение диалоговости в публицистических произведениях имеет особенности, потому что каждый из функциональных стилей, как отмечают многие исследователи, отличается характером отношений между адресантом и адресатом.

Так, М. Н. Кожинной разработаны и установлены формы (способы) выражения диалога, основными из которых являются следующие:

1) «разговор» с другими упоминаемыми лицами, идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками;

2) сопоставление (или столкновение) двух и более точек зрения, поскольку эти точки зрения обычно в процессе анализа оцениваются автором;

3) «разговор» с читателем, приглашение его к соразмышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи;

4) «разговор» со своим вторым «Я», который представлен в послании как диалог-самоанализ.

-||-

Сущность диалоговых отношений определяется прежде всего личностью субъектов высказывания. Социальная деятельность в публицистике осуществляется в разных видах диалога (по сфере его реализации): это и диалог между общественно-политическими силами, между ними и властью, между властью и гражданами, между старыми и новыми взглядами; и во всех случаях решающую роль играют СМИ [3, с. 88].

Дискуссионность в отображении действительности является предпосылкой формирования в газете диалога, в результа-

те чего в публицистике, выступающей посредником общения, комментируются, оцениваются, интерпретируются чужие позиции, т. е. создаются коммуникативные ситуации, в которых публицист отвечает, реагирует на чужое слово.

По мнению Е. И. Шейгала, современный публицист выполняет разные роли: *ретранслятора*, озвучивающего напрямую высказывания политика; *рассказчика*, передающего высказывания политика не напрямую, а в пересказе; *конференсье*, представляющего политика и темы, с которыми тот собирается выступать; *интервьюера*, предоставляющего слово политику и контролирующего ход коммуникации посредством выражения своей точки зрения; *псевдокомментатора*, ангажированного журналиста, говорящего «от себя», но озвучивающего точку зрения политика; *комментатора*, самостоятельного агента политического дискурса, выражающего, прежде всего, свою точку зрения, а также цитирующего и пересказывающего суждения политиков [8, с. 74].

Как уже было отмечено, диалоговость обнаруживается в разных типах публицистических произведений – в диалоговых, межтекстовых и монологических. Следовательно, взаимодействие коммуникантов в публицистике с целью достижения той или иной целеустановки находит отражение в разнообразных по жанрам, структуре публикациях и представлено в разных видах диалоговости: непосредственной диалоговости и макродиалоговости. Многие исследователи неоднократно говорят о том, что границы между диалогом и монологом размыты (С. Ф. Занько), некоторые утверждают обратное, что монолог – это свернутый диалог, исходя из этого, к виду диалоговости текста мы смело можем отнести и монолог.

В непосредственной диалоговости публицистического текста один компонент выражает речевую партию адресанта, другой – речевую партию адресата. Без адресата коммуникация невозможна. Наличие второго лица, по терминологии М. М. Бахтина, предполагается, прежде всего, социальностью языка: «Реальность языка — это <...> социальное событие речевого взаимо-

действия» [1, с. 69]. Читатель вовлекается в диалог с автором и становится его непосредственным участником.

Для диалоговости характерны прямые взаимоотношения автора и адресата.

Ярким примером диалоговости, для которой характерно двупланное построение текста, может служить статья А. Игнатенко, опубликованная в «Комсомольской правде» (2016. №147. С. 3.). В статье можно увидеть речевые элементы как адресанта (...*Рядом – импровизированный мемориал, куда сочиницы несут цветы. – Хор Александрова, журналисты, экипаж... Этого не может и не должно быть!!! Летели в Сирию поздравить наших военнослужащих с Новым годом. Любая трагедия – больно и страшно. Но от этой как будто невозможно дышать, – плачет жительница города Ирина Сулова*), так и адресата (...*Смотри, погода меняется, вчера ещё солнце было, а сейчас пасмурно, тучи, штормит – словно море тоже решило траур объявить, – переговаривались между собой пассажиры*).

Отчетливо различимы голоса участников беседы – автора и аудитории. Эти голоса позволяют понять глубину поднятой проблемы.

Диалоговость публицистического произведения строится по следующей схеме: первое – это само слово автора, второе – это комментарий или слово героя, либо источника информации, сообщаемой в тексте. Вместе они образуют единый текст, формируется диалог.

-III-

Общение в публицистическом произведении может быть не только двусторонним, но и многосторонним, когда в диалог с читателем автор вовлекает «третьи» лица – своих единомышленников и оппонентов, или отвечает на замечания, комментарии, заявления, высказанные прежде кем-то публично.

Макродиалоговость состоит из стимулирующих и реагирующих текстовых компонентов, которые вступают в диалогические отношения, образуют диалог или даже полилог текстов.

Взаимодействие смысловых позиций, переданное сцеплением отдельных реплик или отдельных текстов, раскрывается на фоне внешней диалогичности.

В результате макродиалогости авторские выступления наполняются множеством голосов, а их речевая структура приобретает многослойность, отражающую позицию «третьих» лиц. «Третье» лицо может быть в отдельных случаях компетентным лицом, очевидцем событий, источником информации и выразителем интересных идей и т. д. [3, с. 126].

Следующий вид диалогости – монологичное публицистическое произведение, которое чаще всего представлено партией корреспондента, моделируемое в процессе написания послания, при этом партия адресата эксплицируется самим адресантом.

Под внутренней диалогичностью, свойственной монологическим текстам, Л. Р. Дускаева понимает выражение в тексте трехчастной структуры коммуникативного акта, т. е. соотношения разных смысловых позиций общающихся – адресанта, адресата и «третьего» лица [3, с. 112]. Внутренняя диалогичность, по ее мнению, проявляется в вопросно-ответной форме, в форме обращенности или предназначенности (направленной экспрессивности) текста адресату, в оценке чужих смысловых позиций.

Очерк К. Нефёдова «Воспоминания детства» в газете «Приднестровье» (2016. № 49. С. 3.) интересен тем, что обладает большой степенью воздействия. Не используя вставки из интервью, автор делает акцент на лексическом значении слов, что помогает вызвать у читателя соответствующие эмоции (*..И заработали воспоминания нашего далекого послевоенного детства. Узнаю, что это дочь знакомого мне Ленчика Шатохина. По малолетству он в наших мальчишечьих играх не участвовал, но рядом была девичья компания, где верховодили его старшие сестры. Вот с них-то и надо начинать рассказ о семье Шатохиных. У всех у них интересные судьбы, характерные духу многих наших горожан...*). Лучше всего монологический вид послания передает какую-либо личностную историю человека. Так, ис-

пользуя данную форму выражения авторской мысли, публицист рассказывает о биографии героя публикации в текстовых фрагментах (<...> *Родители Ольги, воспитывая двух дочерей, в работе тоже добивались успехов. Тот самый Лёнчик Шатохин был токарем-фрезеровщиком самых высоких разрядов. Ему доверялось личное клеймо, которое он ставил, как знак качества, на изготовленных им деталях. К сожалению, умер рано. Мать Тамара Владимировна много лет проработала инженером-метрологом на заводе «Прибор», а потом преподавателем труда в СШ №15. Учащиеся школы под её руководством принесли школе множество почетных грамот и призовых мест*).

Монологический вид послания – это тот случай, когда автор может выразить себя в личностном аспекте. Иными словами, публицист использует источник информации как основу для материала, при этом не вводя себя в текст как демонстративного субъекта высказывания.

Несмотря на то, что диалоговость представлена тремя видами (прямая диалоговость, макродиалоговость и монологичность), важным представляется то, что публицистические высказывания призваны влиять на общественное мнение, формировать у аудитории социально активное поведение.

Наиболее значительна роль адресата в интерактивных жанрах (в «прямых линиях», подборках писем, вопросах читателей). Активность адресата в монологических текстах ниже. Более того, читатель нередко становится предметом изображения в публицистическом произведении. Публицист, вводя реплики читателя в текст, передает его предполагаемую точку зрения.

Влияние аудитории на информационный процесс проявляется и в том, что публицистическое произведение предполагает ряд весьма разнообразных тактик учета особенностей восприятия адресата (диалог, выработка оценки, отношения, запоминание, актуализация).

Публицистика отражает чрезвычайно многообразие мнений, оценок, позиций, циркулирующих в общественном сознании, формируя такое взаимодействие, при котором каждая сторона излагает все аргументы в свою пользу и опровергает

слабые места в позиции противника, анализирует и оценивает те моменты в ней, с которыми не согласна.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 249-298.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
3. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб., 2012.
4. Еремина Л. И. Диалогизация как способ построения публицистического текста (О типологии публицистических жанров) // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987. С. 34-38.
5. Майданова Л. М Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987.
6. Нистратова С. Л. Коммуникативная направленность и стилистическая дифференциация синтаксических средств выражения адресованности речи в письменной и устной сферах коммуникации на научные темы: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики. Воронеж, 1975.
8. Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики. М., 1982.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Роль автора в организации публицистического диалога

Слово «диалог» произошло от греческого *dialogos*, что означает – «беседа». В бытовом смысле разговор между двумя или более лицами будет именоваться диалогом вне зависимости от того, какие цели ставят перед собой участники, какие ресурсы задействованы при его построении и к какому эффекту в конечном результате все это приведет.

Автор публицистического произведения, как правило, выстраивает диалог как систему, которая подразумевает четкое построение и направлена на решение конкретных задач. В бытовом понимании диалог – это искра, которая может разгореться спонтанно и так же стихийно оборваться.

Цель любого диалога – в поиске истины, основанной на взаимодействии сознаний. Но учитывая, что у каждого участника публицистического диалога существует свое представление о предмете разговора, крайне важно, чтобы стремление понять взяло вверх над стремлением устроить спор. Необходимо признать право на чужое мнение. На плечи автора ложится миссия выстроить систему связей с читателями. Автор стремится проложить дорогу от «реальности к тексту», а затем от «текста к читателю». В конечном итоге этот процесс, запущенный журналистом, заканчивается самостоятельным размышлением читателя. Важно также отметить, что современные технологии дают возможность публицистическому диалогу принимать самые разные формы. Читатель может перевоплотиться из субъекта воспринимающего в субъект воспроизводящий.

Еще Аристотель, выступая против обезличенного единства граждан, писал: «Государство – это “общение”, то есть диалог по поводу организации благой жизни» [1, с. 462]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что изначально в природе диалога был заложен специфичный инструмент взаимодействия. «Благая жизнь» – это успешное воплощение конкретной цели, то есть финальная стадия диалога.

Политик, воплощая идеи «благой жизни», может принимать необходимые законы, медик – спасать людей, полицейский – охранять закон. Но возникает вопрос: какова роль автора публицистического произведения в этом процессе?

Современный автор не может вырваться за рамки «информационной повестки дня». Роль автора заключается не только в том, чтобы поднять актуальную тему. Он должен выступить связующим звеном между обществом и институтами власти, закона, образования, здравоохранения и т. д. Автор создает ту самую систему связи, в которой общественный запрос на решение той или иной проблемы будет доходить до нужного адресата.

Процесс диалога подразумевает «организацию» движения мыслей и чувств. Потребитель информации продвигает новые знания, способствует эволюции старых.

Именно публицист создает представление о «благой жизни». Любое публицистическое произведение вносит изменения в систему этого понятия: будь то заметка о дефиците городского бюджета или же интервью с исполнителем песен – кумиром подростков. Диалог способствует восприятию текстов – автор и аудитория создают модель восприятия обществом современной действительности. Субъект восприятия информации, вступая в диалог, начинает постигать реальность, по-своему опираясь при этом на точку зрения автора высказывания, соглашаясь с ней или отвергая ее.

Одна из важнейших функций автора – создание коммуникативной ситуации, в основе которой лежат взаимоотношения двух сознаний – воспроизводящего и воспринимающего. В тонкостях данного взаимодействия адресата и адресанта и кроется секрет диалога.

Редакция издания должна чувствовать остроту социальной ситуации, выстраивая диалог, опираясь на важные для общества темы, формируя свою аудиторию. Так возникает группа людей, которые прислушиваются к слову автора, так возникает обратная связь, так создается побуждение к действию. Начинается движение в цепочке: от реальности к тексту, от текста к аудитории и от аудитории к восприятию реальности. Если на

этом пути возникают несостыковки, если реальный мир не воспринимается как достоверный, то диалог разваливается.

«Волнует тот, кто сам волнуется, и вызывает гнев тот, кто действительно сердится. Вследствие этого поэзия составляет удел или богато одаренного природой, или склонного к помешательству человека. Первые способны перевоплощаться, вторые – приходить в экстаз» [2, с. 1112], – так считал Аристотель, рассуждая об искусстве поэзии. Но данное утверждение одинаково верно и для публицистического авторства. Автор публицистического высказывания должен выдвигать свою точку зрения и должен уметь ее отстаивать. Невозможно строить хоть сколько-нибудь внятные диалоговые отношения с аудиторией, если автор далек от понимания проблем, о которых он пишет.

Дмитрий Быков заметил: «В советское время люди могли писать в стол – и верить, что в столе у них бомба. Сегодня слово стоит так мало, а поправление простейших правил так тотально и очевидно, что вкладываться в столь сомнительное занятие, как поиск смысла или борьба с пороками, не станет и самый упертый идеалист» [3]. Это мнение Быков опубликовал в своей работе «О современной русской литературе». Диалог предполагает активное публичное обсуждение возникшей проблемы.

Диалог – это важнейший показатель живучести общества в социально изменчивой действительности. Общество живет диалогом. К сожалению, сегодня диалог в нашей стране оказывается не востребован. Его все чаще заменяет монолог автора. Аудитория отказывается думать самостоятельно. Но задача автора состоит в том, чтобы использовать диалог как важнейший фактор плодотворного развития общества. Диалог актуализирует роль личности, участвующей в обсуждении проблемы. Точка зрения – это не истина, это приглашение к со-размышлению.

«Бомба» журналиста является, как правило, конкретной реакцией на факты действительности, фиксирующей какое-то индивидуальное или общественное проявление. Отчасти поэтому «бомба» не может долго лежать в столе. Исходя из типа издания, его формата и возможной реакции аудитории, автор создает некое смысловое пространство, которое помогает ау-

дитории соотности реальность со своими представлениями о происходящем. Так диалог обретает социальную значимость, продуктивно формируя общественное сознание.

Но может ли автор с «бомбой» в руках, сохранять профессионализм и объективно выполнять свои функции? На наш взгляд, журналист не просто субъективно воспринимает какой-либо факт, он осмысливает его, опираясь на существующую в голове базу данных, которая упрощает познание действительности.

Евгений Прохоров писал, что ни у одной социальной силы или группы СМИ нет монополии на истину и справедливость, и ни одна не имеет первенства над другими. Разумеется, в позициях каждой есть свои слабости, неточности, лакуны, противоречия, разные другие «сбои» [4]. Поэтому, по мнению автора, необходима толерантность, которая указывает не только на терпимость к инакомыслию, но и терпеливость в отношениях с оппонентами.

На наш взгляд, терпимость к иной социальной группе не может появиться без стремления к пониманию позиции оппонента – для этого и нужен диалог. Журналист, осмысливая проблему, может сохранять внешнюю беспристрастность, но в большинстве случаев он не может не заявлять о своей позиции. Поэтому главная задача автора аргументированно доказать свою точку зрения и попытаться привести к ней аудиторию.

Авторская точка зрения должна быть декодируема. Журналист, так или иначе, создает систему символов, которые в купе задают определенное направление движения мысли. Читатель должен понять, что стоит за содержанием. А для этого автор должен понять, какой читатель стоит перед ним.

Дж. Вудворд считает, что газета формирует общественное мнение с помощью искажения, пропусков, концентрации или окрашивания фактов, а не прямыми редакционными проповедями [5, с. 324].

Сегодня всю газетную площадь можно разделить на определенные тематические пласты. Не будем лукавить и скажем, что большую роль в редакционной политике так или иначе играет рекламный отдел. Это нормальное явление, которое помогает

современным изданиям выживать. Но вместе с тем задача журналиста становится сложнее – ему важно, соответствуя газетной политике, создать импульс, благодаря которому читатель заметит именно его. Текст должен быть декодируем и понят аудиторией.

Роль автора в познании мира очевидна. Гегель отмечал, что именно познание и мышление – корень жизни. И Художник, по его мнению, растворяет свою субстанциальность в стремлении объективно изобразить действительность. Для этого важно не только ясно воспринимать и понимать какой-то предмет действительно, но и осознавать адресанта. Восприятие аудитории уже заложено в поднимаемый вопрос.

Автор может выстроить свой текст по трем принципам. Первый – от «Я» к «Я». Публицист пытается сопоставить свое понимание роли в этой жизни с теми механизмами действительности, в которых ему приходится пребывать. Однако это вовсе не значит, что данный диалог исключает стороннего наблюдателя. Яркий тому пример – эссе. Если в текст заложена хоть какая-то яркая эмоция – значит, какая-то часть сознания может ее разделить.

Но чаще всего текстовое пространство строится как движение от авторского «Я» к читательскому «Они». В данном случае журналист может быть сторонним наблюдателем, но не оставаться «в стороне», а также сопереживать. На данном принципе строится абсолютное большинство публицистических текстов. Несомненный плюс такого построения в том, что в нем уже заложено место для определенной аудитории: пенсионеров, молодых мам, работников бюджетной сферы и так далее. Цель автора в данном случае оказать максимально возможное влияние на воспринимающую сторону, дать ей импульс для дальнейшего движения.

Есть и еще один тип диалоговых отношений «Я» – «Всеобщее все». В данном случае автор поднимает уровень своей публицистики до философского масштаба, пытаясь найти место человеку – как единице в огромном пазле социальных взаимоотношений.

Таким образом, мы видим, что при построении диалога в любом произведении автор может идти от себя не только как адресата, но и частично как адресанта, как бы публично размышляя о происходящем с самим собой.

В 2016 году Институт общественного мнения «Квалитас» провел специализированный опрос среди представителей СМИ Воронежской области. Авторам предложили ответить на вопрос: «Каковы лично для вас основные критерии успеха вашего выступления в СМИ?» Так, абсолютное большинство респондентов (64%) ответило, что главное – практический результат от выступления. Журналисты, которые занимаются криминальной хроникой, помимо практической пользы, хотели бы получить от своих материалов и резонанс в СМИ. Примечательно, что данные ценности, согласно опросам, были основными критериями успеха у воронежских журналистов и 20 лет назад.

Современные технологии дают возможность публицистическому диалогу принимать самые разные формы. Более того, благодаря блогам читатель может сам перевоплотиться из субъекта, воспринимающего сознание, в субъект, воспроизводящий мысль.

Во все времена считалось, что обмен мнениями, аргументация позиции, опора на факты присущи качественной журналистике. Особая ценность такого подхода очевидна – аудитория двигается по «ступенькам» фактов и мнений, формирует свою точку зрения. Это – главное.

Литература

1. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. М. 1983. Т. 4.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск. 1998.
3. Быков Д. О современной русской литературе: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/publizist/post310746033/>
4. Прохоров Е. Диалог как основа участия журналистики в формировании толерантного общества: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/Dialog-kak-osnova.php?PrPage=SMI>
5. Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М. 2010.

Организация работы редакции как звена коммуникативного процесса между читателем и СМИ в условиях меняющейся информационной среды

Современный мир переживает одну из самых масштабных медиареволюций в своей истории. Ключевая особенность этой революции – появление новых физических носителей информации, в частности, такого мощного медиаинструмента, как Интернет, с которым аудитория взаимодействует через компьютеры и мобильные устройства (телефоны, смартфоны, планшеты). Эпоха, в которую долгие годы в качестве главных носителей информации выступали газеты, телевидение и радио, безвозвратно ушла в прошлое. Всего за несколько лет в России, как и во многих других странах, сформировались онлайн-СМИ, которые серьёзно пошатнули позиции традиционных средств массовой информации в борьбе за внимание аудитории. В особо трудной ситуации оказались печатные СМИ, которым в силу объективных причин трудно выдержать конкуренцию в сфере доступности к потребителю – ведь газету надо где-то купить или получить, в то время как компьютеры сегодня есть в каждом доме, а развитие мобильного Интернета в последние годы создало ситуацию, при которой Всемирная сеть оказалась буквально под рукой у большинства современных людей трудоспособного возраста и молодёжи.

В новых условиях традиционным редакциям, желающим сохранить читателя, пришлось двинуться вслед за аудиторией в Интернет, создавая на базе традиционных СМИ так называемые конвергентные редакции, которые производят информационный продукт для разных носителей – традиционного Интернета, мобильных версий сайтов, для печатного издания. В настоящей статье мы поговорим об успешных стратегиях тако-

го движения, однако следует отметить, что универсальных рецептов, применимых для любой газетной редакции, на сегодня не существует.

За несколько последних лет кардинально изменилась и сама система взаимоотношений между СМИ (редакционным коллективом) и потребителями информации (читателями, зрителями, слушателями). С момента появления СМИ в том виде, в каком мы их знаем сегодня, до начала 2000-х годов, система «СМИ – медиапотребитель» была в основном односторонней: редакции пользовались эксклюзивным правом на производство и распространение информации, читатели-зрители-слушатели выступали в роли объектов медиавоздействия, и лишь очень опосредованно могли влиять на характер медиаконтента, представленного в СМИ. Сегодня потребитель сам свободно производит информацию. Теперь он может, минуя традиционные СМИ, донести свою позицию, взгляды, своё видение обсуждаемых проблем и ситуаций до широкой аудитории. Такая возможность появилась благодаря новым инструментам, которые предоставляет современный Интернет: социальным сетям, блогам, сервисам «Я репортёр», онлайн-комментариям и т. п.

Далеко не все традиционные редакции смогли отреагировать на новую потребность аудитории принимать непосредственное участие в работе над созданием информации, не все сайты, созданные газетными редакциями, предусматривают техническую возможность широкого вовлечения аудитории в редакционное сотворчество. Результатом такой редакционной политики нередко становится падение интереса аудитории к тем СМИ, которые ещё недавно считались безоговорочными лидерами на рынке.

Как меняется современная редакция, что происходит с традиционными редакционными ролями и процессом производства информации в тех коллективах, которые пытаются адаптироваться к условиям стремительно меняющейся медиасреды?

Трансформация традиционных ролей в современной редакции

Ещё несколько лет назад даже еженедельная газета воспринималась читательской аудиторией вполне адекватным источником новостей. Автор этих строк может засвидетельствовать: когда в 1999 году Издательский дом «Комсомольская правда – Воронеж» намеревался открыть еженедельную газету в Белгороде, местные журналисты уверяли, что этого не нужно – в областном центре не наберётся новостей на 24-страничную газету за неделю, – считали они. Сегодня сайты райцентров и даже некоторых сёл выдают такой же объём информации ежедневно, как некоторые газеты 15 лет назад еженедельно. А уж если печатное СМИ выходило в свет несколько раз в неделю, то оно воспринималось как сверхоперативное. Конечно, определённую конкуренцию в плане оперативности газете составляло телевидение, но если говорить о региональном уровне, то в 1990-е – начале 2000-х годов большинство областных и муниципальных ТВ-редакций переживали не лучшие времена, были плохо оснащены технически, испытывали нехватку профессиональных кадров, финансовые трудности и т. п.

Широкое распространение Интернета в 2000-е годы в корне поменяло расстановку сил в информационном пространстве. Появление профессиональных интернет-СМИ стало серьёзным вызовом традиционным редакциям, поскольку информация, опубликованная в сети, стала, с одной стороны, доступна широкой аудитории, с другой – имела важнейшие для новостной сферы преимущества – была оперативна (значительно оперативнее газет) и наглядна (новостную заметку в Интернете легко снабдить неограниченным объёмом фото- и видеоматериалов).

Движение многих традиционных редакций в сторону Интернета в начале и середине 2000-х годов выглядело вполне логичным и ожидаемым шагом. Однако очень скоро выяснилось, что едва ли не большинство из них не сумело пойти дальше дублирования информации из печатной версии газеты на своей странице во Всемирной сети. Во многих случаях имело ме-

сто создание электронной версии газеты, а не создание нового СМИ в Интернете.

Как результат, аудитория газет действительно начала перемещаться в Интернет, но при этом начиналось стремительное падение тиражей печатных версий газет, что совершенно не входило в планы большинства учредителей и издателей. Ведь именно печатные версии газет продолжали (и продолжают по сей день) оставаться главным рекламоносителем и «кормильцем» большинства редакций независимых (не дотируемых из бюджета) СМИ, поскольку рекламодатели, с одной стороны, с большой осторожностью размещали рекламу в Интернете, с другой стороны, её цена в Интернете составляла копейки по сравнению с ценой на рекламу в печатных СМИ. Во многих редакциях вскоре пришло понимание того, что создание электронных версий газет – путь тупиковый, поскольку ведёт к уничтожению печатной прессы и не даёт при этом надежды на то, что в обозримом будущем электронная версия СМИ сможет приносить сопоставимый с печатными СМИ рекламный доход. Да и с точки зрения сохранения аудитории ситуация оказывалась сложной – получалось, что традиционная редакция попадает в условия совершенно новой конкурентной среды с сетевыми СМИ и социальными медиа, которые к тому времени накопили уже серьёзный опыт в борьбе за внимание интернет-аудитории.

Таким образом, редакции традиционных СМИ столкнулись с необходимостью создавать полноценное интернет-СМИ на базе существующей редакционной инфраструктуры, сохраняя и развивая при этом традиционную печатную версию издания, поскольку именно она обеспечивала финансовую стабильность независимых редакций.

Естественный вопрос, ответ на который пришлось искать редакциям: каким должен быть информационный контент на разных площадках? Одинаковым для интернет-версии и печатной версии издания или разным? А если разным, то как и по какому принципу отбирать материал для веб-версии и печатной версии СМИ? Ценность информации для потребителя

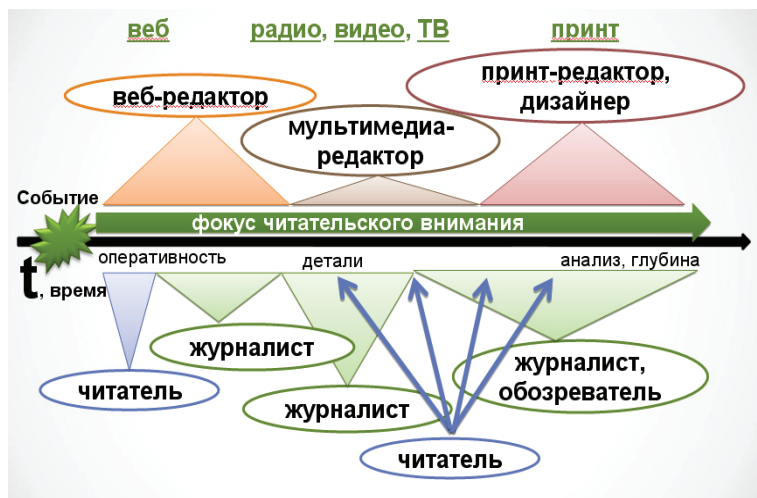
определяется разными характеристиками, ключевыми среди которых являются оперативность, с одной стороны, и глубина раскрытия журналистом освещаемой проблемы, с другой. Поэтому довольно скоро в конвергентных редакциях (то есть в тех редакциях, на базе которых начало происходить сближение традиционных и новых медиа) выработался следующий алгоритм подачи информации: оперативная информация (главным образом, короткие заметки) попадала в первую очередь на веб-версию издания, а аналитические материалы, большие репортажи, очерки находили место в печатной версии (этот принцип получил название двухскоростной журналистики). Кроме того, Интернет имеет ряд естественных преимуществ, которые также научились использовать журналисты, размещая там видеоматериалы и фоторепортажи (ведь, в отличие от газеты, в Интернете можно разместить практически неограниченное количество фотографий).

Особая сложность состояла в том, что обеспечивать производство информации для разных платформ и каналов распространения было необходимо силами традиционных редакций, руководителям которых пришлось искать дополнительные способы мотивации сотрудников, заниматься профессиональной переподготовкой кадров, менять традиционную, выработавшуюся годами, рабочую схему. Конечно, крупные, особенно общенациональные, издания всегда имеют больше возможностей для экспериментов, а вот небольшим региональным и районным редакциям оказалось чрезвычайно трудно адаптироваться к новым реалиям.

Достаточно успешный опыт перехода к двухскоростной журналистике (см. схему ниже) имеет воронежская газета «МОЁ!».

Двухскоростная журналистика силами небольшой редакции

Схема организации работы редакции газеты «МОЁ!» и портала «МОЁ! Online»

Редакция исходила из того, что характер читательского внимания к любому событию меняется в зависимости от времени, которое прошло с момента события. Оперативность работы редакции по освещению события имеет ценность в первые минуты и часы, когда читателю важно знать, **что** произошло, **где** это случилось и **когда**. Если читатель уже знает ответы на эти вопросы, у него возникают следующие: **как** это случилось, **почему**, **какие последствия будет иметь событие?** (Здесь и далее под событием мы понимаем такое происшествие, мероприятие и т. п., которое имеет непосредственное отношение к жизни читателя, помогает ему принять важные решения и т. п. К сожалению, современные СМИ сегодня нередко уделяют внимание искусственным новостям, навязанным журналистам и аудитории пресс-релизами, сообщениями пресс-служб, органами власти, коммерческими компаниями и т. п., но это тема для отдельного разговора. То издание, которому удаётся наиболее исчер-

пывающе и оперативно отвечать на вопросы первого уровня («Что?», «Где?», «Когда?») и при этом наиболее компетентно и полно отвечать на вопросы второго уровня («Как?», «Почему?», «Что будет?»), будет пользоваться наибольшим вниманием и доверием аудитории.

Если говорить о каналах распространения информации, то потребность в оперативности освещения событий наилучшим образом удовлетворяет Интернет (причём в последнее время всё большую роль здесь играет мобильный Интернет, которым потребитель может воспользоваться со своего смартфона или планшетного компьютера).

Что касается аналитических материалов, исследований, очерков – такие материалы по-прежнему хорошо воспринимаются в печатном виде. Кроме того, многие исследования показывают, что пользователи компьютеров и мобильных устройств с трудом воспринимают длинные тексты на экране. Так, известный специалист в области так называемой юзабилити (удобства восприятия информации в Интернете) Якоб Нильсен пишет: «...чтение текста с экрана монитора происходит приблизительно на 25% медленнее, чем чтение печатного текста. Даже те пользователи, которые не знакомы с результатами подобных исследований, отмечают, что они испытывают некоторые неудобства при чтении информации, представленной в электронном виде. В результате этого люди избегают чтения больших объёмов текста с экрана монитора. Таким образом, объем текста следует снижать на 50%, поскольку в данном случае значение имеет не только скорость чтения, но и удобство восприятия информации. Также известно, что пользователи не любят прокрутки, что является ещё одной причиной для сокращения объёма страниц» [2, с. 126].

Именно поэтому редакция «МОЁ!» избегает выкладки больших материалов на портале «МОЁ! Online» – подобные статьи главным образом размещаются на страницах печатного издания. Хотя это не исключает того, что объёмные материалы могут появляться не в общей информационной ленте, а в специальных разделах сайта (например, «Газета» или «Недвижи-

мость») или в отдельных рубриках, читатель которых подготовлен к восприятию больших объёмов текста.

Для большинства региональных редакций, которые встают на путь работы по принципу двухскоростной журналистики с выкладкой информации на разных технологических платформах, ключевым вопросом становится следующий: как добиться конвергентности в небольшом редакционном коллективе? В настоящей статье мы не будем подробно касаться вопросов мотивации сотрудников, которая позволяет вдохновить журналистов на перестройку их работы. Скажем только, что часто имеет место сугубо психологическая проблема, когда журналисту кажется, что при переходе к работе на разные платформы ему придётся работать больше. Как правило, это не совсем так – важно только понять, что Интернет – не дополнительная нагрузка, а инструмент работы современного журналиста.

А вот позаботиться о перестройке редакционных процессов руководителю редакции, как правило, приходится. И здесь, как нам представляется, уместно было бы критически взглянуть на традиционные редакционные роли, которые в новых условиях требуют значительной корректировки.

1. Журналист

В настоящей статье под журналистом мы подразумеваем главным образом творческого сотрудника, которые обеспечивает редакцию большинством материалов. Обычно эта функция возложена на корреспондентов и обозревателей. По нашим наблюдениям, во многих современных редакциях к журналистам предъявляются завышенные требования. Зачастую редакторы ждут от них и эксклюзивности предложенных тем, и навыков качественной репортажной работы, и глубокого анализа описываемых явлений... Когда традиционная газета запускает интернет-портал, нередко предполагается, что именно журналисты должны обеспечить оперативность освещения событий, и не только традиционным для журналиста способом – написанием текста, а ещё и мультимедиа материалами (фото, видео и т. п.). Возможно, такой подход оправдан в редакции, которая

располагает большим штатом журналистов, однако в наших реалиях ситуация нередко такова, что даже в крупном региональном издании журналистов можно пересчитать по пальцам. Кроме того, по нашим наблюдениям, универсальные журналисты – большая редкость.

Обязанности по поиску и оперативному освещению значимых событий в современной редакции рациональнее распределить по другим сотрудникам, в частности, переложить их отчасти можно на веб-редакторов (новая редакционная роль, речь о которой пойдёт ниже), а при грамотной организации работы – и на читателей, которых также можно рассматривать в качестве новой редакционной функции.

2. Веб-редакторы.

В каждой редакции, которая обзавелась собственным Интернет-проектом, есть люди, в обязанности которых входит размещение информации на сайт. Конкретные функциональные обязанности сотрудников, занимающихся наполнением содержания редакционных веб-проектов, могут отличаться в разных редакциях. Опыт редакции «МОЁ!» и портала «МОЁ! Online» показал себя как весьма эффективный. В обязанности веб-редакторов портала «МОЁ! Online» входит мониторинг информационного пространства региона, поиск новостей по редакционным каналам, написание материалов для сайта и для газеты, работа с читателями (в разделе «Народные новости», в социальных сетях и т.п.).

3. Редактор мультимедиа-направления.

Должность редактора мультимедиа-направления предполагает работу с мультимедиа-контентом, поток которого растёт в современном информационном пространстве. В задачи этого редактора может входить поставка мультимедиа-контента на сайт (источники – журналисты, читатели, видеохостинги и т.п.), монтаж видеосюжетов, организация онлайн-трансляций, круглых столов и т.п.

4. Читатели

Читатели портала «МОЁ Online» ежедневно оставляют на сайте в разделе «Народные новости» 100-150 сообщений в день, кроме того, о событиях в городе они сообщают в редакцию традиционными способами – с помощью телефонных звонков, электронных писем и sms-сообщений. Благодаря этому о многих значимых событиях в городе Воронеже и его окрестностях редакция «МОЁ!» узнаёт одной из первых. В результате журналисту остаётся выехать на место, узнать дополнительные детали и подробности события или происшествия и написать текст. А самую первую, свежую информацию о событии, возможно дополненную комментариями, взятыми у заинтересованных лиц по телефону, к тому времени уже выложат на портал веб-редакторы.

Кроме того, при правильно организованной работе читатели могут оставлять к материалам компетентные комментарии, сообщать подробности происшествий, делиться экспертным мнением. Однако сегодня далеко не все редакции эффективно используют инструменты по вовлечению читательской аудитории в редакционное сотворчество.

Формы вовлечения аудитории в создание редакционного контента

Начнём с того, что Интернет стал новым рабочим инструментом не только для читателей, желающих заниматься генерацией контента, но и для профессиональных журналистов. Причём функцией быстрого поиска справочной информации по интересующей журналиста тематике Интернет не ограничивается. Сегодня хороший журналист начинает работу над темой в онлайн-пространстве (собирая информацию, в том числе из сообщений в соцсетях, комментариях, нередко специально подбрасывая тему для обсуждения на сайт СМИ, чтобы спровоцировать дискуссию, найти новые подробности, очевидцев, экспертов и т. п.). Не работая в онлайн, сегодня почти невозможно претендовать на то, что ты разобрался в теме и готов подготовить компетентную статью для газеты. Более того, пу-

бликацией на сайте или в газете журналистское развитие значимой для аудитории СМИ темы, как правило, не заканчивается. После размещения материала на интернет-площадке, она может обрасти интересными комментариями, которые будут вынуждать редакцию к возвращению к теме. При этом обсуждение может проходить не на одной площадке (скажем, на сайте конкретного СМИ). Многие редакции сегодня имеют свои группы в популярных соцсетях, да и сами авторы нередко предлагают обсудить свои авторские материалы на своих личных страничках в соцсетях. Таким образом, пространство обсуждения темы значительно превосходит пространство, которое могло бы предложить традиционное печатное СМИ.

Как добиться читательской активности под опубликованными статьями? Прежде всего, нужно научиться общаться с читателями, замечать их вопросы и комментарии и реагировать на них. По мнению исследователя СМИ Андрея Мирошниченко, «простой ответ автора на каждую реплику читателя автоматически увеличивает количество комментариев в два раза. А двузначное число комментариев под статьёй само по себе способно возбуждать новых комментаторов. Примерно так на заре рыночных реформ уличные торговцы сами толпились у прилавка, симулируя ажиотаж. Лучшим способом привлечения толпы является толпа» [1]. Андрей Мирошниченко предлагает даже стимулировать блогерскую активность журналистов на сайте специальным пунктом трудового договора, привлекать к онлайн-активности других сотрудников – корректоров, например.

Для стимулирования читательской активности лучшие комментарии, которые посетители оставляют на сайте, обязательно должны попадать на страницы печатной версии. Читатели должны быть уверены в том, что их мнение важно для редакции, что их слышат, что их позиция и замечания находят отражения в публикациях журналистов.

На интернет-портале СМИ можно создавать и другие площадки для привлечения читательского контента, использовать разнообразные формы взаимодействия с аудиторией – от тестов, опросов и фотоконкурсов до создания разделов, которые

наполняются исключительно пользовательским контентом – «Я репортёр», «Народные новости» и т. п. Так, на портале «МОЁ! Online» в разделе «Народные новости» пользователи оставляют порядка 100 – 150 сообщений ежедневно, многие из которых становятся основой для подготовки журналистских материалов в газету и на сайт.

Привлечение читательского контента отнюдь не означает, что он способен заменить собой профессиональную журналистику. Потребность людей в объективных и содержательных материалах о тех проблемах, которые их на самом деле волнуют, никуда не исчезла. Другое дело, что так называемая гражданская журналистика изменила конкурентную среду, в которой существуют сегодня профессиональные журналисты.

Очень точно сказала об этом медиаэксперт Оксана Силаньева в интервью для *журнала медиафорума «Байкальская пресса – 2013»*: «Я достаточно просто провожу водораздел между журналистами и блогерами. Журналисты с предсказуемой регулярностью публикуют то, что важно и интересно их аудитории, блогеры с той регулярностью, которая удобна им самим, пишут о том, что волнует их самих. Проблема заключается в том, что многие блогеры оказались гораздо более чувствительны к проблемам своих читателей, чем журналисты. Они порой гибче, быстрее реагируют на комментарии, готовы общаться со своими читателями. Тем самым зарабатывая доверие аудитории» [3].

СМИ столкнулись с необходимостью в кратчайшие сроки выработать своё отношение к росту активности аудитории и стратегию развития в свете новых тенденций. Либо игнорировать всё увеличивающуюся роль читателя в генерации контента, либо увидеть в этих процессах новые возможности и перестроить свои подходы к производству и распространению информации. Как показывает практика, первый путь почти неизбежно ведёт к лавинообразной потере внимания читательской аудитории в очень короткой перспективе.

Если говорить о современных воронежских СМИ, то разные местные редакции по-разному подходят к удовлетворению новых запросов аудитории по активизации интерактивных кон-

тактов, но в целом складывается ощущение, что далеко не все ещё осознали важность происходящих перемен и выработали адекватную стратегию развития в меняющихся условиях. Как результат – большинство печатных СМИ на протяжении нескольких последних лет продолжают терять читательский интерес. Причём схожие тенденции можно наблюдать как в сегменте платных изданий, так и на рынке бесплатной прессы.

По нашим данным, реальные тиражи большинства платных газет, издающихся в Воронеже, планомерно снижаются на протяжении нескольких последних лет. Впрочем, тиражи нельзя считать в полной мере объективным показателем интереса аудитории к тому или иному изданию (любая газета может быть напечатана любым тиражом по желанию учредителя). Более объективную, на наш взгляд, картину дают исследования независимой компании «TNS Россия», которая на протяжении многих лет занимается измерениями аудитории СМИ в разных городах, в том числе в Воронеже. Приведём данные по аудитории одного номера основных воронежских газет за последние четыре года.

Аудитория одного номера воронежских газет, тыс. чел.

	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.
МОЁ!	251,1	242,7	263,4	244,6
Антенна-Врн.	148,0	144,8	154,9	153,1
Ва-Банк Воронеж	130,7	148,6	142,4	142,2
КП (еженедельн.)	96,2	94,9	91,1	86,1
Галер. Чижова	82,8	95,2	95,7	84,7
АиФ-Чернозем.	98,3	78,8	79,8	74,6

Камелот	114,4	94,4	63,1	51,8
Камелот-программа/ГородV	122,3	116,5	98,8	43,1
Телнеделя	58,8	57,4	53,6	35,5
Блокнот Воронеж	-	нет данных	нет данных	33,6
Росс. газета	27,8	21,6	21,7	20,0
Берег	33,6	34,6	30,8	15,4
Коммуна	18,8	17,5	16,8	13,9

Воронежский курьер	20,7	13,0	нет данных	нет данных
Московский комсомолец	13,4	8,6	10,3	нет данных
Молодой коммунар	9,9	нет данных	10,0	нет данных

В таблице приведены данные медиаизмерений компании «TNS Россия», проведенные в 2009-2013 гг.

Как видим, в группе изданий, наиболее интенсивно теряющих интерес аудитории в последние годы, оказались те печатные издания, которые придерживаются классических принципов организации взаимодействия с аудиторией, онлайн-страницы которых пока так и не стали площадками для взаимодействия с читателями.

Мировой опыт последних лет показывает, что наиболее уверенно в условиях меняющейся медиасреды чувствуют себя те издания, которые трансформируются в центры коммуникации сообщества, в мультимедийные информационные площадки, где читатели могут не только пассивно потреблять, но и свободно обмениваться информацией по интересующим их вопросам – через комментарии, народные новости, блоги.

Как сказал генеральный директор Всемирной ассоциации газетных издателей (WAN-IFRA) Винсен Пеирэн, открывая Всемирный газетный конгресс в Бангкоке в 2013 году, «будущее новостной индустрии зависит от того, насколько аудитория будет вовлечена в производство новостей, насколько прочное и активное сообщество читатели составляют» [4].

Роль редакции при такой модели не уменьшается, однако существенно трансформируется. Возможно, она становится менее заметной для широкой аудитории, но при этом не менее значимой. Ведь именно редакция имеет возможность модерировать разворачивающиеся дискуссии, направлять фокус внимания аудитории к той или иной проблеме, подытоживать редакционно-читательские дискуссии, доносить позицию граждан по ключевым проблемам до заинтересованных лиц и органов власти.

Однако ещё раз подчеркнём, что медийные возможности, открывшиеся сегодня перед читательским сообществом, не

подменяют профессиональную журналистику. Информация ценна не только фактами и мнениями, чем с избытком делятся так называемые гражданские журналисты. Профессиональный журналист имеет несоизмеримо больше возможностей (уже хотя бы в силу «Закона о СМИ»), навыков и опыта для сбора информации, её обработки, сортировки, анализа и непосредственно подготовки материала (написания статьи и т. п.). Однако неоспоримым фактом является и то, что для эффективной работы традиционным СМИ сегодня необходимо серьезно пересмотреть свои подходы к организации творческого процесса.

Литература

1. Мирошниченко А. Как развести издание и сайт // Частный корреспондент». 2011. 26 мая: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/kak_razvesti_izdanie_i_sajt_23511
2. Нильсен Я. Веб-дизайн: книга Якоба Нильсена. СПб, 2003.
3. Силантьева О. Мультимедийная журналистика – это больше, чем «работать на сайте» // Журнал медиафорума «Байкальская пресса – 2013»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sila.media/multimedia/whatismultimedia/>
4. Цит. по: Сухачева А. Тенденции мировой прессы: Всемирный газетный конгресс – 2013 // Новый репортер. 2013. 4 июня: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newreporter.org/2013/06/04/tendencii-mirovoj-pressy-vsemirnyj-gazetnyj-kongress-2013>

С. Гладышева (Воронеж)

Русское зарубежье в публицистике А. И. Куприна периода эмиграции

Жизнь русского зарубежья, этого уникального общества, образовавшегося в результате масштабной эмиграции из послеоктябрьской России – одна из устойчивых тем публикаций в русскоязычной прессе 1920-1940-х гг. Особенности «России № 2», ее миссия широко обсуждались в публицистике И. А. Бунина, П. Б. Струве, Саши Черного, П. Н. Милюкова, И. С. Шмелева, Надежды Тэффи и др. Представляет интерес оценка русского зарубежья А. И. Куприным, с 1919 г. находящегося в эмиграции сначала в Ревеле, затем в Хельсинки, а с июля 1920 г. в Париже. Он активно участвовал в газетно-журнальной работе, сотрудничая со многими изданиями русского зарубежья («Новая русская жизнь», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Отечество», «Общее дело», «Сегодня», «Русская газета» и др.).

Куприн никогда не занимался политикой, не входил ни в одну партию (хотя в дни февральской революции он вместе с П. М. Пильским редактировал эсеровскую газету «Свободная Россия») и всегда стоял на общедемократических позициях. Рассматривая Октябрьскую революцию как страшный эксперимент над русским народом, не принимая перемен, произошедших на родине при новой власти, он считал борьбу с большевизмом одной из главных задач эмиграции. Куприн-публицист активно протестовал против кошмаров советской действительности, «перед которыми бледнеют сумасшедший дом, каторга, тифозный бред и сама преисподняя» [3, с. 232]. Он жестко оценивал новую власть в России, большевики для него – «самые ядовитые враги России, злейшие, чем некогда половцы и татары» [2, с. 585]. В статье «Египетская работа» он утверждал, что «большевики вывернули наизнанку все устоявшиеся человеческие понятия и нормы. Рассчитали Бога, собственность и родину» [3, с.

127]. Происходящее в России представлялось ему в виде «мутно-грязного, кровавого девятого вала» [3, с. 100].

Занимая позицию непримиримости к большевикам, Куприн активно критиковал сменовеховцев, выступавших за сотрудничество с Советской Россией, считавших, что в период нэпа большевистская власть уже «переродилась» и действует в национальных интересах России. Публицист был уверен, что «от сменовеховства прямой и единственный путь в Совдепию, чистить сапоги и лизать пятки» [2, с. 478]. Он рассматривал сменовеховство и движение «возвращения» на родину как «систематические липкие бумажки» [2, с. 524], с помощью которых комиссары ловят эмигрантов в свои сети. Куприну, неоднократно утверждавшему, что он никогда не вернется в большевистскую Россию, по иронии судьбы придется приехать на родину в 1937 г., когда он тяжело болел и хотел только одного – умереть на родине.

Публикации Куприна периода эмиграции отличались крайней субъективностью оценок. Он объяснял закономерность своей пристрастности в статье «Слово святейшего»: «Мы, пережившие в сознательном возрасте величайшее мировое побоище, революцию и гражданскую войну, находимся еще в такой близости к этим событиям невероятно громадного размера, что судить о них с исторической точки зрения, требующей беспристрастной дали и холодной высоты, мы не умеем и не можем» [2, с. 571].

В 1924 году Саша Черный, оценивая в юбилейной статье «Тридцать пять лет» литературную деятельность А. И. Куприна, отдал должное его критике большевизма: «Честь и слава Куприну, что чугунное ядро антибольшевистского публициста он не бросил на первом перекрестке (так ведь легко ему это было сделать!) и тащит его на себе до сего дня. Когда-нибудь это затчется выше каллиграфически безупречных беллетристических страниц его собратьев по перу» [7, с. 353].

Следует особо отметить, что, критикуя большевистский режим, Куприн никогда не занимался очернительством Советов и предостерегал от этого своих коллег. В статье «Мой герой – правда» он рассуждал: «Я совсем не понимаю непреклонно-гордых и

белоснежно-чистых эмигрантов, которые огульно хулят все, что живет, зреет и дышит по ту сторону... называйте, как хотите... рубежа, рва, карантина... в Советской России» [2, с. 566].

В отличие от многих эмигрантов-публицистов, А. И. Куприн демонстрировал более широкий взгляд на Советскую Россию. Он не делил Россию на «старую» и «новую»; «истинную» и «дьявольскую». Он считал, что «нет никакой Советской России, а есть та же самая русская Россия, подпавшая Божьим попустительством и капризом дьявола, под власть слепых, глупых, безграмотных и бессовестных теоретиков, а также мстительной, жадной и злой сволочи, а также еще мастеров, выжимающих золото из грязи и крови» [2, с. 566]. По мнению Куприна, Россия большевистская – это любимая родина, которая находится в беде, и эмигрантам нельзя дистанцироваться от ее проблем.

Куприн, как и большинство публицистов русского зарубежья, настойчиво предупреждал Запад о «болезни» большевизма, имеющей «заражающее» влияние на все страны мира. В статье 1921 года «Ближе к сердцу» он четко сформулировал важнейшую составляющую миссии эмиграции: «Русские эмигранты, хотя бы для того, чтобы оправдать свое бездеятельное существование, – все они, умеющие мыслить, писать и говорить, должны не скулить, а доказывать всему цивилизованному миру, что перед ним не чужая зубная боль, а опасность всеобщей заразы, не похожей ни на холеру, ни на чуму, от которых можно отгородиться карантинами, что ему угрожает чудовищная, истребительная эпидемия, растущая по мере увеличения ее окружности, центр которой в Москве, что теперь уже поздно ограничиваться домашними профилактическими средствами» [2, с. 301]. Для Куприна участие разных стран в истреблении большевизма – это вопрос «не о помощи России, а о взаимной самопомощи государств всего света» [2, с. 301].

Мечтая спасти Россию от большевистского засилья, Куприн надеялся на помощь извне. Он был уверен, что «<...> Россия, по воле судьбы, отвела от Европы грозу большевизма, приняв ее на себя» [3, с. 32]. Куприн, как и Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и другие публици-

сты русского зарубежья, выражал горечь, негодование по поводу недалёковидности Европы и Америки, которые не хотели понять, что большевизм – это страшная опасность для всех. В статье «Победители» он иронизирует: «А дальновидные люди Европы еще надеются, что большевизм иссякнет, выдохнется, предоставленный самому себе, и что от заразы большевизма их государства, вероятно, застрахованы...» [3, с. 83]. Куприн с горечью замечает, что западный мир готов идти на компромиссы с советской властью, установить торговые отношения и в конце концов заключить мир. Для публициста это демонстрация равнодушия к судьбе русского народа, национального эгоизма, политической близорукости.

Куприн далек от идеализации русской послеоктябрьской эмиграции. В статье «Ребус» он пытался дать объективную оценку ее потенциалу, утверждая, что от него «не скрыты ее темные стороны». Его возмущали лжепророки русской эмиграции, появление которых он объяснял «беженской усталостью, неутомимой печалью по прежней России, ноющей тоской по родине, неусыпным чаянием лучшей жизни и общей жаждой веры, чуда и точки опоры» [2, с. 578]. Куприн с сожалением писал о разногласиях в эмигрантской среде, о том, что «партийные раздоры разбили ее на множество групп, усилия которых, направленные в разные стороны, не дают равнодействующей, несмотря на то, что цель усилий для всех одна – свержение большевиков» [3, с. 265].

Заметна переключка положений этой статьи Куприна с «Дневником политика» П. Б. Струве, в котором редактор парижской газеты «Возрождение» призывал эмигрантов объединить усилия в деле спасения родины и активно участвовал в подготовке Всероссийского съезда эмигрантов [8]. Съезд – крупнейшее политическое мероприятие – был задуман сторонниками великого князя Николая Николаевича для выработки единой политической платформы антикоммунистической эмиграции и создания политического руководства. Съезд планировался как общеэмигрантский, имеющий представительство от всех по-

литических и общественных течений, делегаты на него выбирались во всех центрах массового проживания русской диаспоры.

В статье «Слоны и конституция», опубликованной в «Русской газете» 10 августа 1924 г., Куприн подробно разъясняет свое представление о политическом устройстве будущей России, подчеркивая при этом свою беспартийность. Не будучи монархистом, он мыслит «<...> приемлемым, желательным и необходимым для будущего России нового Монарха. Не самодержца, хотя бы и прекрасных личных качеств, но изолированного от живой жизни глухой стеной лжи, эгоизма, происков, продажности и лести, а совсем, совсем нового Государя, доступного и внимательного ко всем голосам и нуждам страны <...> Монарха просвещенного, способного присягнуть самой широкой и доброй <...> КОНСТИТУЦИИ» [2, с. 430-431].

Куприн неизменно выделял «среди эмигрантского разнотолка, среди беженского разброда» [2, с. 486] позицию великого князя Николая Николаевича, в которой, по его мнению, «нет места ни партийным раздорам, ни враждебной розни» [2, с. 486]. Суть программы великого князя публицист сформулировал кратко и емко: «Партия – это вся Россия. Цель – ее здоровье и счастье. Средство – обезвреживание России от большевистской болячки. Образ будущего государственного строя установит народ» [2, с. 486]. Последний тезис программы особенно импонировал Куприну. Он неоднократно подчеркивал, что «судьбу нашей родины может решить только свободно выраженная воля русского народа» [2, с. 469].

Куприн с сожалением писал, что среди эмигрантов он «приобрел кличку монархиста» [2, с. 559]. В статье «Слагаемое» он разъяснял читателям: «Я, пишущий эти строки, я совсем не монархист» [2, с. 469], но «работать в пользу будущего спасительного для России движения, которое он (великий князь Николай Николаевич.– С. Г.) возглавит, я считаю и долгом, и радостью» [2, с. 469].

Куприн возлагал большие надежды на Зарубежный съезд эмигрантов и верил, что он пройдет в атмосфере «взаимного согласия, уважения, терпения к ошибкам, уступчивости и, главное, полного понимания громадности и предстоящей ему ра-

боты» [2, с. 550]. Однако на съезде, который состоялся в апреле 1926 года в Париже, желаемого объединения не получилось, так и не удалось достичь главной цели – организовать политический центр эмиграции. В статье «Насмарку», опубликованной в ежедневной газете «Русское время» 23 апреля 1926 года, Куприн с грустью подводил печальные итоги съезда: «Слова, слова... И сам съезд почувствовал вскоре, что ему грозит перспектива повиснуть без точки опоры в пространстве, наполненном невесомыми и безответственными словами» [2, с. 552].

Но Куприн настойчиво пытался объединить всех эмигрантов, независимо от их личных взглядов и убеждений. Он считал, что, не сумев уберечь Россию там, на родине, беженцы должны попытаться спасти ее здесь, в зарубежье.

Во многих публикациях он рассматривал явления культурной жизни эмиграции, отмечал их особую роль в формировании русского зарубежья. Рассказывая в статье «Два юбилея» о том, как эмиграция отметила 125-летие со дня рождения Пушкина, он заметил: «Какая-то электрическая искра пробежала от сердец к сердцам. <...> сказалось общее национальное чувство среди будничного кислого равнодушия и мелочных разговоров» [2, с. 421]. Следует отметить, что имя Пушкина стало в русском зарубежье символом русской культуры. По мнению авторитетного исследователя М. Раева, в эмиграции «развился настоящий культ Пушкина» [6, с. 125]. Начиная с 1924 г., день рождения великого поэта отмечался как День русской культуры.

Куприна остро волновала судьба русской литературы в эмиграции. Для него литература есть «самый заметный маяк нации, по которому можно судить о ее жизни, жизнеспособности, скажем даже – бессмертии» [2, с. 567]. Неизменно демонстрируя бережное и внимательное отношение к наследию русской культуры, он настаивал на продолжении литературных традиций в русском зарубежье. Публицист уверен, что «<...> в близости к чудесной русской литературе, в этой совсем невольной преемственности и заключается сила <...>» [2, с. 567].

Публицист резко протестовал против коммерческой рекламы и саморекламы русскими писателями-эмигрантами своих про-

изведений. В статье «Заокеанская знаменитость» он критиковал прозаика и журналиста Г. Д. Гребенщикова, который, проживая с 1924 г. в США, активно проводил рекламные кампании собственного творчества среди русских эмигрантов в Америке и Европе. Куприн был возмущен поведением Гребенщикова, который, по мнению публициста, попирал «толстыми американскими подошвами два лучших качества, всегда сопровождавших таланты русских писателей: правду и скромность» [2, с. 575]. Куприн подчеркивал: «Русская литературная этика всегда отличалась большой внутренней строгостью» [2, с. 577]. Он рассматривал саморекламу Гребенщикова как «эгоистическое свинство» [2, с. 577].

В центре внимания Куприна-публициста – эмигранты, яркие представители зарубежной России. Например, он с удовольствием рассказывает читателям о приезде в Париж знаменитого русского атлета и борца Ивана Заикина. По мнению Куприна, эмигранты ценили в этом колоссе «широкую и добрую душу, верность в дружбе и увлекательную прелесть его свободной волжской речи, сдобренной метким, наблюдательным юмором» [2, с. 461]. Встреча с русским богатырем, с которым Куприна связывала многолетняя дружба, навяла публицисту грустные размышления: «Вот такая была и наша родина... Простая, сильная, здоровая, крепкая, прочно сложенная... Ведь не могло же случиться, чтобы в ней навек перевелись богатыри тела и духа?» [2, с. 461].

С особым чувством передает Куприн атмосферу концерта в Париже исполнительницы русских народных песен и романсов Н. В. Плевичкой: «Чудилось, что какие-то магнетические лучи протянулись и вибрировали в такт от певицы к публике и от каждого зрителя к певице и что только на этой невидимой и невесомой основе Плевичка ткала прелестные, такие родные, такие нестерпимо близкие узоры русской курской песни. И я видел, как глубоко, до дна сердца, были потрясены в этот вечер многие молчаливые, суровые слушатели» [2, с. 470]. Плевичка стала для эмигрантов символом утраченной России, и причину успеха певицы публицист усматривал прежде всего в том, что «она своя, она родственница, она домашняя, она – вся русская» [2, с. 470].

Он знакомит читателей с творчеством циркового артиста, уникального дрессировщика А. А. Дурова, отец которого, известный русский клоун А. Л. Дуров, был близким другом Куприна. По мнению публициста, знатока цирка, номера Дурова-младшего лишены внешних эффектов, но поражают составом «артистов» – вместе выступают лиса и петух, кот и белые мыши; выходят на арену хорек и енот, которые с трудом поддаются дрессировке. Куприн обращает внимание читателей на главное правило работы А. А. Дурова с животными – «ни удара, ни крика, ни наказания» [2, с. 527], но «главнейшим образом – ласка и разговор» [2, с. 527].

Куприн демонстрировал неизменное уважение к эмигрантам, лишенным родины и хранящим деятельную память о ней. Одной из задач публицистики Куприна стало напоминание о подвиге Белой армии, сохранение в памяти потомков имен ее героев. Армии он отводил особое место в освобождении России. В статье 1920 года «Голос друга» он писал: «Армия, только одна армия спасет Россию от большевизма. Она же даст возможность лучшим людям страны покончить с причиной большевизма – рабством, создав новое государство на основах народной свободы и любви к родине» [2, с. 153]. Белые вожди, по его мнению, лучшие сыны России, «от Корнилова и Алексеева, через Колчака к Врангелю передается неугасимое жаркое пламя чистой любви к ней (родине – С. Г.) и бесхитростной веры в нее» [2, 317].

С особым сочувствием Куприн писал о судьбах военных в эмиграции, о трагедии их жизни. Некрологом «Полковник И. М. Ставский. 1889-1927» он откликнулся на смерть одного из них. В центре внимания публициста – потомственный военный, прошедший горнило Первой мировой войны, не изменивший присяге после революции и храбро сражавшийся с большевиками. Куприн подробно представляет читателям основные вехи его военной биографии, свидетельствующие о мужестве, храбрости Ставского, который «был прирожденным талантливым воином <...> чудесным товарищем, старшим братом и отцом для солдат, суровым лишь в случаях попыток к грабежу населения» [2, с. 599]. Эмигрантский период жизни полковника обозначен

публицистом кратко: «Германия, Париж. Шоферский руль» [2, с. 598]. Затем Куприн дает трагический финал тридцативосьмилетней жизни Ставского – жестокий туберкулез, французский госпиталь Hotel Dieu, самоубийство, которым полковник опередил свою смерть от болезни на двое-трое суток. Куприн крупным планом показал одну офицерскую судьбу, за которой просматривалось множество печальных историй.

В публицистическом творчестве Куприна нашли отражение трагическое мироощущение эмигранта, его неизбывная тоска по родине. По его мнению, все русские эмигранты «томятся самой тяжкой из болезней – страстной тоской по родной земле» [2, с. 577]. В 1923 г. он с грустью констатировал: «Боль и тоска по родине не проходят, не притерпливаются, а все чаще и глубже» [4]. В феврале 1924 г. Куприн, отвечая на письмо своей первой жены М. К. Куприной-Иорданской, с которой он сохранил теплые дружеские отношения, писал о тяжелой атмосфере в беженской среде: «Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва – это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбили дюжину тухлых яиц» [4].

В очерке «Родина», опубликованном в рождественском номере «Русской газеты» за 1924 г., он замечал: «А теперь болезнь (ностальгия. – С. Г.) потеряла остроту и стала хронической. Живешь в прекрасной стране, среди умных и добрых людей, среди памятников величайшей культуры... Но все точно понарошку, точно разворачивается фильма кинематографа. И вся молчаливая, тупая скорбь о том, уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России, а только черную дыру» [2, с. 22-23].

Горький эмигрантский хлеб, ощущение неизбывной тоски по оставленной родине определили сочувственное отношение Куприна к товарищам по несчастью, острое желание духовно поддерживать их и помочь им. Его заботит, какие книги читают русские эмигранты в Финляндии, в статье «Жажда чтения» он сообщает об открытии в Хельсинки русской библиотеки в девять с половиной тысяч томов. В статье «Хорошее дело» он приветствует издание в Стокгольме томика рассказов А. П. Чехова,

снабженного предисловием профессора Ю. Лунделля, прекрасного специалиста по русской литературе; выход журнала-альманаха «Детские грезы», ставшего подарком шведских издателей юным эмигрантам из России, которые «так изголодались по хорошей, теплой, умной книжке» [3, с. 273].

В ряде публикаций можно встретить и сугубо практические советы по обустройству быта в чужой стране, поискам работы, решению проблем питания. Например, в статье «Огородничество и садоводство», опубликованной в хельсинкской газете «Новая русская жизнь» в 1920 году, он обстоятельно разъясняет нуждающимся эмигрантам, как можно самостоятельно вырастить овощи в климатических условиях Финляндии и тем самым сэкономить хоть немного денег. Многие его советы обнаруживают солидный опыт Куприна в выборе семян, подготовке почвы, ее обработке, уходе за растениями и т. д. Как утверждают биографы Куприна, в голодные 1917-1918 годы писатель жил в Гатчине, где вместе с художником Щербовым и другими гатчинцами организовал подобие огородной артели, выращивая на месте цветников картошку [5, с. 245].

Особое внимание Куприн, как и многие публицисты, уделял теме эмигрантского детства. Вслед за Сашей Черным, который «одним из первых обозначил трагедию детей русского зарубежья – рядом с эмигрантами подрастал “маленький народ, не знающий России”» [1, с. 175], Куприн призывал бороться с денационализацией детей беженцев. Он, как и большинство публицистов русского зарубежья, считал, что эмигрантские дети, независимо от того, где они родились – в России или в чужой стране, их приютившей, – должны оставаться русскими.

Часто строки публикаций Куприна напоминают молитву о спасении детей эмигрантов. В очерке «Островок» он словно закликает: «Боже, спаси и сохрани одиноких детей. Сколько их пало благодаря страху, голоду и развращающим примерам. Детвора больших городов, выброшенная на улицу, лишенная семейного тепла, оставшаяся без дружеской направляющей руки, знающая уже воровство и равнодушная к убийству, знакомая с преждевременными и противоестественными пороками, пре-

дающаяся азарту, пьянству и кокаину, – вот они, больные цветы на залитой кровью земле. Но кто возьмется указать: где в падении детской гибкой души положен предел, от которого начинается безвозвратная гибель?» [2, с. 108]. В этих пронзительных и сегодня актуально звучащих строках заметна ответственность публициста перед молодым поколением, чувство вины за судьбы детей в эмиграции.

Часто Куприн обсуждал проблемы русских гимназий и интернатов, их материальные трудности. В подобных публикациях неизменно звучали призывы помочь русским детям. В декабре 1919 г. газета «Новая русская жизнь» (Хельсинки) опубликовала обращение Куприна к читателям «Елка: Воззвание», в котором писатель рассказал о проблемах русской гимназии и интерната в деревне Перкъярви на Карельском перешейке. Он призывал эмигрантов к посильным пожертвованиям для создания в интернате стипендий и для его расширения. А также просил помочь организовать для эмигрантских детей настоящее русское Рождество – с елкой и подарками: «Может быть, у кого-нибудь найдутся лишние вещи: русские книги, учебники, игры (дети от 8- до 14-летнего возраста), вязаные вещи, белье, валенки, сапоги, санки, лыжи? – Кому чего не жалко. Все пригодится» [3, с. 274]. В конце обращения Куприн писал: «Я верю, русское сердце отзывчиво» [3, с. 274].

В центре внимания его очерка «Островок», опубликованного в «Русской газете» в 1924 году – русская колония для детей беженцев, основанная С. В. Денисовой и ее младшей дочерью Н. Н. Денисовой в Мэри на Уазе, километрах в двадцати пяти от Парижа. В колонии усилиями организаторов удалось собрать пятьдесят беженских детей, большинство из них – сыновья крестьян и казаков, тридцать три состояли в Добровольческой армии; возраст от шести до семнадцати лет. О посещении колонии Куприн рассказывает в репортажной манере: у ворот встречают младшие мальчики, каждого из них публицист представляет читателям. Например: «Вот – комвод Никита. Круглая рыжая голова низко стрижена, свежее славное лицо все пестрит веснушками. Сытое воронежское тело крепко сбито» [2, с. 110].

В доме – бывшем монастыре – чисто и бело; в хозяйстве – куры, гуси, утки, свиньи, коза. Публицист подробно рассказывает о банкете, который благодарные выпускники колонии устроили для своих наставников и руководителей. Он мастерски передает чудесную русскую атмосферу за столом – пение хором донских песен, приветствие учителей, игра в футбол. Публицист признается, что «своеобразное бытие колонии казалось мне настоящим психологическим и педагогическим чудом» [2, с. 109]. Он с радостью сообщает читателям, что за три года существования колонии двадцать два человека прошли обучение в техническо-механической школе Рашель, один мальчик окончил русскую гимназию в Париже и т. д.

Очерк заканчивается оптимистическими размышлениями Куприна о том, что, несмотря на все невзгоды и катастрофы, не погибла Россия и русский человек. Опыт русской колонии для детей эмигрантов убеждает его в этом: «А вот оно, малое русское зерно, зацепилось в своем бурном стихийном полете за кусочек, щепотку родной земли – и погляди, как мило, просто и радостно расцвело. Ах, живуча, живуча моя родина, и много в ней сокровенных добрых сил. И если здесь, в изгнании, не видим многочисленных примеров русской мощи и доброты, русского ума и таланта, а еще больше – любви к родине, то значит – просто – не хотим видеть или смотрим не туда, куда надо» [2, с. 114-115].

В статье «Помощь студентам» он знакомит читателей с опытом деятельности парижского «Русского Общества помощи больным и неимущим студентам», которое «с неустанной энергией ведет <...> свою ответственную и благую работу» [2, с. 616]. Изучив большое число писем, как просительных, так и благодарственных, рассказов о деятельности этого общества, Куприн приходит к выводу о нелегкой судьбе неимущей части русского студенчества, которая «совершенно лишена помощи от семьи, находится в таком тяжелом, бедственном положении, когда каждое “завтра” грозит холодом, голодом, истощением и болезнью» [2, с. 616]. С болью публицист говорит о том, что «студенты поневоле берутся за работы хотя и дешево оплачиваемые, но не занимающие целого дня: моют, например, стекла

в кафе и магазинах, служат в ресторанах судомоями» [2, с. 616]. Тем ценнее, по мнению публициста, деятельность подобных обществ в русском зарубежье.

Отметим также активное участие писателя в иллюстрированном детском журнале «Зеленая палочка», который выходил в Париже в 1920-1921 гг. под редакцией Дон-Аминадо. Цель журнала – стремление привить детям любовь к стране, где остались их корни, к родному языку, пробудить интерес к российской истории и культуре – как нельзя лучше отвечала задачам самого Куприна.

Он верил в эмиграцию, «внутреннее ядро которой цело и крепко» [2, с. 489], надеялся, что «со временем ее поблагодарит и Россия» [2, с. 491]. Он с гордостью и уважением писал об успехах эмигрантской молодежи в учебе и работе, отмечал профессионализм русских рабочих, трудящихся на фабриках Европы, стремление беженцев помочь родине в голодные годы. Эмиграция виделась Куприну «трезвой, работающей, честной, здоровой и сердечной» [2, с. 491].

Он восхищался тем, «как прекрасно, широко и благостно проявляется живая русская душа здесь, на чужбине, среди трудов, скорбей и лишений, вдали от милой родины» [2, с. 591]. В статье «Остатний раз» он замечал: «Судить надо русскую эмиграцию не по ее будничным, серым дням, не по ее молчанию и не по ее болтовне, а по тем моментам, когда широко и трогательно проявляется ее подлинная душа. Большая душа, временно скрываемая в шелухе мелочей!» [2, с. 490].

В очерке «Русская душа» Куприн напоминает читателям о благотворительности эмигрантов: «Как не вспомнить о той щедрой и поспешной готовности, с которой русское эмигрантское общество отзывалось на каждую нужду, на каждую боль... Вспомним о сборах в пользу инвалидов, вспомним создание убежища для беспризорных, брошенных русских мальчиков, вспомним массовые отклики на каждый отдельный случай братского несчастья, вспомним об усердных дарах на церковные надобности и ... пожалуй, устанем перечислять примеры величия, чуткости и доброты русской души в изгнании» [2, с. 592].

Куприн был уверен, что «по смыслу своего бытия она (эмиграция. – С. Г.) представляет собою отрицание самого отрицательного, самого безмерно-злого явления мировой истории – воинствующего русского коммунизма» [3, с. 265]. Именно поэтому для него русское рассеяние рисуется «не отрицательным, а положительным явлением» [3, с. 265]. При этом публицист не уставал верить «в одно чаемое чудо, которое вдруг проявит умы русских эмигрантов и соединит их силы в одном стремлении. Чудо не особенно таинственное, даже весьма простое – любовь к Родине» [3, 265].

Чувство любви к многострадальной Родине руководило Куприным, когда он выстраивал диалог с читателями о проблемах «альтернативной России», о миссии русской эмиграции. Он настойчиво искал и находил в зарубежье «островки» русской жизни и создавал в своих статьях, очерках образ той России, которую беженцы увезли с собой и смогли сохранить в фактически чужеродной среде для будущих поколений. Жизнь русского зарубежья неизменно рассматривалась А. И. Куприным в русле глобальной проблемы судьбы России.

Литература

1. Гладышева С. Н. Тема детства в публицистике русского зарубежья 1920-1940-х годов // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвузовск. науч.-практ. конф. СПб., 2006. – С. 172-178.
2. Куприн А. И. Голос оттуда, 1919-1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные некрологи. Заметки. М., 1999.
3. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919-1921). СПб., 2001.
4. Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. Воспоминания о А. И. Куприне : [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/146123/mariya-kuprina-iordanskaya-gody-molodosti-66.php>
5. Михайлов О. Н. Жизнь Куприна. «Настоящий художник – громадный талант». – «Бессмертные имена». М., 2001.
6. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М. 1994.
7. Саша Черный. Избранная проза. М., 1991.
8. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М.; Париж, 2004.

«Вспомним Станкевича...» Влияние Н. В. Станкевича на русскую журналистику XIX века

Известный русский религиозный философ, литературный критик и публицист В. В. Розанов в начале прошлого века писал: «Иной незаметный образованный человек, без печатных трудов и ученых заслуг, распространяет такой образовательный свет вокруг себя, какому хоть позавидовать и Ломоносову. Вспомним Станкевича...» [4].

9 октября 2013 года широко отмечалось 200-летие со дня рождения этого незаурядного русского интеллектуала, вошедшего в историю отечественной культуры как поэт, философ, просветитель, основоположник русского европеизма, создатель и руководитель знаменитого литературно-философского кружка в Московском университете, в котором активно участвовали К. С. Аксаков, М. А. Бакунин, А. А. Беер, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, А. П. Ефремов, М. Н. Катков, И. П. Ключников, В. И. Красов, Я. М. Неверов, П. Я. Петров, С. М. Строев и значительное воздействие которого испытали на себе О. М. Бодянский, Т. Н. Грановский, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев. Впоследствии все эти люди стали виднейшими деятелями русской общественной мысли, литературы и журналистики, науки и культуры.

Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» подчеркивал, что «из тесного дружеского кружка <...> душою которого был Н. В. Станкевич <...> вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности, от Кольцова до г. Тургенева» [5, с. 179].

Николай Владимирович Станкевич родился в Острогожске, прошел глубокую нравственную и интеллектуальную самоподготовку в родовом дворянском имении Удеревка, расположенном недалеко от этого города. Там самостоятельно изучал классическую литературу, увлекался поэзией, писал стихи. Учился в Острогожском уездном училище и Воронежском благородном

пансионе, затем в 1830-1834 гг. на словесном отделении Московского университета, где испытал значительное влияние ведущих профессоров И. И. Давыдова, М. Г. Павлова и прежде всего Н. И. Надеждина, под воздействием которого сформировались его литературные и эстетические взгляды. С конца 1831 года вокруг Станкевича сгруппировался литературно-философский кружок, существовавший параллельно с социально-политическим кружком А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 1837 году уехал за границу лечиться от туберкулеза и продолжать образование. Учился в Берлинском университете, где увлекался Шиллером, досконально изучил философию Шеллинга, Фихте, Канта, едва ли не первым из русских обратился к философии Гегеля, подступил к материализму Фейербаха. Умер 7 июля 1840 года в возрасте 27 лет в маленьком итальянском городке Нови-Лигура близ Генуи, не совладав с тяжелой болезнью.

Отмечается, что Станкевич оказал значительное влияние на русскую журналистику 30-х годов XIX века и последующего периода. Воронежская исследовательница Е. М. Таборисская пишет: «<...> до отъезда за границу (1837) он (Станкевич. – А. Д.) проявлял самый активный интерес к русской литературе и журналистике <...>» [1, с. 5].

Понять, в чем конкретно заключалось это влияние во многом помогает исключительное по глубине и содержанию эпистолярное наследие Станкевича – его письма родным, близким, друзьям, дневниковые записи, ярко отразившие личность автора и эпоху, в которую он жил. Они читаются как художественно-философские фрагменты, затрагивающие общественные, эстетические и нравственные проблемы. Восторженную оценку этим письмам после их публикации дали не только бывшие члены кружка Станкевича, но и Герцен, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой.

В письмах Станкевича значительное место занимают разнообразные вопросы журналистики его времени.

Во-первых, мы видим, что он внимательно следил за текущим журналистским процессом в России и Европе. Письма многократно отсылают нас к публикациям в 14 отечественных

изданиях (журналах «Библиотека для чтения», «Журнал Министерства народного просвещения», «Московский наблюдатель», «Русский инвалид», «Северный архив», «Сын отечества», «Телескоп», «Эолова арфа», *Revue Etrangere*, издававшимся в Петербурге на французском языке; газетах «Литературная газета», «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», «Молва», «Московские ведомости», «Северная пчела» и множестве европейских изданий на разных языках). Они содержат заинтересованные отклики, характеристики отдельных изданий, взглядов их редакторов и авторов. Станкевич искренен в своих суждениях, оценках, откликах, симпатиях и антипатиях.

В письме к Неверову от 18 мая 1833 года, к примеру, пишет: «Да и не добрый тот человек, который эту дрянную газету делает органом своего мнения. <...> «Северная пчела» (издавалась Гречем и Булгариным. – А. Д.) с позволения сказать, принадлежит к роду тех пчел, которые берут себе мед с отбросов» [1, с. 317].

Во-вторых, Станкевич принимал личное творческое участие в русской журналистике своего времени. Правда, имея явное литературное, философское и журналистское дарование, он не стремился быть литератором и журналистом, не спешил излагать на бумаге свои знания и мысли. Он считал, что прежде всего нужно образовать себя, четко выстроить систему мышления, намечал планы значимых публикаций только после этого. Его первый биограф П. В. Анненков отмечал, что Станкевич оставил «одну плохую трагедию «Василий Шуйский», стихотворения, замечательные по отношению к развитию его идей, но не представляющие в самих себе достаточной степени глубины и меткости выражения, чтоб остановить внимание читателя, хотя основные мотивы почти всех имеют несомненный поэтический характер. Сверх того, в тех же журналах помещены были его переводные и оригинальные статьи философского содержания, большей части без подписи имени <...>» [1, с. 26].

Конечно, общая тенденция отмечена Анненковым верно, но перечень представленных литературных и журналистских опытов далеко не полон. Перу Станкевича принадлежит около 50 поэтических произведений, которые печатались в альманахах

и журналах «Атений», «Бабочка», «Денница», «Телескоп», «Литературной газете», «Молве» и других изданиях. А. С. Пушкин в 1832 году включил несколько стихотворений Станкевича в альманах «Северные цветы», о поэтических опытах Станкевича похвально отозвался А. А. Дельвиг. На поэтическое мировоззрение Станкевича значительное влияние оказало творчество Шиллера, Гете, Байрона, он близко воспринимал романтическо-философскую сторону их лирики. Заслуживают внимания прозаические произведения – небольшая повесть «Несколько мгновений из жизни графа Z***», позволяющая прикоснуться к духовному миру автора, «Три художника», «Об отношении философии к искусству», переводные философские тексты с комментариями Станкевича, которые положительно оценил В. Ф. Одоевский.

В-третьих, особенно большое значение Станкевич имел для молодого и «мятежного» Белинского, его идейного развития, деятельности в качестве редактора и критика издававшихся в Москве передового русского журнала «Телескоп» (1835-1836 гг.) и приложения к нему газеты «Молва», а после их закрытия в журнале «Московский наблюдатель» (1838-1839 гг.), фактически превращенном Белинским в журнал кружка Станкевича.

Вот что пишет Станкевич 22 апреля 1835 года Бакунину: «Не стану описывать Вам, сколько предприятий рождается между нами; как эти планы горячо принимаются на несколько дней, как исчезают! <...> Надеждин, отъезжая за границу, передает свой журнал одному из нас, а все мы беремся помогать ему <...>. Мы намерены сделать его чисто переводным, за исключением библиографии, которая требует у нас прямого человека с образованием и добрыми намерениями: таков Белинский <...>» [1, с. 572].

В письме Неверову от 1 июля 1835 года говорится: «Надеждин передает свой «Телескоп» Белинскому; с № 7 он поступит в его распоряжение; и мы понемногу все станем ему помогать <...> каждое воскресенье мне остается два-три часа свободных, в которые я могу заняться для него; кроме того, мы всегда будем обществом совещаться о журнале» [1, с. 190].

В период редакторства Белинского в «Телескопе» Станкевич щедро делился с ним своими познаниями, мыслями, энтузиазмом, и это влияние было действенно. Добролюбов отмечал: «В письмах Станкевича встречаются большей частью раньше общие заметки и мнения, которые потом, после небольшого промежутка времени, являются уже основательно и подробно развитыми в статьях Белинского <...> очевидно, что при образовании взглядов и суждений в кружке друзей своих Станкевич никогда не был лицом пассивным и даже имел некоторое влияние» [2, с. 391].

Письма Станкевича содержат многочисленные сообщения о его работе над материалами для «Телескопа», настоятельные просьбы, а иногда и требования Белинского по этому поводу.

Обратимся к письму В. И. Красову от 5 мая 1846 года. В нем говорится: «Получив мое письмо, надень шапку на бок и иди к Белинскому. Пришедши, скидай шапку и за меня кланяйся в ноги и проси прощения; не прежде, как получив прощение, изъясни ему мой проступок, а в чем он состоит, тому следуют пункты: 1) обещал я ему окончить статью о Гегеле и прислать с первой почтой из деревни и отложил нужный для этого № *Revue Germanique*; 2) Иван забыл взять его; 3) я не перевел статьи – фрр! гром, буря, молния, дождь, т. е. Белинский, наконец, плюет, и буря утихает <...>. Я не стану писать к Виссариону, пока не пройдет буря, т. е. до следующей почты <...>» [1, с. 217].

Станкевич старается поддержать журнал творчески. Именно здесь он публикует небольшую повесть «Несколько мгновений из жизни графа Т*...», другие произведения, переводные статьи немецких философов, в том числе и со своими предисловиями.

Уехав за границу, Станкевич посредством переписки, присланных переводных философских статей, заметно влиял на Белинского-редактора «Московского наблюдателя».

В-четвертых, Станкевич оказал поистине неоценимое опосредованное воздействие на русскую журналистику.

По мнению Анненкова, главным в Станкевиче были «его сердце и его мысль» [1, с. 26]. Имеется в виду то, что Станке-

вич был непререкаемым лидером и авторитетом для членов его кружка, оказал колоссальное воздействие на формирование их взглядов, стоял как бы у истоков их дальнейшего идейного и творческого развития, обладал даром открывать чужие таланты (например, Кольцова). Воспоминания о Станкевиче – мотив, звучащий рефреном для русских интеллектуалов, входивших в его кружок или близких к нему. Об обаянии личности Станкевича, обширности и глубине его знаний, оригинальности мысли восторженно отзывались Белинский, Грановский, Кольцов, Тургенев и другие.

Участие в кружке, общение со Станкевичем послужило для всех его членов питательной почвой для дальнейшей творческой, в том числе и журналистской деятельности.

«И начнется жизнь после жизни – каждый из его соратников и друзей в той или иной мере несет на себе «печать» образа Станкевича, развивает сложную драматургию обсуждавшихся идей, насущных жизненных, исторических и социальных вопросов, воплощает их на практике, иногда радикально видоизменяя первоначальные представления и смыслы» [3, с. 105], – пишет О. А. Жукова.

О влиянии на Белинского – редактора, критика, публициста – говорилось выше. Это же в полной мере относится прежде всего к трем выдающимся русским интеллектуалам, обозначившим линию раскола в политическом и культурном самосознании русского общества, русской журналистике второй половины XIX века – Бакунину, ставшему революционером, идеологом социализма, анархизма и народничества и блестящим публицистом, К. Аксакову – историку и публицисту, одному из основателей славянофильства, Каткову – публицисту, общественному деятелю, редактору журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», который вначале придерживался либеральных взглядов, а затем на страницах своих изданий выступил как ярый сторонник государственного традиционализма консервативно-реакционного толка. Это же можно сказать о ментально близком Станкевичу Грановском,

о Боткине, Неверове и других, оставивших заметный след в отечественной журналистике и публицистике.

Литература

1. Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич : переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым / вступит. статья Е. М. Таборисской; науч. коммент. М. И. Медового; под ред. А. Б. Ботниковой, Ю. Л. Полевого. Воронеж, 2013. 368 с.
2. Добролюбов Н. А. Николай Владимирович Станкевич («Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым». М., 1858) // Собр. соч. В 9 т. М.-Л., 1962. Т. 2. С. 381– 402.
3. Жукова О. А. К интеллектуальной истории русского европеизма: К 200-летию со дня рождения Н. В. Станкевича // Философские науки. 2014. № 1. С. 103-115.
4. Розанов В. В. Женский университет в Москве // Новое время. 1906. 16 апреля.
5. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. В 15 т. М., 1939-1953. Т. III. С. 5–309.

**В. А. Маклаков: «Искусство “политика”
оценивается по результатам,
а не по верности политической “грамматике”»**

Прошедшие 100-летия начала Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций усилили дискуссию о том, почему быстро развивавшаяся на рубеже XIX-XX вв. Российская империя не смогла решить накопившиеся противоречия. Можно ли было избежать гражданской войны? Какую роль сыграли и могли сыграть те или иные общественные силы? В ходе этой дискуссии мы открываем для себя имена множества незаслуженно забытых, а то и оболганных русских людей: государственных и общественных деятелей, политиков, военных, юристов. Многие из них были одновременно и замечательными публицистами. К их числу относится и Василий Алексеевич Маклаков (1869-1957).

Маклаков – крупный русский адвокат, ученик А. Р. Ледницкого и Ф. Н. Плевако, завоевавший известность выступлениями на крупнейших судебных процессах (Выборгском, Тагиева, Бейлиса и др.). Общественный и политический деятель. Участвовал в оппозиционном кружке «Беседа» и «Союзе освобождения», предшествовавших кадетской партии. Позднее стал членом ЦК партии конституционных демократов, депутатом 2, 3, 4-ой Государственной думы от Москвы. Был причастен к убийству Распутина.

В октябре 1917 года Временное правительство назначило Маклакова послом России во Францию. Но он не успел вручить верительные грамоты из-за Октябрьской революции. Оставался неаккредитованным послом до октября 1924 года. Представлял Белое движение, в сентябре 1920 г. встречался с П. Н. Врангелем в Крыму. Возглавлял эмигрантские и международные организации, занимавшиеся судьбами бежавших из России. Был арестован нацистами, но потом отпущен на волю. В марте 1945 года избран почётным председателем «Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией», но вскоре отказался

от контактов с советской властью. Его брат Николай Маклаков – крупный государственный деятель, министр внутренних дел России (февраль 1913 г. – сентябрь 1915 г.), имевший репутацию реакционера. Расстрелян по постановлению ВЧК.

Современная российская наука интересуется в первую очередь политической, юридической и научной деятельностью В. А. Маклакова. Но он был также и замечательным публицистом. До октября 1917 года зарекомендовал себя одним из лучших ораторов-мастеров речевой публицистики благодаря резонансным выступлениям в качестве адвоката на крупных судебных процессах и острым речам на заседаниях Государственной думы, мероприятиях, организованных партией Конституционных демократов.

Характерный пример выступлений Маклакова в Государственной думе – речь в связи с обсуждением законопроекта об отмене военно-полевых судов. Глава правительства Столыпин признавал: «Самое яркое выражение доводы против военно-полевого суда получили в речи члена Государственной думы Маклакова» [3, с. 138].

Эту речь можно разделить на три части. В первой Маклаков категорически отмежевался от революции и признал право власти бороться с революционерами. Во второй он стал на точку зрения авторов и защитников военно-полевых судов и задал им вопрос: «Неужели вы не видите, что военно-полевые суды в той постановке, которую вы им дали, есть учреждение глубоко антигосударственное и что <...> существование этого закона <...> уничтожает государство как правовое явление?» [3, с. 139].

В третьей части речи Маклаков развивал высказанную в вопросе точку зрения: «Есть два государственных устоя: закон, как общее правило, для всех обязательное, и суд, как защитник этого закона. Когда целы эти начала – закон и суд – стоит крепко и сама государственность. <...> А вы подорвали закон, вы обесценили суд, подкопались под самые основы государства – и все это сделали для охранения государственности. <...> Если вы так добьете революцию, то вы добьете одновременно и государство, и на развалинах революции будет не правовое государство, а только одичавшие люди, один хаос государственного разложения» [3, с. 139].

На следующий день Столыпин ответил Маклакову: «Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов <...>. Но в этой плоскости мышления я думаю, что я ни с господином Маклаковым, ни с другими ораторами <...> не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, который талантливо отстаивает доктрины» [3, с. 141]. После думских прений институт военно-полевых судов де факто в России больше не применялся до начала Первой мировой войны.

До октября 1917 года Маклаков также периодически печатался в русских либеральных газетах и партийной прессе кадетов. В 1915 году опубликовал, например, в «Русских ведомостях» резонансную статью «Трагическое положение». В ней Маклаков сравнивал русское правительство с безумным шофером: «Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге <...>. И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может <...>» [4]. Маклаков размышлял, вырывать ли со смертельным риском руль или отложить такую попытку до спокойной обстановки? Он считал, что власть лучше не трогать до победы над Германией.

Если до октября 1917 года Маклаков был известен в первую очередь как мастер речевой публицистики, то его главные достижения в печатной публицистике приходятся на эмигрантский период. Он активно печатался в ведущих эмигрантских газетах, журналах, альманахах и сборниках. Г. П. Струве особо выделял «статьи В. А. Маклакова, переоценивавшие русское освободительное движение» [6, с. 49] в журнале «Современные записки».

Переоценке русского освободительного движения посвящены и публицистические книги «Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания современника)» [1], «Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г.» [2] и «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г.» [3]. Это главный итог публицистической деятельности Маклакова. Самый объемный из этих трудов – «Власть и общественность на закате старой России» – не публиковался ни в советской, ни в новой России. Два других в 2006 году впервые изданы в нашей стране.

В этих книгах Маклаков рассматривает борьбу и попытки диалога власти и общества времен Николая II. При этом он приходит к выводу, что после революции 1905 года, в период Первой и Второй Государственной думы, русские либералы и олицетворявшие их политические партии, прежде всего кадеты, свой исторический шанс упустили.

Русский либерализм был склонен искать причины этого в менталитете русского народа, в том, что у либералов в России отсутствовала широкая социальная база. Как писал их лидер П. Н. Миллюков, русский либерализм «был не социальный, а интеллектуальный» [5].

Но были либералы, в том числе Маклаков, которые не переносили ответственность за свое поражение на отсталость русского народа, а искали его причины в конкретных политических ошибках, считая, что либеральные партии из-за излишнего доктринерства, отсутствия трезвой оценки ситуации не сумели оправдать доверие и надежды общества.

Юридическая практика заметно повлияла на публицистику Маклакова. Она лишена доктринерства, автор, как на судебном процессе, дает в тексте возможность обеим сторонам представить свои аргументы. Абстрактные рассуждения о свойствах русского народа в публицистике Маклакова уступают место анализу тактик политических партий того времени, целесообразности действий и достигнутых результатов, соответствия деятельности действовавшему законодательству. При этом, как успешный адвокат, Маклаков рассуждает не только логично и аргументированно, но и красноречиво, с меткими метафорами, эпитетами и сравнениями.

Маклаков считает, что конституционный строй мог бы стать для России спасением, остановить революцию, но партия кадетов, как крупнейшая политическая сила либералов, сама помешала утверждению в России конституционного строя из-за трех фундаментальных ошибок.

Кадеты были передовой интеллигентской группой, однако политическая конъюнктура привела к тому, что они стали народной партией, за которую голосовали люди, которые зачастую даже не могли понять ее программу.

В чем была эта конъюнктура? «Судьба Самодержавия была решена не банкетной кампанией прогрессивной интеллигенции, а тем, что обыватели потеряли веру в Самодержавие и перешли на сторону непонятной для них “конституции” <...>. Они сами не хотели ни революции, ни беспорядков, ни разложения государства. Поэтому они поддержали на выборах кадетскую партию» [2, с. 15].

Успех кадетской партии, успех конституционной идеи привели к тому, что партия разрослась. У нее появились радикальное и консервативное крылья. Многие лидеры партии, депутаты кадетов в Государственной думе по-разному смотрели на те или иные вопросы. Маклаков считал, что в таких условиях на пользу конституционному делу пошло бы формирование внутренних фракций или даже распад кадетов на несколько независимых партий.

Но небольшая элитарная группа, управлявшая кадетами в первых двух Думах, не только не допускала разделения, но и старалась сохранить за собой «монополию либерализма» [2, с. 11]. Она не изменяла и своей элитарной программе, не подстраивалась под нужды и надежды простых избирателей, выбирая стратегию и тактику политической борьбы. В итоге это привело к тому, что обыватели потеряли веру не только в Самодержавие, но и в конституционный строй.

Маклаков писал: «Они защищали правое дело, были “мозгом страны”, против них, по их понятиям, был “сгнивший”, “обреченный на гибель” режим, а побеждены оказались они. Они теперь винят победителей; но не напоминает ли это австрийский Hof-Kriegs-Rath, за свои поражения обвинявший неуча Наполеона, который вел войну не по “правилам”? Искусство “политика” оценивается по результатам, а не по верности политической “грамматике» [2, с. 7].

Вторая ошибка, по мнению Маклакова, заключалась в том, что будучи теоретически партией конституционной, практически кадеты после выборов в Первую Государственную думу вели антиконституционную политику.

Маклаков считал, что октябрьский (1905 г.) Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка фак-

тически ввел в России конституционный строй. С этого момента интересы правительства и кадетов совпадали: они должны были оберегать этот строй и начать совместную работу по совершенствованию законодательства империи. «Соглашение с властью должно было стать главной задачей либерализма этой эпохи <...> либеральная общественность должна была только признать, что с объявлением конституции прежнее ее непримиримое отношение к власти потеряло свой *raison d'être*» [2, с. 15-16].

Однако лидеры кадетов считали, что конституция должна быть принята на их условиях, они отвергали многочисленные попытки правительства сблизиться с либеральной общественностью и вели деструктивную политику в Первой Государственной думе, придерживались тактики, которую Маклаков называл «сектантской» [2, с. 11].

Маклаков писал, что фактически в это время либеральное общество работало не над торжеством в России правового порядка, а над заменой одного самодержавия другим: «У него тоже не было уважения к закону и праву; свою победу над старым порядком оно поняло так, что оно само стало теперь так же выше закона, как раньше было Самодержавие» [2, с. 22].

Либерализм бросил власти вызов, и фактически добился того, что власть этот вызов приняла и либерализм победила.

Третьей ошибкой был выбор союзников. Чтобы ввести в России конституционный порядок, либералы объединились с революционными партиями. Это был оправданный шаг, когда либеральные политические силы были вне закона. Однако с появлением в России конституционного строя, парламента, революционные силы становились для либералов опасны. Но либералы не только не вступили в союз с правительством против революционных сил, но и поддерживали союз с революционными партиями в Первой Государственной Думе. «Общими силами Россию столкнули в бездну революционного хаоса» [2, с. 13], а в дальнейшем бывшие союзники либеральных партий их же и уничтожили.

Катализатором падения Российской империи в конечном счете стала война. «Но если после 8 лет “конституции” Россия

смогла воевать целых три года, то будет ли смело предположить, что, если бы эти 8 лет протекали иначе, Россия смогла бы в войне дотянуть до конца? В совместной конституционной работе с общественностью здоровые элементы исторической власти получили бы такую опору, что они смогли бы преодолеть осилившие их микробы разложения власти и государства в форме распутина. <...> Конечно, во время войны общественность свой долг исполняла; но тогда было поздно» [2, с 14].

Маклаков не только дал критический анализ поражения русского либерализма, но и заглянул в своей публицистике в будущее: «Для воспоминаний есть <...> оправдание. История не повторяется, но законы жизни не меняются вовсе. Мы присутствуем при одном общем явлении, которое в громадных масштабах совершается на наших глазах: мы видим, как и почему победители свою победу проигрывают. <...> Проиграют ее и возмнившие сейчас тоталитарные государства» [4, с. 20].

Литература

1. Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания современника) // Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия»: в 3-х ч. Париж, 1936.
2. Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006.
3. Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006.
4. Маклаков В. Трагическое положение // Русские ведомости. 1915. 27 сентября.
5. Селезнева Л. В. Российский либерализм на рубеже 19-20 веков и европейская политическая традиция: Автореф. докт. дис.: [Электронный ресурс]. Электронная библиотека диссертаций disserCat: [Официальный сайт]. Режим доступа: www.dissercat.com/content/rossiiskii-liberalizm-na-rubezhe-19-20-vekov-ievropeiskaya-politicheskaya-traditsiya
6. Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы; Краткий биографический словарь русского Зарубежья. Париж; М., 1996.

Революция как инструмент культурных изменений

Поводом для написания данного текста стал столетний юбилей Русской революции, который приходится на этот год. Не заметить столь грандиозное событие при обсуждении любой гуманитарной проблемы нашего времени – было бы неправильным.

Во-первых, потому что во всей мировой истории, несмотря на перманентно возникающие революционные ситуации, по сию пору остаются лишь две революции, которые завершились победой – Великая буржуазная, случившаяся во Франции, и Великая Октябрьская социалистическая, произошедшая в России.

Во-вторых, любая революция – это, конечно же, стресс для нации, но в экстремальных нечеловеческих условиях перелома этот стресс нередко самым парадоксальным образом оборачивается для культуры глотком свежего воздуха.

Да, у революции есть своя чудовищная бытовая изнанка и свои гримасы. И, конечно же, ощущения простого обывателя, оказавшегося в эпицентре исторического слома, – заслуживают и жалости, и сострадания, но они, вообще-то, не самоценны. Может быть, цивилизация и возникла для того, чтобы обеспечить обывателю покой и уют. Но культура существует и развивается лишь тогда, когда великие люди начинают испытывать великие чувства и потрясения. В этом её смысл и предназначение. Конечно, жизнь миллионов – драгоценна и необычайно интересна, но эмоции Андре Шенье, пережитые им во Франции в 1789 году, или Александра Блока, испытанные в России в 1917-м, – интереснее и ценнее для развития мира, нежели страх перепуганного любыми переменами обывателя. Как бы жестоко это ни звучало.

Ну и, в-третьих, современные гуманитарные знания предполагают обнаружение и изучение самых разнообразных типов сознания, отражающих весь спектр идей и тенденций совре-

менного мира. И в этом смысле мы просто не можем обойти вниманием сознание революционное. Хотя бы потому, что именно оно приводит к «крайним» решениям и «крайним» средствам, исходом из которых и является окончательный разрыв с существовавшим до этого миром.

Как известно, есть две модели оценки событий: первобытно-средневековая (или традиционная), и инновационная (или революционная), которая, как принято считать, соответствует европейской культуре Нового и Новейшего времени. И если для первой модели главным критерием отбора и оценки информации является прецедент, то для второй модели таким критерием служит, наоборот, новизна.

Это очень любопытная категория, хотя бы потому, что вряд ли мы найдем в нашей жизни нечто более загадочное и непознанное, чем новизна. И в этом смысле революция, как символ обновления, всегда делает мир неизведанным, поскольку наделяет смыслом каждое мгновение человеческого существования между настоящим и наступающим.

Это уникальное свойство революции литература всегда улавливала очень точно. Наиболее ярко оно проявилось в стихах самого революционного поэта России Владимира Маяковского. Именно его творчество было призвано эстетически «поднять» революцию над всеми традиционными образами классической лирики, включая и красоты природы:

*Чье сердце
 октябрьскими бурями вымыто,
Тому ни закат,
 ни моря револицые,
Тому ничего,
 ни красот,
 ни климатов,
Не надо –
 кроме тебя,
 Революция! [5, с. 89].*

В поэтическом мире Маяковского все важнейшие нравственные понятия трактуются исключительно через обновление.

Революция, устремленность в неведомое будущее становятся для поэта-трибуна символами глобальных перемен, полным и окончательным отречением от прошлого, безоглядным прорывом «вперед»:

Граждане!

Сегодня рушится тысячелетнее «прежде».

Сегодня пересматривается миров основа.

Сегодня

до последней пуговицы в одежде

жизнь переделаем снова [2, с. 136].

Именно «переделка жизни» провозглашается главной целью прихода человека в этот мир, поэтому она должна стать тотальной и безгранично возможной, не сдерживаемой ничем:

Довольно!

Зевать нечего:

переиначьте

конструкцию

рода человеческого! [4, с.102]

При этом прошлое отвергается бесповоротно, осмеивается и безжалостно уничтожается. Человечеству достается лишь будущее:

Будущее наступило!

Будущее победитель!

Эй, века,

на поклон идите! [3, с. 160].

Движение к будущему становится главным смыслом революции – поэтому от времени отставать нельзя, его надо торопить, «пришпоривать», чтобы не потеряться в вихре истории:

Марш!

Чтоб время

сзади

ядрами рвалось.

К старым дням

чтоб ветром

относило

только

путаницу волос. [6, с. 105].

...В нынешней России, в силу понятных исторических причин, существуют как поклонники революции, так и её противники. И почти нет людей, относящихся к ней с тем созерцательным спокойствием и отстраненной доброжелательностью, которые обычно требуются для определения эстетической сути искусства. В этом, быть может, и заключается причина отсутствия жажды новизны в сегодняшней российской культуре. Ее место занимают сюжеты из так называемого *магического историзма* (термин принадлежит современному культурологу и литературоведу А. М. Эткинду [10, с. 414]), авторы которых уводят своих персонажей в прошлое, чтобы попытаться растворить там нынешнее безвременье. Такой уход даёт возможность сконструировать взамен реальной истории – выдуманную, «экспериментальную» версию, внутри которой одним лишь актом воображения можно упразднить любое историческое событие, в том числе и революцию.

Подобный творческий метод в разной мере присутствует в творчестве самых модных современных прозаиков – В. Сорокина, В. Пелевина, Д. Быкова, Е. Водолазкина, А. Терехова. Но наиболее ярко и выразительно он представлен в книгах Владимира Шарова. Вот, к примеру, как изменяется ленинская концепция преобразования мира в его романе «Будьте как дети»: «Революция, – продолжал Ленин, – есть решительный крест на всем прошлом пути человека, пути от рождения к неизбежной старости и смерти. Свободно и честно мы должны отказаться от искушения независимого взрослого существования и раскаяться, признать себя Блудными сынами. Каждый из нас – маленький заплутавшийся ребенок, и Господь, истинный Отец и Спаситель, ждет его, чтобы прижать к груди. Как бы далеко мы ни зашли, мы обязаны вернуться в детство, потому что жизнь младенца проста и пряма, греху в ней негде укрыться. Только так, снова – и теперь уже навсегда – став детьми, мы сможем спастись» [9, с. 178].

При этом образ реальной революции оказался абсолютно не востребованным в постсоциалистическом искусстве нашей страны. Произошло это во многом из-за того, что сегодня революция воспринимается культурой как нечто, находящееся на самой границе дозволенного и запретного, в месте столкновения эстетики и варварства. Но – в том-то и состоит уникальность революции – сама ситуация столкновения эстетики с варварством уже делает ее художественным явлением, поднимает на уровень того особого состояния искусства, при котором эстетика под ударами варварства распадается на осколки элементов и концептуальных схем, облеченных в яркие, невиданные доселе сочетания красок, звуков и слов.

Такой распад искусства на осколки еще называют авангардом.

Революция всегда порождает авангард, так же как и авангард, в свою очередь, неизменно приближает революцию. Потому что у них есть общая цель – стремление свергнуть не только существующую традицию, но и, образно говоря, отменить самих себя. В России вслед за социалистической революцией только в первое десятилетие авангард дал – не только отечественной, но и мировой культуре – десятки школ, сменяющих друг друга в лихорадочном темпе. Футуризм, имажинизм, конструктивизм, дадаизм, сюрреализм, абсурдизм, минимализм, концептуализм, экспрессионизм...

Подобное культурное многообразие возможно лишь в ситуации глобального потрясения, когда искусство попадает в поле мощнейшего духовного притяжения, источник которого находится в будущем. Если при обычном состоянии размеренного течения истории, реалистическому искусству очень трудно продвинуться хотя бы на сантиметр вперед – так властно удерживает его прошлое, так навязывает ему традицию и сковывает инерцией, – то в период революционной стихии искусству столь же трудно удержаться за какую-нибудь застывшую традиционную форму. В эпицентре потрясений ему приходится изо всех сил цепляться за прошлое, чтобы как-то сохранить хотя бы мизерную часть традиции, прильнуть к ней ненадолго,

прежде чем окончательно отдаться силе революции, увлекающей вперед и вперед.

В этом смысле революция подобна гигантской, не имеющей очертания духовной силе колоссального притяжения, которая рвет в клочья и отрывает с мясом искусство от традиций. Эти клочья, эти ошметки прошлого порождают невиданные доселе образы вмиг распредмеченного, разбалансированного мира, становясь тем мощнейшим инструментом, с помощью которого революция начинает воздействовать на культуру.

В такой ситуации стремление культуры к изменениям приобретает ярко выраженный мятежный характер: диалектика развития неизменно порождает критику существующей реальности, что, в свою очередь, логичным образом ведёт к попыткам изменить ее. Сопротивление этому со стороны традиционных институтов государства (прежде всего, тайной полиции и религии) лишь усиливает жажду изменений, превращая их в жажду революции, которая становится уже не средством, а самоцелью...

А вот дальше возникает любопытная ситуация: чем быстрее происходит обновление культуры, тем стремительнее начинается в ней и процесс устаревания. Скорость развития, заданная революцией, обгоняет самое себя и превращается в неподвижность. И получается, что любое революционное произведение уже в момент его появления становится памятником одного, уходящего дня. Идея всеобщего культурного прогресса оборачивается реальностью застывшего архива. Подгоняемая революцией культура всё больше и больше стремится опередить современность – но в результате происходит превращение всего здания культуры в стремительно разрастающийся склеп, на верхнем этаже которого еще заметно какое-то движение, но и оно уже обречено, поскольку буквально завтра и это слабое движение погрузится в область безмолвия и покоя.

А так как любой возникающий образ будущего мгновенно становится историей, консервируется в визуальных и текстуальных формах, то и история останавливает свой ход. Просто потому, что всё, что есть и что появляется в мире, – тут же ста-

новится прошлым. Поток вечности, вдохновленный революцией, может бурно бежать лишь среди твердых берегов реальной жизни. Но когда жажда будущего превращает всё вокруг (в том числе и эти берега реальности) исключительно в категорию времени – течение замирает. Поднявшийся над миром девятый вал революции внезапно растекается и поглощается мирно колышущим океаном Вечности...

И вот здесь я, как воронежец, начинаю испытывать острую земляческую гордость, потому что вот этот процесс – поглощение революции Вечностью – впервые был замечен и исследован именно из нашего города. Сделал это писатель Андрей Платонов, который, как известно, родился в Воронеже и провел здесь больше половины своей жизни.

«Дело социальной коммунистической революции – уничтожить личности и родить их смертью новое живое мощное существо – общество, коллектив, единый организм земной поверхности, одного борца и с одним кулаком против природы» [7, с. 132].

Платонов парадоксальным образом сумел увязать Русскую революцию с христианским мировоззрением, согласно которому люди веками терпеливо ожидали конца света как обновления, верили в него и как могли его приближали. Потому что гибель старого мира в их сознании была связана с приходом Христа и рождением мира нового.

И это начало будущей жизни в раю должно произойти не просто после отказа от жизни нынешней, но и после отказа от тела, от плоти – как главных хранителей грязи, греха, похоти, главных искушителей, не дающих человеку исправиться и начать жить праведно, в соответствии с Божьими заветами. «Христос всю свою жизнь стоял на последней ступеньке перед совершенной, невозможной жизнью. Крест толкнул его через эту ступень – он ожил, убитый, и опять умер, и исчез, но не от слабости тела, а оттого, что его тело не вместило всей вошедшей в него вдруг бесконечной пламенной жизни – от силы» [7, с. 75-76].

Неслучайно практически все герои Платонова пребывают в ожидании гибели собственной плоти. В стране полыхает революция, и пока люди вокруг убивают друг друга, на территории

платоновского Котлована с каждым днем накапливается всё больше и больше духа. Он, дух этот, у героев Платонова уже реально виден сквозь совсем высохшую плоть.

При этом платоновские герои никак не могут решить – жить им дальше или умереть. Их манят два очень похожих светлых царства: одно привычное, о котором они знают с детства – рай на небе, другое – неизвестное ещё, но обещанное здесь, на земле, – коммунизм. И платоновские герои колеблются. Они уже вроде бы изготовились к смерти, уже совсем не боятся её и потому – совершенно не ценят жизнь. Но теперь их вдруг начинают зачем-то уговаривать, чтобы они, погибая в пламени революции, как-то при этом продолжали оставаться жить...

«Мы сами отдадимся миру на растерзание во имя его целей. Его же цели (теперь это ясно) – создание бессмертного человечества с чудесной единой разумной душой; и через человечество – создание нового, неведомого, но еще более, чем человек, мощного, всепознавшего существа» [7, с. 67].

Вообще Русская революция обильно напитала национальную литературу новыми образами и смыслами. Как подметил один зарубежный исследователь русской культуры, «в поэзию Цветаевой революция вплелась добавочной хроматической нитью, дополняющей взволнованность и сложность ее словесного рисунка. Мандельштаму революция открыла путь к творческому хаосу псевдоклассической оды, Хлебникову – к простоте разговорного языка, Пастернаку – к непочатому источнику метафорического материала – повседневности. Словом, каждый из них по-своему уловил свойства вынесенной на поверхность языковой руды взорванного революцией русского космоса» [8, с. LXXXIV].

Всё это, безусловно, так и есть. Но вот этот платоновский совершенно не освоенный прежде культурой дискурс – *жить умирая* – это, пожалуй, главное эстетическое открытие революции. Недаром посмертная публикация платоновских текстов, начатая в 1960-е годы и продолжавшаяся до самого конца Советского Союза, так ошеломила читающий мир.

И еще об одной, на мой взгляд, принципиально важной для осознания Русской революции вещи.

В России, как известно, толчком к революции послужила мировая война. Обычно происходит наоборот: войны становятся ответом на революционные вызовы. Но вот сто лет назад в нашей стране произошло всё не как обычно: общество неожиданно ответило на мировые военные вызовы – революцией.

И это новшество сразу же создало в национальной культуре уникальную ситуацию, потому что той главной всеевропейской катастрофы начала века, о которой писал О. Шпенглер – гибели старой Европы – Россия просто не познала. Национальная революция у нас заслонила мировую войну, поэтому ни о какой трагедии потерянного поколения, ни о какой гибели европейского модернизма в солдатских окопах по отношению к России говорить не приходится.

Более того, в то время как в Европе, почти во всех странах, модернизм был убит мировой войной, в нашей стране он не просто выжил, но и победил. Причём победил именно потому, что Россия соскочила с иглы войны и вошла в революцию.

И вот здесь очень важной для современной ситуации в обществе представляется мысль о том, что революция в России разрушила или, по крайней мере, на время отодвинула то национальное очарование войной, которое в России конечно же было, о чём писал еще Ф. М. Достоевский в своем «Парадоксалисте»: «Дикая мысль, – говорил он, между прочим, – что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима» [1, с. 142]. В итоге весь патриотический кураж по отношению к войне, в котором в 1914 году захлебывалось и общество, и культура, уже к 1917 году окончательно иссяк. И в этом смысле революция создала весьма благотворный и знаковый прецедент для отечественной культуры.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Апрель. Глава вторая. II. Парадоксалист // Собр. соч.: в 15 т. СПб., 1994. Т. 13.
2. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 1.
3. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 2.
4. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 4.
5. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 5.
6. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 7.
7. Платонов А. П. Сочинения. Т. 1. 1918-1927. Кн. 2: Статьи. М., 2004.
8. Райс Э. Максимилиан Волошин и его время // Максимилиан Волошин. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Париж, 1982. Т. 1.
9. Шаров В. А. Будьте как дети: роман. М., 2008.
10. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

Русский солдат в журналистике и литературе периода Первой мировой войны

1 августа 1914 года. Сотни тысяч российских мужиков и мастеровых, вчерашних студентов и служащих, одетых в солдатские шинели, двинулись в сторону Запада, воевать «за веру, царя и Отечество». У каждого из них – свой довоенный мир, свои желания и мечты, но теперь – это российская армия, это тот «пластический человеческий материал, обладавший сказочными свойствами выправлять просчеты и промахи военачальников» [11, с. 39]. Каким он был, русский солдат Первой мировой?

Буквально в первые недели войны прозвучали размышления о том, что же представляет собой не регулярная, кадровая армия, а *русское воинство*. Так, Л. Андреев, писал, в частности: «Наше воинство всегда имело ограниченно деловой и рабочий характер, были ли это стрельцы Грозного или даже по прусскому образцу обученные и организованные солдаты Павла I; с развитием же в России гражданственности и с осуществлением всеобщей повинности, славная армия наша стала лишь частью по необходимости вооруженного народа. Специфический «воинский дух», самодовлеющее горение на алтаре Марса, гордое самоуслаждение и самообожание, какое находим мы в германской армии, всегда были чужды русскому воинству» [1, с. 11]. С другой стороны, Ф. Крюков, хорошо познавший войну, увидевший «русский народ в солдатском образе», не торопился с обобщениями, выражая в статье 1916 г. сложность художественного образа русского солдата: «Масштаб, огромный до невероятности, миллионы живых единиц, чередующихся, часто сменяющихся, со слабым налетом специальной, солдатской муштры, пестрота наречий, пестрота национальных и профессиональных типов, разнообразие и неожиданность положений создают картину, к которой неприложимо ни одно категорическое определение, – ни оптимистическое, ни пессимистическое» [2].

Что же представлял собой рядовой участник Первой мировой, о чем думал и что чувствовал? Что успели и сумели запечатлеть отечественная журналистика и литература военных лет? Открылась ли его неуловимость и загадочность? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к некоторым страницам периодики и книг военного времени и, прежде всего, к прозе молодых писателей Ф. Крюкова, Я. Окунева, Б. Тимофеева, А. Толстого, К. Тренева, М. Пришвина, С. Федорченко, И. Шмелева, которые получили возможность увидеть русского солдата на фронте, в лазарете или залечивающего раны дома. Можно с уверенностью сказать, что благодаря их очеркам и рассказам, по сути, впервые был воссоздан облик человека с ружьем.

Первые публикации о рядовом участнике войны запечатлели, пожалуй, не столько самого солдата, сколько авторский интерес к нему. «Ни одна книга о войне не расскажет того, что узнаешь от солдат, внимательно расспрашивая каждого, как и где он получил свою рану», – так начинается очерк М. Пришвина «Возле раненых» (1914). Для начинавших писать о рядовом воинстве интересным было всё. И представления солдата об окопной войне: «Вся нынешняя война – больше в ямках: выкопает себе ямку и лежит». «Другой поведал, как трудно было воевать в роще, где все перепутались:

– Смотришь из-за дерева, – кто там за другим: свой или чужой? Свой – перебегаешь, чужой – пхнёшь.

А глаза у рассказчика – добрейшие, и он же, много раз “пхнувший штыком” врага в лесу, рассказывает, как очутился раненым с австрийским офицером; оказалось, вражеский офицер по-русски хорошо говорит и крест на нем – православный. Солдат и спрашивает: “Почему же офицер против своих же сражается?” Офицер будто бы и отвечает: “Что и рад бы не стрелять, да сзади – немцы, нарочно в первую линию ставят; не станешь стрелять, они тебя сзади убьют”» [6].

В самые первые дни войны обозначился неподдельный интерес к *солдату*, спокойно рассказывающему о пережитом на неведомой еще войне, и *человеку*, который смог убить себе подобного и пожалеть своего же врага. Непостижимость солдата,

своего соотечественника, побывавшего в пекле войны, его отношение к тому, что он испытал, – неразрешимая загадка для стороннего: «*Рассказывают о смерти и гибели с лицами бесстрастными, скорее твердыми, без малейшего нервного напряжения.* Это не холодность, но мужество. Один рассказывал, как из Бзуры одного потонувшего солдата он вытащил, как другой упал, но его не могли вытащить, он так и замерз. Или как окопы были *не из земли, а из людей.* Рассказывают о телах, которым предстоит разлагаться, и ни малейшей нервности. Но если бы эта была бесчувственность, то откуда доброта, отзывчивость даже ко врагам. Никто не разыгрывает бесстрашных, и на вопрос о том, страшно ли было, большинство отвечает, что сначала – де страшно – “как же не страшно!”, и смеется» [10, с. 155].

Наверное, нигде и ни перед кем *человек воюющий* не раскрыл так свою душу, сокровенные мысли, как в солдатском письме, перед безмолвным листком бумаги. Недаром в свое время Л. Толстой мечтал собрать солдатские письма. В русской литературе периода Первой мировой войны письма осознавались не только как нить, связывавшая фронт и тыл. Новое в изображении войны в XX веке заключается в том, что непосредственные участники войны получили возможность высказаться. В очерке «Письма» Ф. Крюков отметил, как изменился стиль солдатских писем за время войны: «До войны, склонные к вычурной витиеватости, они пахли казармой и мудреной солдатской словесностью. Теперь с полей, орошенных кровью <...> они трогательно просты, кратки, без всяких словесных украшений и исполнены непередаваемой элегической красоты и выразительности. Мой приятель, унтер-офицер Дмитрий Тихонович Ильичев, за месяц до начала войны писал домой в таком примерно тоне:

“Возлюбленной дорогой, незабвенной, много одушевленной дружеской милостью супруге Тане посылаю нижайшее супружеское почтение с дорогой дочей Нюшей, целую вас бесчисленное количество разов заочно, желаю от Бога всего хорошего <...> Таничка! Я имел великое счастье получить от тебя 3-го июня, как действительно от верной по закону, которая во всех отношениях готова жизнь свою положить в помощи моей сол-

датской службы, вместе с тем заслужившая доверие, трудной, одинокой молодой жизни, чем без конца доволен”. В последнем письме автора очерка поразили слова убитого Мити Ильичева: “Дорогие родители! Извещаю вам, что за мной стоит, может быть, короткая жизнь <...> Еще прошу, пишите как можно поскорее, может, придется на последней минуте жизни прочитать ваши слова, родители, поскорее пишите. Посылайте без марок, марок не надо...” [3].

Письма рядовых участников войны передали первые впечатления от увиденного за границей, от неприятеля, выразили тревогу об оставшихся без кормильца домашних... «Немой заговорил» не только в письмах; русская литература военных лет успела услышать голос серошинельной массы, сначала в отдельных репликах, затем зазвучали солдатские суждения о храбрости, о неприятеле, о союзниках... Герой очерка Ф. Крюкова «Раненый» говорит о немцах:

«– Бо-га-то живут! В комнаты войдешь – чистота... У каждого – паровая машина для молотьбы, паровые плуги... Здорово живут! Птица какая! Скотина какая! Любо посмотреть... <...> Вот житель там сурьезный... у-у, беда! Подходишь к деревне, бабы ихние выносят всего, – молока, яиц, масла. Хорошо живут. А выходишь из деревни, – в спину тебе ни откуда, ни отсюда, – бац, бац! Стрельба, не угодно ли... И черт их знает, где они там прячутся, ихние мужчины! Это уж, как уходишь, гляди в оба, а то подстрелят... Иной раз и сердце возьмет: хоть вы, мол, и хлебосолы, а так делать не годится. <...>

Страшный лик войны вырос, безмолвно придвинулся за этими простыми словами, сказанными мягким голосом, рассудительным, немножко грустным тоном», – завершил свой очерк Ф. Крюков [4].

Солдатские письма стали и частью художественного повествования о войне и средством самораскрытия солдата. О том, как тяжело было вчерашнему лесорубу овладеть карандашом, не без юмора говорит один из безымянных солдат в книге С. Федорченко «Народ на войне» (1917): «Взял я карандаш и стал писать как следовало. И увидел я: топориче куды к моей руке поприкладнее.

Упарился в тот раз, будто целую делянку я снял, и выкорчевал. А уж кабы я столько раз топор из рук выронил, сколько карандаш-то этот, – быть бы мне безногим калекой» [9, с. 26-27].

Именно в письмах с фронта был увиден русский солдат, никогда до этого не выражавший своих мыслей, увиден прежде всего как человек. Показателен в этом отношении рассказ К. Тренева «Письма» (1914). Основой его являются фронтовые письма рядового Юхима Закутного, которые поначалу раздражают «книжницу» Валентину «своей бедностью и несуразностью»:

«И прошу пропишить вы мне про мою балалайку. Чи она целая или нет? И я сейчас нахожусь на астрицкой границе и извиняюсь. Что плохо написано. Повсегда идет сражение, и некогда у гору глянуть. А тут пули зудят усе равно, как мухи над головою. А когда, бог даст, приеду, то привезу усем гостинца и своему хрещеннику хороший гостинец».

«И еще уведомяю вас, не верьте, что я убитой, потому что я, слава богу, до которой минуты жив-здоров, чего и вам желаю от Господа...»

«И еще уведомяем вас, что австрийцы народ голой и худой до того, что слеза берет... Хуже нас...» [8, с. 268-269].

В этих незамысловатых строках писем треновского героя проглянул облик русского солдата, выразилось его отношение к войне, к неприятелю, начало ощущения им чего-то истинно прекрасного в далекой теперь мирной жизни. И его переживания при потере друга воздействовали, скорее всего, на читателя не меньше, чем рожденные в воображении Л. Андреева картины ужаса Русско-японской войны:

«Попала пуля-злодейка, и похоронили под тополей возле экономии, и я поставил крест над им. Когда я ворочался в траншею по поручению харчей, то меня состревают солдаты и говорят, что твой товарищ убитой. Я не верил. Когда прихожу, он лежит мертвой. И я горько заплакал над своим смирным товаришом! И похоронили, и был при том священник, и отпели вечную память. И еще я вам передаю по низкому поклону. С тем прощевайте. Трохим Кривородько. И еще прошу не сумуй-

те. А молитесь богу, така его смерть. Царство небесное братику Юхвиму Хванасовичу, потому что мы были повсегда вкупе, как близнята. А теперь его нет» [8, с. 269].

Примечательно, что рядовой воин – русский мужик, мастеровой, надевший солдатскую шинель, – не стал в отечественной литературе *боевой единицей*. Постепенно, исподволь начали выкристаллизовываться его человеческие качества. Так, например, в рассказе А. Толстого «Под водой» (1915) отчаянный и находчивый матрос Курицын (имя его не названо), очень любит прихвастнуть. И в конце повествования о спасении субмарины читатель видит, что этот храбрый подводник, «держа осторожно стаканчик, рассказывал разинувшим рот матросам про битвы и подвиги; старался не хвастать, но это ему не удавалось, – слишком крепок был в стаканчике ром...» [7, с. 281].

В рассказах и очерках А. Ксюнина, составивших книгу «Народ на войне» (1916), ощутимы уроки дегероизации войны Л. Толстого в «Севастопольских рассказах» – показ войны и ее участников с будничной стороны. Это своего рода мозаика из услышанных разговоров раненых о немце, которого штык не берет, потому что он на грудь цепляет что-то жесткое, о впервые увиденном бинокле и тем более автомобиле. В очерке «Вдоль окопов», глядя на одного из солдат, повествователь говорит: «Совсем незначительный мужичонка. Как в паспортах пишут: “лицо обыкновенное и особых примет нет”. А оказывается, подбил немецких автомобилистов и привел машину в целости в штаб» [5, с. 68].

Анализируя военную прозу, ловишь себя на мысли, что рядовых тружеников войны весьма трудно назвать *солдатами*, т. е. рядовыми военными служащими армии, или *воинами*, т. е. сражающимися с врагом. Познавая человека в экстремальной ситуации, литература сосредоточила внимание именно на *человеческом* в своем герое, а не на том, как он владеет ружьем. Можно с уверенностью сказать, что в словосочетании *человек с ружьем* ударение поставлено на первом слове. И здесь обнаруживается принципиальное различие между литературой и науками, обращающимися к человеку воюющему. Поведение солдата в экстремальной обстановке – сфера интересов военной психологии,

тогда как запас человечности интересен прежде всего военному художнику. Видимо, не случайно в военной прозе было уделено такое внимание душевным качествам: детскость, простодушие, доброта и сочувствие по отношению к пленным, нерадивость и беззаботность. Приведенное выше словосочетание могло бы звучать как *человек, оказавшийся с ружьем*.

Литература

1. Андреев Л. Война // Отечество. 1914. № 1.
2. Крюков Ф. В сфере военной обыденности // Русские ведомости. 1916. 19 мая.
3. Крюков Ф. Письма // Русские ведомости. 1914. 2 ноября.
4. Крюков Ф. Раненый // Русские ведомости. 1914. 2 ноября.
5. Ксюнин А. И. Народ на войне. Пг., 1916.
6. Пришвин М. Возле раненых // Русские Ведомости. 1914. 31 августа.
7. Толстой А. Н. Под водой // Собр. соч.: в 10 т. М., 1982. Т. 2. С. 262-282.
8. Тренев К. Повести и рассказы. М., 1977.
9. Федорченко С. Народ на войне. М., 1990.
10. Флоренский П. В санитарном поезде Черниговского дворянства: Заметки и впечатления // Новый мир. 1997. № 5. С. 146-161.
11. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2002.

Жизнь «под игом безумия» (история одной поездки)

Преамбула

На российский престол восходили разные люди, и все с удовольствием усаживались на трон.

В анкете Всероссийской переписи 1896 года Николай Александрович Романов обозначил свое место работы нестеснительно: «Хозяин земли Русской».

Что вполне естественно.

Россия испокон веков была огромным хозяйством, которым умело или не слишком умело управляли императоры или императрицы.

Жили бесхитростно – кого стесняться-то.

Руководствуясь законами, данными Адамом и Евой.

Естественным своим руководствовались – кого хотели – миловали, кого хотели – наказывали.

Стесняться некого – все свои. Романовы.

Рассказывали, что на представлении «Ревизора» Император Николай Первый, похлопал труппе в ладошки и объявил прилюдно:

– Всем досталось, а мне больше всех.

Но разрешил актерам играть эту комедию.

Много лет спустя Владимир Набоков так прокомментировал этот эпизод.

«Произошло чудо; чудо, которое как нельзя более соответствовало перевернутому миру Гоголя. Верховный цензор тот, кто стоял над всеми, чья Божественная Особа была так вознесена, что имя ее едва решался вымолвить грубый человеческий язык, сам сиятельный единовластный царь в приступе какого-то совсем неожиданного благодушия приказал разрешить комедию» [10, с. 55].

Судя по всему, считает Набоков, Николай Первый увидел в пьесе Гоголя некое «балаганное развлечение», которое «вряд ли

могло увлечь чванную, лишенную чувства юмора натуру царя» [10, с. 56].

А спустя еще несколько десятилетий критик Дмитрий Быков, комментируя реплику русского императора, заметит: «Лукавая пьеса Гоголя чрезвычайно льстила самолюбию императора, ибо показывала, с чем приходится иметь дело» [3].

Кто прав в этой нечаянной дискуссии?

Вероятно, оба. Николай Павлович Романов, самокритично признавая идиотизм окружающей его жизни, тем не менее себя из этой жизни выводил за скобки, полагая, что местное чиновничество само себя породило, что виновата система, к которой он не имеет никакого отношения.

Дмитрий Быков утверждает, что система порождена теми, кто стоит во главе государства.

И Император российский, и провинциальный чиновник – звенья одной системы.

В «Ревизоре» Гоголь точно выразил суть того, что происходит в России: империя старается выглядеть импозантной и сильной, а на самом деле ее провинциальные просторы погружены во мрак невежества, произвола и административного тупоумия.

И поддерживается это все самодержавной уверенностью власти в собственной правоте.

Беспросветная косность лежит в основе повседневной жизни империи, ложь пронизывает все звенья системы, основанной на унижении человеческого достоинства.

Трагедия общества не в том, что оно не понимает маразма своего существования, а в том, что, все прекрасно понимая, оно ничего не хочет в этой жизни менять, выдавая нищету собственного духа за нормальный правопорядок.

Городничий, указывая чиновникам на их реальные просчеты, все время повторяет одну и ту же фразу: «Да я так только заметил вам» [6, с. 11].

Дело не в том, чтобы не нагрешить (кто не без грешка), а в том, чтобы соблюдать внешнюю благопристойность.

Таков принцип действия государственной машины, которая сама по себе всех устраивает.

Формула «хозяин земли русской» родилась не случайно – она выработывалась столетиями той жизни, в которую была погружена империя.

Имперское мышление подпитывалось насилием, а не образованием.

И никакие «мятежи и казни» не отменяли такого положения вещей.

Правящая элита считала нормой говорить по-французски, но слова «Свобода. Равенство. Братство» отсутствовали в ее лексиконе.

Полицейский по фамилии Держиморда закономерно фигурирует среди действующих лиц пьесы.

Династия Романовых не желала видеть, что «жизнь в России протекает под игом безумия» [12, с. 457].

Слова, взятые в кавычки, принадлежат Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину.

Следы этого безумия в прошлом не затерялись.

Сказано же было в двадцатом веке Осипом Мандельштамом: «Мы живем, под собою не чуя страны» [9, с. 149].

В пространстве «опрокинутого» сознания

Традиционно фабулу «Ревизора» рассматривают как некое анекдотическое невероятие.

«Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда» [14, с. 14].

Как остроумно выразился Антон Павлович Чехов в «Письме к ученому соседу».

Анекдот как заведомое комическое невероятие снижает остроту происходящего.

Низводит это настоящее до уровня казуса.

Но «обозначка» случившегося в уездном городе закономерна.

Традиционно все происходящее в «Ревизоре» объясняют страхом.

При этом как-то забывается эпиграф, предпосланный тексту пьесы:

«На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [6, с. 5].

А дальше следует список действующих лиц.

Перечень кривых рож, в которых все дело.

Зеркальное отражение лиц, дающих представление об облике империи. Такова общая картина жизни.

С чего начинается действие «Ревизора»?

С того, что городничий читает чиновникам письмо, полученное из Петербурга, содержащее предуведомление о тайном приезде ревизора.

«Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Ивана Андреевича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» [б, с. 8].

Далее идет всем известное.

Обратим внимание на другое.

Ивана Андреевича Чмыхова попечитель богоугодных заведений Земляника знает. Кто их знакомил и где?

Первое, что приходит на ум, городничий сыграл определенную роль в судьбе Чмыхова («кум и благодетель»).

«Кум и благодетель» – подробность существенная: в любом обществе дружеские отношения ценятся не менее, чем близость родственная. Вот и предупреждает Чмыхов по-свойски своего кума о приезде ревизора.

История с возможным приездом ревизора развивается достаточно традиционно: едет чиновник из Петербурга – надо встретить, ублажить, обласкать, отправить восвояси.

Повседневность – великая сила.

Повседневность порождает привычку, привычка дает жизнь традиции, а традиция, как известно, неотменима.

Традициями гордятся, их лелеют и приумножают.

Традиции – основа государственного бытия. Проникая в общественное сознание, традиция становится частью народного быта.

«Так принято» – формула, рождающая особую психологию поведения.

«Кумовство» – прочная традиция для той части общества, где все свои.

Роли в таком обществе давно распределены, и каждый из участников жизни свою роль в этом спектакле исполняет исправно.

Мир уездного городка – мир хорошо знающих друг друга людей, в котором каждый знает о своем соседе все и неестественно этим пользуется.

При случае.

Случай настал – «к нам едет ревизор».

Когда городничий попрекает Ляпкина-Тяпкина за то, что тот берет взятки, судья реагирует мгновенно: «А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль» [6, с. 11].

Это не намек. Это прямой ответ – сам такой. Ежели ревизор допросит – могу и рассказать.

Субординация субординацией, но каждый к доносу готов.

И доносят при случае.

Достаточно вспомнить, как Земляника характеризует при встрече с Хлестаковым своих сослуживцев.

Артемий Филиппович при этом никаких угрызений совести не испытывает – он просто вводит Хлестакова в курс дела.

Так положено.

Гоголь не щадит никого, описывая повседневную жизнь городка: другой жизни нет.

Невероятие? Всеобщее безумие?

Нет, нормальное житье-бытье. Другой формы существования жители городка просто не знают.

Пространство существования измеряется фразой городничего: «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь» [6, с. 9].

Кстати сказать, это не слишком сильное преувеличение. Осип вздыхает: «Второй месяц пошел, как уже из Питера» [6, с. 23]. А все где-то в центре России застряли: единственный географический ориентир – Пенза.

Одна точка на карте – уездный город, в котором застрял Хлестаков.

Чужие здесь не приживаются.

Любое нарушение привычного ритма жизни – бедствие.

Пряательское письмо Чмыхова Сквозник-Дмухановскому рождает некоторое замешательство, но не более того.

Приходится действовать.

Точнее – создавать иллюзию действия.

Евгений Баратынский писал:

Есть бытие; но именем каким

Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;

Меж них оно, и в человеке им

С безумием граничит разуменье [1, с. 144].

События, о которых повествует Гоголь, разворачиваются в городе, в жителях которого мало разумения.

Иначе бы не приняли Ивана Александровича Хлестакова за чиновника, прибывшего с ревизией.

Город, в который занесло Хлестакова, живет по законам «опрокинутого сознания».

Здесь нормально брать взятки борзыми щенками, нормально читать чужую переписку; нормально утверждать, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла; нормально, что больных лечит лекар, ни слова не понимающий по-русски.

Здесь люди живут по законам абсурда, сами того не подозревая.

Единственный человек, понимающий суть того, что происходит в городе, Осип, слуга, по существу, раб, крепостной мужик, то есть существо совершенно бесправное.

Парадокс? Абсурд?

Просто подтверждение той очевидности, которая именуется государственным безумием.

«Эпоха мрачного самодовольства не почва для осмеяния окружающего» [8, с. 2], – заметил М. К. Лемке.

Русская действительность тридцатых годов – эпоха безвременья.

Молодые мечтатели, стремившиеся к переменам – на виселице, на каторге, под пулями на Кавказе.

В литературе господствуют Бенедиктов, Кукольник, Булгарин.

Александра Сергеевича Пушкина, еще не добравшегося до Черной речки, пытаются приручить титулом камер-юнкера.

Александр Сергеевич Грибоедов уже убит.

Тяжело складывается повседневная жизнь.

«Ревизор» – попытка Гоголя показать истоки безумия, в которое погружена Россия.

Наивный, он искренне полагает, что все еще можно изменить, исправить.

Отсюда уверенность в том, что смех способен сыграть положительную роль в устранении пороков общества.

Мир смешон. Но смех – надежное лекарство.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на голове Антона Антоновича в какой-то момент оказалась не форменная треуголка, а картонный футляр от нее, а Бобчинский и Добчинский приняли случайно оказавшегося в городке молодого человека за неожиданного ревизора.

На два дня городок погрузился в хаос переживаний.

Все, что случилось – закономерно.

Никакой случайной обзначки не было: город, объятый безумием, получил то, что хотел.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга, сам того не подозревая, проверил захолустный городок на прочность существования.

И вот фабульный парадокс: заезжий живчик исчез; народ, замерший в «немой сцене», очнется, и все будет идти по-прежнему.

Откуда это известно?

А вот откуда.

Спустя полвека явится в мир очередной классик – Антон Павлович Чехов – и прозвучат в его юношеской пьесе с утраченным официально названием эти самые слова, произнесенные генеральшей Войницевой: «Все будет идти по-прежнему».

Россия, не склонная к перелому, побушует, побушует, а потом и возвратится к тому, что проверено временем.

К жизни под игом безумия.

«Э-э, – сказали мы с Петром Ивановичем»

Фабула «Ревизора» – обзначка.

Когда выяснилось, что чиновник, застрявший в городской гостинице, вовсе не тот человек, которого ждали с ревизией, городничий затеял расследование:

– Кто первый сказал «э-э»?

Но смысл «Ревизора» не в поиске виноватых, а в поиске ответа на главный вопрос: почему живем в мире «опрокинутого сознания» и, зная это, ничего не считаем нужным менять?

Ответ на это вопрос очевиден: «опрокинутое сознание» формировалось не в одночасье – веками формировалось.

Властвует не сила интеллекта, а насилие, с помощью которого можно доказать любую правоту.

Человеческое достоинство измеряется деньгами, а не высотой нравственного чувства.

Чин важнее творческих возможностей человека.

Главный ориентир – экономическое благополучие.

И еще одно важно: строго соблюдать правила поведения на рубеже «свой-чужой».

За три века своего существования империя внимательно наблюдала за соблюдением этих правил.

Общество подчинялось не только табели о рангах – оно чтит негласный договор, определяющий ритуальное состояние каждого жителя империи.

Можно лечить человека, не зная языка.

Можно вообще не лечить: «Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает» [6, с. 10].

Это нестеснительная формула местного здравоохранения, изложенная Артемием Филипповичем Земляником, попечителем богоугодных заведений.

А вот сокровенное признание почтмейстера Ивана Кузьмича Шпекина, регулярно читающего чужие письма: «Это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях» [6, с. 14].

Это – повседневность.

Будничная реальность городского населения, устраивающего свою жизнь в соответствии с порядками, царящими в империи.

Репетируя много лет спустя «Ревизора», Владимир Иванович Немирович-Данченко объявил: «Дана фабула и дан главный стимул – страх» [11, с. 275]. Позже во многих постановках гоголевской пьесы тема страха станет определяющей.

Однажды в спектакле московского театра на сцене даже появится некая мужская фигура в черных очках, этот страх олицетворяющая.

Какой страх, господа хорошие?

Кого бояться в мире, где все свои?

И государь император уже, в сущности, выдал индульгенцию своим подданным: раз все одним миром помазаны, с кого какой спрос?

Встрешенный толками, случившимися после премьеры, Николай Васильевич признавался: «В “Ревизоре” я решил собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем» [4, с. 438].

Текст этот, поименованный С. Шевыревым как «Авторская исповедь», был опубликован в 1855 году. Название тексту дал сам публикатор.

Исповедальный характер рукописи очевиден – Гоголь подводит итог своего творчества.

Исповедь всегда – откровение.

Исповедь – голос, за пределами которого начинают звучать слова поминовения.

Николаю Васильевичу Гоголю хочется быть услышанным и понятым. Понятым как комический писатель.

На что опирается комическое начало в произведениях Гоголя?

В своей исповеди писатель признается: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. <...> Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. <...> Чем более вещей

я принимал в соображение, тем у меня верней выходило создание» [4, с. 445].

Если с этих позиций рассматривать события, описанные в «Ревизоре», то становится очевидной позиция художника: Гоголь в своей комедии не создавал картину невероятия.

«Ревизор» – не анекдот из жизни России тридцатых годов XIX века, не карикатура на людей, живших в те времена, а всего лишь реальность, выглядящая абсурдом в глазах любого здравомыслящего человека.

Повседневность, быт – это и есть то бытие, которое вызывает смех любого здравомыслящего человека.

Комичны не персонажи пьесы – комично то, что эти персонажи всерьез воспринимают ту жизнь, в которую они погружены.

Когда человек пребывает постоянно в опрокинутом мире, он этой опрокинутости не замечает. И это – печально.

Отсюда трагикомический пафос «Ревизора».

До сих пор отечественная театральная традиция предлагает карикатурные изображения событий, о которых идет речь в пьесе.

Исходная позиция постановщиков спектаклей проста: раз единственное положительное начало в комедии смех, то можно вдосталь посмеяться над всеми персонажами пьесы.

Тем более, что обиженный Антон Антонович воскликнет в финале: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!..» [6, с. 91].

Антон Антонович посрамлен?

Отчасти – и он.

Повторяю – только отчасти.

Потому что наступит новый день, и забудутся «страсти по Хлестакову».

И все будет идти по-прежнему.

То есть продолжением прежней жизни.

Но жизнь продолжается...

История болезни

Безумие, накрывшее страну, неизлечимо.

Слишком очевидны метастазы.

Не потому, что человек плох по своей сути, а потому, что иной жизни он себе не представляет.

Есть система, в которую он, человек, вписан изначально.

И – навечно.

Тут самое время вспомнить историю государства Российского. В записке «О сословиях в государстве», опубликованной В. Шенроком в «Сочинениях» Н. В. Гоголя в 1896 году, говорится: «Добровольным разумным сознанием вольных людей установлен монарх в России. Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собой высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя – потребность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется в один человек и делается одним телом» [5, с. 425].

А далее Гоголь пишет о времени безначалия, «о личной выгоде», не связанной ни с каким сословием, о том, как складывалась отечественная государственная власть, опиравшаяся «на потребность суда постороннего человека».

В сущности своей все это известно из древних летописей и без канонической «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Но за всеми этими напоминаниями встает современная Гоголю реальность, которая требует реальной защиты «от самой себя».

В этом трагическая суть настоящей жизни.

Русское захолустье – небольшой фрагмент той жизни, которая закладывалась в эпоху русского средневековья и продолжается по сию пору.

Живем как бог на душу положит.

А душа погрязла в собственных представлениях о том, какой должна быть жизнь.

Жизнь, обустроенная на определенных представлениях об ее устройстве.

А у этих представлений есть своя внутренняя логика.

В «Ревизоре» нет интриги, свойственной, скажем, комедии Мольера «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

Нет заранее придуманного обмана.

В «Ревизоре» все складывается как бы само собой.

Всем руководит случай.

Совершенно случайно два городских помещика Бобчинский и Добчинский, забредя позавтракать в трактир, обнаружили в нем странного заезжего чиновника.

Миловидный человек, прибывший из Петербурга, две недели живет в гостинице и никуда из нее не уезжает.

Вдобавок ко всему, прогуливаясь по трактиру, заглядывает в тарелки едоков.

Конечно, это вызывает подозрение.

Тем более, что ключница Авдотья, посланная к Филиппу Антоновичу Почечуеву, уже сообщила Бобчинскому о письме, полученном городничим от кума Андрея Ивановича Чмыхова.

Пройдет почти сто лет, и Аннушка из романа Михаила Булгакова разольет нечаянно масло на Чистых прудах в Москве. И снова начнется нечто невероятное – непредсказуемое.

И начнется очередное безумие, и отправится в сумасшедший дом поэт Иван Бездомный, и состоится бал у Сатаны. И много чего еще произойдет на просторах Родины чудесной.

Отечественная словесность склонна к замысловатым историям.

Вот и в 1836 году все началось с семги, которую заказали на завтрак Бобчинский и Добчинский.

И – понеслось. Началось безумие...

Нет, не началось – продолжилось.

Потому что захолустный городок, в котором хозяйничал Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, живет вопреки здравому смыслу.

Вслушайтесь в резоны Добчинского:

– Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему?

И подорожная прописана в Саратов [6, с. 17].

Действительно! Если доверять абсурду, то все сходится – «такой наблюдательный: все обсмотрел» [6, с. 17].

Это уже Бобчинский подтверждает резоны своего приятеля. Геометрия учит: через одну точку можно провести бесчисленное множество прямых, а через две – единственную.

Так возникает закономерность. Закономерность опрокинутого сознания.

В котором отсутствует логика.

Но этого никто не замечает. Потому что всеобщее безумие обнаруживает иной смысл существования. У него другой вектор размышлений.

Ни всякий случай Николай Васильевич нажимает на традиционный спусковой крючок – Бобчинский добавляет: «Меня так и проняло страхом» [6, с. 17].

Известно же – у страха глаза велики.

Страх – близкий приятель беспамятства. Но у городничего отменная память.

Чиновник из Петербурга две недели сидит в пятом номере под лестницей («в том самом номере, где прошлого года подрались пьяные офицеры» [6, с. 18], а «в эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота!» [6, с. 18].

Никто, как говорится, не забыт, и ничто не забыто.

Есть от чего прийти в уныние при виде того, что совершается дома.

Что происходит дальше, всем известно – встреча с Иваном Александровичем Хлестаковым, череда взяток и угощений, переезд Хлестакова в дом городничего, прием купцов, хлебо-солье безмерное, сватовство к дочке городничего, отъезд Ивана Александровича на свою историческую родину.

И – всем известный финал.

Finita la commedia?

Нет, продолжение ее.

Потому что неотменима всеобщая неправда российской действительности.

Государства, в котором хозяйничает абсурд.

История Хлестакова – это история жизни людей, даже не подозревающих, что можно жить как-то иначе.

Так соединяются в «Ревизоре» два начала – трагическое и комическое, так формируется жанр трагикомедии.

Специфика трагикомедии в том, что она нерасчленимо объединяет трагическое и комическое в единое целое: одно и то же явление выглядит одновременно и смешно, и грустно.

В трагикомедии нет выбора сочувствия какому-то одному персонажу.

В трагикомедии мы наблюдаем открытый финал.

В трагикомедии нет жесткого деления на героев положительных и отрицательных, а есть эффект, который традиционно именуется как «смех сквозь слезы».

Смысл трагикомического произведения в создании ситуации, при которой насмешка соседствует с состраданием, с сочувствием.

Гоголь рисует трагическую картину мира, живущего в атмосфере безумия.

Трагизм ситуации в том, что никто из действующих лиц силу этого безумия не ощущает.

Не потому, что к этому безумию привыкли, а потому, что им неведом другой вариант собственной жизни.

Империя живет неправдой, но все довольны.

Потому что другого просто не дано.

Каждый играет свою роль.

«Елистратишка простой»

Так бы все и шло своим чередом, если бы в городок не заехал Иван Александрович Хлестаков.

Батюшка затребовал сына домой – приходится возвращаться: в столице на скромное жалование коллежского регистратора (в «Табели о рангах» коллежский регистратор последний – четырнадцатый – чин) не проживешь.

А соблазнов в столице много – карты, женщины, веселые компании.

Гоголь так характеризует Ивана Александровича Хлестакова: «Молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький, несколько приглуповатый и, как говорят, без царя в голове, –

один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно» [6, с. 6].

Казалось бы, совершенно уничижительная характеристика.

Но ведь ее можно прочесть и более внимательно.

«Молодой человек» – характеристика не только возрастная. «Молодой» – значит не очень опытный. Недаром говорит Гоголь – в канцеляриях таких людей называют «пустейшими». Иначе – несведущими в тонкостях службы, не умеющими извлекать выгоду из службы своей.

«Тоненький, худенький» – внешне лишенный импозантности, солидности. Человек, не умеющий себя представить посетителю.

«Несколько приглуповат» – не знает всех тонкостей канцелярской службы; простоват в общении; возможно, даже простодушен. Службу только начинает – коллежский регистратор; откуда взяться чиновной осанке?

«Говорит и действует без всякого соображения» – плохо знает тонкости общения с сослуживцами, начальством, а самое главное – с теми, кто приходит в канцелярию по своим делам.

Словом, еще не умеет извлечь выгоду из своего чиновничьего положения. Впрочем, какое у него место в иерархии?

Последнее.

Иван Александрович Хлестаков – рядовой массового сознания.

Девиз Хлестакова – «Я как все!»

Поэтому все, что происходит с чиновником из Петербурга Иваном Александровичем Хлестаковым в захолустном городке, «анекдотом» не выглядит.

Так вся Россия живет.

Ивану Александровичу Хлестакову безумно повезло: ему подарили жизнь, приятную во всех отношениях.

И он этот подарок принял.

Исправно брал подношения. Осмотрел все, что было предложено посетить. Отобедал. Выспался. Сделал предложение. И

– отбыл восвояси, почувствовав, что роль удалась и пора отбывать в Саратов.

Две высших точки переживаний Ивана Александровича – рассказ о своей петербургской жизни и сватовство.

Они, эти эпизоды – проверка творческих возможностей Хлестакова.

Оказалось – вовсе не так прост Иван Александрович Хлестаков, как это выглядит на первый взгляд.

Обласканный уездным бомондом, Иван Александрович благодарит слушателей рассказом о своей столичной жизни.

Это – не вранье.

Это – мечта, не ставшая явью, но достойная того, чтобы быть воплощенной.

Этап первый:

«Эх, Петербург! что за жизнь, право! <...> начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: “Приходи, братец, обедать!” Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: “Это вот так, это вот так!”» [6, с. 44-45].

Этап второй:

«Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя» [6, с. 45].

Этап третий:

«А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем» [6, с. 45].

Уровень третий: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. <...> Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: “Женитьба Фигаро”, “Роберт-Дьявол”, “Норма”» [6, с. 45].

Уровень четвертый: «У меня дом первый в Петербурге <...> Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой состоялся: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я» [6, с. 46].

Уровень пятый: «Один раз я даже управлял департаментом. <...> Многие из генералов находились охотники и брались, но

подойдут, бывало, – нет, мудрено <...>. После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! <...> Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послушной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, <...> только уж у меня: ни, ни, ни! <...> Меня сам государственный совет боится» [6, с. 47].

Это – не фантазия подвыпившего человека – это слова благодарности городничему и его присным. Вам хочется видеть во мне важную птицу – извольте, я готов сыграть эту роль.

Иван Александрович Хлестаков знает, что жизнь его в Петербурге не задалась, что строгий батюшка требует сына к себе, но надо отблагодарить всех этих гостеприимных людей за внимание к себе.

Пожалуйста! Я щедр! Мне для вас ничего не жалко!

Даже – любви!

Так появляется в «Ревизоре» сцена двойного объяснения – сначала Анне Андреевне, затем Марье Антоновне.

Нет, нет, Иван Александрович Хлестаков не волокита. Он просто никогда не был любим. Он не знает, что такое любовь. А тут такое торжество плоти.

К тому же, истинная любовь – это всегда немножечко безумие.

Вот и объясняется Хлестаков сначала Анне Андреевне, а затем Марье Антоновне.

Смешно?

– Скучно на свете, господа! – скажет Николай Васильевич Гоголь, сострадав роду человеческому.

Монолог Хлестакова – не фантазия о жизни, в которой ему хотелось бы существовать. Это подтверждение того факта, что Россия действительно живет под игом безумия.

Всюду одно и то же – и в столичном граде Петербурге, и в маленьком уездном городке: всюду обычного человека могут принять за главнокомандующего, всюду мир держится на чиновниках, несущих монаршую волю по всей стране, всюду есть кумовство и покровительство сильных мира сего.

Иван Александрович Хлестаков точно рисует картину повседневной жизни империи, в которой все – от быта до бытия – пронизано неправдой человеческих взаимоотношений.

Хлестаков фантазирует, а чиновники слушают фантазии подвыпившего человека – от отчетливого понимания того, что такое возможно на просторах империи.

Только масштаб существования у каждого свой.

«Человеческое слышится везде»

«Человеческое слышится везде» [7, с. 248]. Эти слова прозвучат в театрализованном эпилоге к «Ревизору», написанном в 1842 году, а сыгранном в 1902 году в Мариинском театре в Петербурге.

Название пьесы «Театральный разъезд после представления новой комедии».

Значительная часть публики отвергла не только комический пафос «Ревизора», но само право подвергать критике существующий порядок вещей.

В пьесе читалось главное – ревизор Николай Васильевич Гоголь подверг сомнению саму сущность государственной системы, основанной на лжи и насилии.

За небольшим фрагментом, изображавшим отечественное захолустье, угадывалась страна.

И это было обидно.

Потому что хотелось видеть державу могучей, мудрой и заботливо опекающей своих подданных.

Владимир Набоков считает, что Хлестаков – «мечтательный, инфантильный мошенник» [10, с. 67].

Но думается, что это не так.

Иван Александрович Хлестаков – действительно ревизор того, что происходит в России.

Ревизор невольный, но увидевший многое, о чем не замедлил сообщить другу своему журналисту Тряпичкину в Петербург, дабы тот поместил описание случившегося «в свою литературу» [6, с. 88].

И вот ведь что интересно: письмо в Петербург не ушло, но переполох вызвало, поскольку почтмейстер, привыкший читать чужие письма, послание Тряпичкину прочел.

Что породило знаменитую «немую сцену».

Потрясение серьезное, но не трагическое: кто знает, чем завершится визит реального ревизора, который действительно прибыл в город и требует всех к себе.

Опыт приема ревизоров у городского общества имеется – репетиция прошла успешно.

Повторение – мать учения.

Комическое – сложная эстетическая категория. Она вбирает в себя разные психологические уровни оценок происходящего – отрицание, осмеяние, сочувствие, сострадание.

Связующим звеном между состраданием и осмеянием является ирония как одна из форм скрытой насмешки.

На ироническую стихию гоголевской прозы обратил внимание в свое время Проспер Мериме. В своей статье, посвященной творчеству Гоголя, Мериме отмечает, что Гоголь – «тонкий до мелочности наблюдатель, искусно подмечающий смешное и смелый в его изображении, хоть и склонный к преувеличению его до шутовства. Гоголь прежде всего – полный оживления сатирик. Он беспощаден к злым и глупым, но у него одно лишь оружие – ирония» [13, с. 269].

Ирония в произведении Гоголя возникает всякий раз, когда высокое и низкое, смешное и грустное соединяются воедино, обнажая претенциозность происходящего.

Один из приемов внешнего комизма – повтор ситуации.

Добчинский просит Хлестакова о том, чтобы тот, вернувшись в столицу, похлопотал о важном – дал возможность читать сына Добчинского законорожденным, поскольку его ребенок явился на свет до того, как брак Добчинского с женой был официально заключен.

Для имперского законодательства, в котором все до мельчайших деталей подчинено форме, эта просьба исключительной не выглядит.

Но рядом с Добчинским существует Бобчинский.

Коли с просьбой к «высокому лицу» обращается Добчинский, не может промолчать и Бобчинский.

«Нижайшая» просьба Бобчинского удивительна: Петр Иванович просит немногого – «как поедете в Петербург, сообщите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский» [6, с. 63].

Самое удивительное, что Хлестаков этой просьбе не удивился.

Неизвестный никому обитатель Петербурга тоже хочет быть известным человеком в столичном городе.

На реплику Хлестакова («Очень хорошо») расхрабрившийся Бобчинский усиливает суть своего прошения:

«Да если эдак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский» [6, с. 63].

Смешно. Грустно. Зло.

Комическое всякий раз возникает там, где господствует не соответствующий сущности происходящего чрезмерный пафос.

Принципиальная фабула комического – утверждение через отрицание.

В комическом произведении торжествующее зло всегда посямляется смехом.

Гоголь в «Ревизоре» придумывает нестандартную схему разоблачения зла: еще до появления Бобчинского и Добчинского ясно, что Хлестаков не тот человек, о котором идет речь в письме из Петербурга.

Обличать глупость, которая очевидна?

Гоголь выставляет на позор систему.

Фабулу, предложенную писателю Пушкиным, легко было превратить в забавное происшествие, в балаган, в котором трикстер (веселый обманщик) обводит компанию поднаторевших в обмане чиновников.

Но «Ревизор» – пьеса не об этом.

«Ревизор» – история всеобщего имперского убеждения: можно спокойно жить, никого и ничего не боясь.

Это не заблуждение – это именно убеждение, на котором держится государственная система, убежденная в абсолютной своей правоте.

Приезд ревизора неприятен, но всегда можно найти выход из создавшегося положения. И он находится.

Замечателен придуманный Гоголем финал пьесы: Иван Александрович Хлестаков растворяется в пространстве жизни.

Творец случившегося переполоха не наказан.

Традиционный открытый финал для жанра трагикомедии.

А к появлению настоящего ревизора зритель, сидящий в зале, уже подготовлен: он хорошо знает по собственному опыту, чем кончается любая ревизия.

Так что Николай Павлович Романов был мудр, когда решил «Ревизора» к постановке: течение привычной жизни в Российской империи неотменимо в своей основной сущности: как жили, так и дальше жить будем.

А смех? Как быть со смехом, которому Николай Васильевич Гоголь придавал большое значение?

Ну, да, высказался писатель по поводу смеха. Но ведь он же и признался: «Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был – смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете <...> Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно, и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, – но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из нее потому, что на дне ее заключен вечно бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без пронизывающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека» [7, с. 257].

Но была ли на самом деле такая аудитория в зрительных залах Российской империи, где играли «Ревизора»?

Но как быть с Гоголем, прочитанным Николаем Александровичем Бердяевым?

Есть замечательная статья Бердяева «Духи русской революции», в которой великий русский философ заглядывает за пределы гоголевского творчества, рассматривая, в частности, «Ревизор» не просто как очередную критику режима, а как особый текст русского национального самосознания.

«Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века, – пишет Н. А. Бердяев, – но нет пафоса, в котором соединялись бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник и помеха для цельности нашей национальной жизни» [2, с. 76].

Рассматривая Гоголя как самого загадочного русского писателя, Бердяев пишет: «Странное и загадочное в творчестве Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и проходящие пороки и грехи дореформенного русского общества. Мертвые души не имеют обязанностей и неразрывной связи с крепостным бытом и ревизор – с дореформенным чиновничеством» [2, с. 78].

«Гоголевские персонажи раскрывают что-то очень существенное для России и русского человека, какие-то духовные болезни неизлечимые никакими внешними общественными реформами» [2, с. 78].

Даже если отвлечься от некой субъективности (рожденной обидами на воровство, сопровождавшее революцию семнадцатого года), нельзя не почувствовать искреннюю боль философа, разглядевшего трагедию человека, утратившего здравые основания нравственного существования.

Человек, переставший быть личностью и становящийся просто особью, вызывает внутреннее содрогание.

Дальше идти некуда.

Другой вопрос – в какой степени прав Бердяев?

«Нечеловеческое нахальство», которое увидел Гоголь и которое увидел Бердяев, «не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими, наоборот, – оно породило все, что было дурного в старом строе» [2, с. 79].

Так кто ж во всем виновен?

По Бердяеву – природный человек.

Философ при этом ссылается на точку зрения Розанова, который считал, что Гоголь верил в человека, искал его и не находил его в России: «В этом было что-то невыразимо мучительное» [2, с. 75], – замечает Бердяев.

И вывод – «в самом Гоголе был какой-то духовный вывих, и он носил в себе какую-то неразгаданную тайну» [2, с. 75], – считает Бердяев.

Версия любопытная, но представляется все же, что вековые традиции – результат не коренной «испорченности» человека, несовершенного в своей жизни, а его внутренней, духовной несостоятельности, породившей социальную безнравственность и духовную нищету.

Духовная пустота – знак многовековых традиций, опирающихся на вековую готовность к насилию.

Гоголь видел вокруг себя не то, что ему хотелось увидеть, а то, что проявлялось каждодневно в повседневной жизни.

Сквозник-Дмухановский и Хлестаков писателем не выдуманы, они обнаружены в реальности, очищенной от иллюзий.

Но это не отменяло доверия Гоголя к нравственным началам жизни.

«Человеческое слышится везде»?

Человеческое слышится везде – иначе и быть не может.

Литература

1. Баратынский Е. А. Стихотворения. Воронеж, 1957.
2. Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1992.
3. Быков Д. К нам едет, едет, едет... // Известия. 2011. 15 апреля.
4. Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 7. С. 430-466.
5. Гоголь Н. В. О сословиях в государстве // Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 7. С. 424-429.

6. Гоголь Н. В. Ревизор // Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 4. С.5-93.
7. Гоголь Н. В. Театральный разъезд после представления новой комедии // Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т.4. С.225-259.
8. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1906.
9. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Тула, 1994. Т. 1.
10. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
11. Немирович-Данченко В. И. Тайна сценического обаяния Гоголя // Рождение театра. М., 1989. С. 273-279.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо М. Е. Салтыкова к А. Н. Пыпину // Собр. соч.: в 20 т. М., 1969. Т. 8. С. 455-458.
13. Цит. по: Барбе д'Оревилли. Николай Гоголь // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. В. В. Гиппиуса. М.– Л., 1936. Т. 1. С. 257-281.
14. Чехов А. П. Письмо к ученому соседу // Собр. соч.: в 30 т. М., 1974. Т. 1. С. 11-16.

Стратегическая задача любого информационного процесса – формирование общественного мнения

Монро Э. Прайс, автор книги «Масс-медиа и государственный суверенитет. Глобальная информационная революция и ее вызов власти государства», пишет: «Давление на формирование политики и общественного мнения за рубежом всегда было важнейшим инструментом тех, кто был у власти или стремился ее добиться – правительства всегда искали способы воздействовать на население в своей стране и за ее пределами с помощью пропаганды. После события 11 сентября 2001 года ставки значительно возросли – и правительства еще раз, убедившись в том, что идеология является подоплекой конфликта и общественной нестабильности, осознали необходимость воздействовать на сердца и умы людей за пределами своих стран» [3, с. 14].

Во взаимоотношениях общества и власти Монро Э. Прайс считает рубежом дату 11 сентября 2001 года, день, когда террористы атаковали башни международного Центра в Нью-Йорке. Дата эта важна во взаимоотношениях правительства США с обществом, но в истории мировой цивилизации были и другие рубежи. Главный из них назвал сам Монро Э. Прайс – «глобальная информационная революция». Эта революция случилась во второй половине XX века, когда на смену индустриальному обществу пришло новое время – время Интернета.

Это было не только технологическое обновление всей системы коммуникаций в мировом пространстве – это было принципиальное обновление экономики, науки, культуры, образования, здравоохранения.

Скорость стала главной приметой нового времени.

Новое время началось с книги Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948 г.).

При этом Винер предупреждал, что идеализировать роль кибернетики не следует.

Но к восьмидесятым годам «мировая паутина» уже стала реальностью. Сложились, как заметил Г. Маркузе, «новое направление производственного процесса и новые формы человеческого существования» [2, с. 9].

В чем смысл новой формы человеческого существования? В том, что «машина – накопленная и воплощенная сила человека, сделалась самым эффективным политическим инструментом» [2, с. 9].

Так в информационном пространстве формируется «одномерный человек», способный выполнять чужую волю.

Ничего нового не произошло. Столкновения общества и государства происходили всегда.

Возник «раскол между политическим государством и гражданским обществом». Слова в кавычках предлагает К. Маркс. Спустя сто лет с лишним этот раскол проявился в информационном обществе, знаковым признаком для которого стали регулярные информационные войны.

Информация превратилась в товар. Товар, за который стоило бороться.

При этом следует подчеркнуть, что информация в целом ряде случаев бывает приблизительной, неточной, небрежно оформленной, неправдоподобной – то есть не соответствующей реальности.

И тем не менее даже такая информация пользуется определенным спросом. Особенно в тех случаях, когда высказывание принадлежит человеку, пользующемуся в обществе авторитетом.

Так возникает у аудитории интерес к симулякрам – единицам информации, не соответствующей реальным фактам действительности. Но очень часто именно симулякры становятся существенными звеньями информационных войн.

Сознательная деконструкция смысла происходящего становится важным признаком информационных войн.

Одновременно началась эпоха глобальных перемен. Как иронически заметил Элвин Тоффлер, «перемены захватывают высокоразвитые индустриальные страны с неуклонно растущей скоростью. Их влияние на жизнь этих государств не имеет аналогов в истории человечества. Как следствие, в мире расплодилось все-

возможные виды любопытной социальной флоры – от психоделических церквей и “свободных университетов” до научных станций в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии» [4, с. 10].

Перемены, происходящие в мире, затронули все стороны жизни современной цивилизации – политику, экономику, культуру, образование, здравоохранение, социально-бытовые отношения, изменения в самом человеческом сознании.

Перемены в массовом сознании – одна из самых острых проблем современных СМИ. Сама формула «средства массовой информации» в последние годы сильно изменилась.

Во-первых, информация, поступающая по каналам Интернета, направлена прежде всего на конкретно индивидуального потребителя информации. «Мышка», наушники дробят аудиторию, оставляя потребителя информации один на один со средством коммуникации (на это еще в середине прошлого века обратил внимание Владимир Саппак в своей книге «Телевидение и мы»).

Во-вторых, оставшись один на один с источником информации, потребитель осваивает сообщение самостоятельно. С падением тиражей газет уходит в прошлое знаменитая ленинская формула «Газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор» [1, с. 6].

Современные исследователи СМИ ввели новое понятие «легкое чтение» – просмотр источника информации за 10-15 минут: просмотр заголовков, коротких заметок, иллюстраций и выборочное чтение одного-двух материалов.

Так формируется у аудитории «клиповое сознание».

Все это не отменяет понятий «информационная кампания», «информационная война» и т. д. Информационная война в современных СМИ становится конвергентной, приобретая в ТВ все признаки игры с аудиторией – парный «конференс ведущих», противостояние «стенка на стенку», подключение референта со стороны, использование прямого репортажа и т. д.

Эта игра, как правило, завершается традиционной репликой ведущих «Спасибо всем!».

Так заканчиваются «потешные» информационные войны на экранах российских телевизоров.

Светлана Шайхитдинова пишет в своей книге «Информационное общество и “ситуация человека”»: «Медиа сегодня – это инструмент для ведения информационных войн, “промывки мозгов” и манипулирования общественным мнением. В этом нам видится проявление рационализма развития цивилизации, противостоящего индивидуальному бытию. Отличие времени становления информационного общества от предыдущих периодов истории заключается в том, что развитие рационалистического сознания вследствие массированного медиа опережает развитие рациональных оснований общественного бытия» [5, с. 14].

Исследовательница права: нынешние средства массовой информации – благоприятное пространство для отчуждения человека, удачный способ уничтожения человеческой индивидуальности.

Как и любая другая форма столкновения людей, информационная война разрушает человека, лишая его индивидуальности, превращает в частицу общего стада.

Парадокс современных информационных войн заключается в том, что они способствуют расчеловечиванию личности, делают ее творчески недееспособной.

Информационная война губительна в своей основе, уничтожая человеческую индивидуальность.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 50 тт. М., 1967. – Т. 5.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
3. Монро Э. Прайс. Масс-медиа и государственный суверенитет. Глобальная информационная революция и ее вызов власти государства. М., 2004.
4. Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997.
5. Шайхитдинова С. Информационное общество и «ситуация человека». Казань, 2004.

«Поступок» в самосознании и поведении советских нонконформистов 1960–70-х годов

Базовым свойством самосознания шестидесятников было понимание себя как личности социально действенной. После сталинского тридцатилетия, не знавшего открытого сопротивления, нонконформисты стремились найти новые модели взаимодействия с обществом. Ограничиваться молчаливым неприятием режима, писать «непроходные» в печати тексты «в стол» стало для них неприемлемо. В социальной практике настойчиво декларировались публичность и гласность. Лидия Чуковская объясняла поворот либеральной интеллигенции к социальному действию «сменой эпох»: «Наглое, открытое, не стыдящееся себя самовластие, под которым мы жили в тридцатые и сороковые годы, <...> вырабатывало навыки молчания и невмешательства. <...>. Но это же рассуждение – о молчании, о невмешательстве – сделалось совершенно неверным в пятидесятые годы <...>, когда в стране, после прекращения сталинских зверств, начало робко, ощупью складываться общественное мнение. <...> На наших глазах мученичество <...> переставало быть бесплодным и глухим; оно облекалось в слово и уже одним этим приобретало жизненный и исторический смысл» [9, с. 396]. Понимание художественного высказывания как социального действия было свойственно как «либералам», так и «ортодоксам». Это рождало непримиримую полемику в литературной критике, прозе и поэзии, на страницах литературно-художественных журналов. Общее для общественности ощущение возможности и конструктивности деятельной гражданской позиции реализовалось в ориентации на социальный поступок, наполненный ценностным значением.

Под «поступком» следует понимать действие не только лично важное, но социально значимое, совершённое человеком по свободной воле с полным осознанием ответственности за него. Для оценки поступка необходимо осмыслить соотношение мотивов, цели и результата. Всякий поступок полимо-

тивирован: индивидуальные, групповые и социальные мотивы образуют сложный комплекс причин, побуждающих человека к действию. Ценностью обладает не всякое социальное деяние, а нравственно наполненное: этика непременно включается в определение мотивов и предполагаемых результатов акта. Высокая цель, достигнутая с применением низких средств, обесценивается, социальная значимость такого поступка невысока. Тем не менее, нравственное значение содержится в каждом поступке, поскольку в нём человек выражает себя, отношение к другим людям, обществу, жизни в целом, проходит личностное и гражданское самоопределение.

Постараемся осмыслить комплекс мотивов, определяющих личное и групповое поведение, и выявить специфику семантики неконформистского поступка. Для решения этих задач обратимся к эго-текстам: дневникам и воспоминаниям – жанрам, в которых автор даёт подробное толкование собственным действиям, объясняет поступки с точки зрения индивидуальной и групповой аксиологии.

Осознать аксиологическую значимость поступка для общественного сознания поможет анализ социокультурного контекста, в котором кристаллизовались идейные и мировоззренческие искания творческой и научной интеллигенции.

В 1960–70-е годы советское общество вступило в новую стадию индустриализации, что потребовало от него мобилизации на решение практических задач – экономических, производственных, культурных. Социальная практика актуализировала исследования деятельной сущности человека, интенсивно предпринимаемые в различных гуманитарных науках: философии, психологии, педагогике. Наука отвечала на общественный запрос, давала концептуальное осмысление феномена.

По наблюдениям современного исследователя, советская философия в 1960–70-е годы переживала антропологический поворот, суть которого можно определить как попытку создания философии человека в качестве относительно самостоятельной области исследования [1, с. 7]. Учёные (Сергей Батенин, Генрих Батищев, Борис Ананьев, Моисей Каган, Эвальд

Ильенков, Георгий Щедровицкий, Мераб Мамардашвили и другие) стремились, не выходя за рамки официальной доктрины, сделать идейную схему марксизма более гибкой, преодолеть узко социальное толкование сущности человека.

К созданию единой с философами антропологии двигались психологи (Лев Выготский, Алексей Леонтьев и другие). Например, Сергей Рубинштейн был убеждён, что бытие человека многогранно: это и созерцание, и мышление, и любовь, и творчество, и многое другое. Для исследований человека необходимо подвергнуть анализу все его связи с миром, включить в состав бытия. Личность проявляется в поступке, поскольку действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание. В этом смысле поступок – высшая форма деятельности. В нём выражена личностная позиция, сознательное отношение человека к себе, другим людям и нормам общественной морали.

Философские проблемы соотношения человеческого сознания, деятельности и бытия культуры находились в центре внимания Юрия Лотмана. Размышления о поступке вписаны им в структурно-семиотическую парадигму. Рассматривая культуру как различные модели деятельности и отношения человека к окружающему миру, мыслитель производил анализ бытового поведения людей определённой эпохи как её кода. Таким образом, в методологии Лотмана поступок выступал культурно-исторической единицей, выявляющей типологию культуры. Внимание к поступку как характеристике личности в её соответствии бытию и признании ответственного поведения как нормы существования выявляет общность творческих пристрастий культуролога, психологов и философов «оттепели».

Общественное сознание не отзывалось немедленно на концепции учёных. Либеральная интеллигенция двигалась к утверждению ответственной причастности личности бытию практическим путём. В обыденном сознании была высока ценность социального поступка, укоренившаяся в поведенческих и риторических стереотипах как научных или творческих работников, так и обычных советских людей: «за справедливость надо бороться», «правду необходимо отстаивать», «нравствен-

ные принципы должно защищать». Практическая реализация этих постулатов осуществлялась в разнообразных поведенческих стратегиях и тактиках. Григорий Померанц вспоминал: «...мне хотелось показать пример жизни среднего человека в этой стране, который не боится совершать какие-то поступки, грозящие, в сущности, только мелкими неприятностями. Ну, сорвут защиту диссертации, будут держать тебя на какой-то технической работе, бить тебя рублём, так что придётся считать каждую копейку, и т. д. Я на это шёл. И одновременно сохранял за собой свободу слова. Мне казалось полезным и нужным дать такой пример, не уезжая на Запад, где, понимаете, все подобные проблемы сразу снимаются. Мне хотелось решать их здесь» [5, с. 453-454]. Учёный характеризовал своё социальное поведение как разумную осторожность, выражавшуюся в открытости и саморедактуре: «Писал под собственным именем, так что искать меня, как Синявского, не надо было, но вместе с тем писал в известной мере эзоповым языком, чтобы состав преступления найти было трудно» [5, с. 454]. Показательно и типично для творческого человека осмысление поступка как свободного выражения научных и художественных взглядов, с одновременным признанием важности отыскать эффективные приёмы его осуществления. Характерно и восприятие собственного поведения как поддающегося тиражированию: личностный пример, усвоенный сообществом, способен сориентировать коллег в определении способа существования и механизмов самореализации.

При характеристике свойств неконформистского поступка начала «оттепели» необходимо учитывать несформированность протестного движения. Диссидентство как социальное явление сложится позже, к середине 1960-х. До той поры в общественной жизни возникали индивидуальные спорадические выступления, не осмысленные деятелями и не являющиеся по сути оппозиционными. Их цель была расширить границы дозволенного властью, ввести в норму общественного поведения гражданскую активность. Показательно, что неконформисты искали для этого разные способы: и официальные, и полуполигальные – через попыт-

ки публикации в литературно-художественных журналах «запрещённых» авторов, квартирные выставки, научные семинары и так далее. Мотивы выпуска альманаха «Тарусские страницы» (Калужское книжное издательство, 1961 г.) у редактора Константина Паустовского были те же, что у Александра Гинзбурга при формировании «Синтаксиса» (1959–1960 гг.): расширить эстетические горизонты, восполнить белые пятна в литературном процессе. Раздражение власти не являлось целью. Борьба велась не с системой, а с её ортодоксальными представителями. Итог зависел от многих составляющих. Акция могла сойти с рук или обернуться неприятностями. Неопределённость результатов определяла осмысление поступка самими деятелями и общественным сознанием в категориях «риска» и «игры». Сравним характеристику Померанцем двух различных поступков, вызвавших общественный резонанс, – выпуска неподцензурного журнала и собственного выступления на собрании в Институте философии в 1965 году: «В «Синтаксисе» было что-то уникальное, неповторимо личное, невозможное без авантюрного характера, беспечности и организаторского напора Гинзбурга, действовавших в нём как-то бессознательно и непреодолимо. Этот авантюрный дух создал «Синтаксис», и он же его провалил...» [5, с. 300]; «...антисталинская речь так удалась мне именно потому, что <...> это была, в известном смысле, игра <...>, на которую я смотрел, при всей захваченности, откуда-то изнутри, из точки покоя и обдуманно соразмерял степень дерзости, балансируя на самой черте, за которой неизбежно начинались репрессии, – но не переходя через черту» [5, с. 309]. Общим качеством поступка представлено выражение независимой нравственной позиции – духовной свободы, стимулирующей действия, сопряжённые с риском.

Тем не менее, публичное выражение несогласия с официальными декларациями предполагает решимость и смелость. Эти понятия в самосознании «шестидесятников» также входят в качественное определение поступка. В таких категориях осмысливал своё состояние Пётр Григоренко перед выступлением против возрождения культа личности на районной партконференции в 1961 году: «Я поднялся и пошёл. Что происходило

со мной в это время, я никогда рассказать не смогу. Я себя не чувствовал. Такое, вероятно, происходит с идущим на казнь. А может, это особое чувство, вызванное гипнотическим влиянием массы, которая сосредоточила всё внимание на мне. Во всяком случае, это было страшно. Более страшного я никогда не переживал. То был самый жуткий момент моей жизни. Но это был и мой звёздный час» [2, с. 305]. Поступок начался с преодоления страха и стал эпизодом личностного самоопределения: выступление лояльного к власти гражданина, стремившегося утвердить ленинские нормы партийной жизни, определило его дальнейшие действия и стало началом диссидентства.

Тема постепенного вставания в противоборство с властью регулярно звучит в воспоминаниях нонконформистов начала «оттепели». Она может трактоваться драматично, как в «Новомирских дневниках» Твардовского, Кондратовича, Лакшина, или с некоторой долей ироничного изумления, как в воспоминаниях Орловой и Копелева «Мы жили в Москве»: «Мы потом много раз спрашивали себя: когда именно началось наше отдаление <...> от партии, в которой мы всё ещё состояли?» [4, с. 85], Твардовский: «Нечего больше делать, как только отламывать по кирпичику, выламывать, выкрошивать эту стену» [7, с. 231]. Позицию литераторов роднит ясное понимание нормы личностного поведения в повседневной практике: совесть не допускает бездействия и требует активного вмешательства в общественные процессы. Шварц в период работы над сценарием фильма «Дон Кихот» высказал это убеждение следующим образом: «...человек, ужаснувшийся злу и начавший с ним драться, как безумец, всегда прав» [8, с. 286]. В словах литераторов разных поколений звучит восприятие собственного социального и профессионального поведения как единственно возможного, не допускающего вариантов по нравственным причинам.

Общим свойством оценки своих действий в воспоминаниях нонконформистов является осознание их как социально значимых по последствиям и детерминированных социальными факторами. Мотивы лишь опосредуют связь между социальной действительностью и поступками людей. Так объяснял характер

поступков Маркс, и это толкование сохраняется неконформистами. При этом только марксистским пониманием мемуаристы не ограничиваются. Выявить дополнительные мировоззренческие основания нам позволит анализ семантики всех компонентов поступка: мотивов, действия, результатов и оценки.

Авторы мемуаров указали полный спектр мотивов своих действий: и внешние стимулы, и внутренние побуждения. Стимулом выступает несоответствие между зафиксированным XX и XXII съездами партии курсом на демократизацию управления страной и либерализацию общественной жизни и реальным положением дел. Внутренними побуждениями названы:

социальные – потребность отстоять свободу слова, противостоят реставрации сталинизма, поддержать демократические начинания, обеспечить бесповоротность исторического прогресса. «...Главным злом мы считали чиновников, аппаратчиков во всех инстанциях, и в Союзе писателей, и в ЦК. И надеялись, что Никита их свергнет» (Орлова, Копелев) [4, с. 29];

этические – невозможность смириться с официальной ложью, необходимость жить в согласии с совестью. «Нам были отвратительны негодяи, захватившие руководство в Союзе писателей. Наше сочувствие вызывали те, кого прорабатывали, кого травили» (Орлова, Копелев) [4, с. 85-86];

нравственные – желание утвердить бескомпромиссность и принципиальность как норму гражданского поведения. «Я выступил в институте философии и сказал то, что думал о решении реабилитировать Сталина <...>. Я посмел и сумел сказать вслух то, что все вокруг хотели сказать и не решались. Я переступил через меловой круг» (Померанц) [5, с. 210-211];

воспитательные – дать пример поведения, выявить единомышленников. «И тут с особой силой навалилась на меня уже давно преследовавшая мысль: «Надо выступать. Нельзя молчать. Тем более, что я могу иметь трибуну, с которой далеко прозвучит» (Григоренко) [2, с. 304]; «Я хотел <...> подсказать, что так, как я, могут все. <...> ... мне хотелось пройти по лезвию ножа, дать пример оппозиционного выступления без репрессий, пример для подражания» (Померанц) [5, с. 310].

Эти мотивы представляют аксиологию поступка. Безусловно, осмысливая индивидуальные призывы к действию, каждый самостоятельно выстраивал их иерархию, в зависимости от личной аксиологии выделял доминирующие или вторичные по значимости. Общей причиной предстаёт восприятие общественной ситуации как не допускающей бездействия, личностная способность принять на себя ответственность за происходящее в стране. Кинорежиссёр Алексей Герман, родившийся в 1938 году и лично не испытывавший репрессий, признавался, что прожил жизнь с ощущением, будто прошёл сталинские лагеря и погиб на войне. Показательное заявление для мироощущения поколения.

Само действие, представленное как «бой», «схватка» или «рискованная игра», – осмысленный шаг, рубежное событие, перевернувшее всю жизнь. «Мне трудно было молча терпеть лицемерие правителей, но одновременно я понимал, что выступление будет стоить мне крушения всего устоявшегося и вполне меня устраивающего уклада» (Григоренко) [2, с. 304]; «Сахарова, с которым я был знаком теперь хорошо, надо было поддержать немедленно. К концу недели я закончил с этой целью «Тринадцать вопросов Брежневу». Гэбисты положили в свои сейфы первые вещественные доказательства моего будущего уголовного дела» (Юрий Орлов) [3, с. 154]. Фиксируя поступок как границу, разделившую жизнь на «до» и «после», нонконформисты переосмыслили идею детерминированности. Личность своими действиями, то есть чередой поступательных движений (одно из значений слова «поступок» согласно словарю Даля), сама определяет последующие обстоятельства жизни, формирует судьбу. В этом понимании субъективной роли поступков в жизни человека угадывается экзистенциальная формула: «Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь» (Сартр) [6, с. 333]. Такое субъективное толкование соответствует объективной реальности: логика конфронтации, которой руководствовались власть, делала

весьма вероятным процесс дальнейшего втягивания человека в протестную деятельность. Валентин Турчин, уволенный за поддержку Сахарова из Института прикладной математики АН СССР, сблизился с Гинзбургом и стал председателем русской секции «Международной амнистии». Григоренко, лишённый не только заведования кафедрой в Военной академии имени М. В. Фрунзе, но и генеральского звания, пенсии, явился основателем Украинской Хельсинкской группы. Примеров можно привести великое множество. Не желая вступать в диалог с обществом, подавляя инакомыслие, государство делало врагами образованных, талантливых, деятельных граждан.

Результат деяния осмысливается нонконформистами неоднозначно. Его субъективная ценность заключается в самореализации, практическом выражении нравственных принципов, преодолении гражданского бездействия, чреватого драматичными последствиями для общества: «Я посмел и сумел сказать вслух то, что все вокруг хотели сказать и не решались <...>. Тогда впервые я перестал жалеть, что я не родился в другое время, впервые почувствовал, что среда меня не заела, что я вынес свой век» (Померанц) [5, с. 210-211]. Выявление единомышленников, способных поддержать не только словом, но и действенным участием, – ещё один ценный результат. Моральные плюсы при индивидуальных социальных потерях видятся доминирующими. Объективная ценность заключается в открытом заявлении общественного запроса к власти на последовательность и логичность выполнения ею собственных политических деклараций.

Каждое высказывание, словесное или невербальное, имеет референтную группу. Характеристика адресата поступка способна уточнить его аксиологию. Первыми оценивают поступок непосредственные свидетели, на их реакцию рассчитывает человек. Резонанс акции тем выше, чем многочисленнее аудитория. Поскольку поступок понимался как социальное событие, публичность включалась деятелями в программу его реализации. Померанц вспоминал, как после антисталинского выступления ему жали руку совершенно незнакомые люди. Григорен-

ко не забыл поддержки зала во время выступления, тщательно фиксировал помощь рядовых советских людей во время многолетних мытарств без работы и фактически без средств к существованию. Реакция подтверждала общественную ценность действия. Это укрепляло исходную позицию смельчака, стимулировало к дальнейшим акциям. Другим адресатом была власть, своими ответными действиями оценивавшая поступок. Скандал и чрезмерная реакция, как в ситуации Григоренко, в глазах сочувствовавших повышала статус личности и значимость выступления, в восприятии противников создавала антипример, но во всяком случае утверждала активное действие как инструмент коммуникации. Мемуары начала «оттепели» свидетельствуют, что привлечение внимания международной общественности родилось как вынужденная мера в ходе совместных акций неконформистов для обеспечения защиты от усиливающегося давления. Вначале допускалась поддержка лишь со стороны «друзей Советского Союза» – общественных деятелей «левых взглядов». Так, в ходе кампании по защите Бродского его сторонники привлекли к содействию Сартра, Арагона и Бёлля. Этот шаг осмысливался как дополнительный, не первостепенный. В сознании либеральной интеллигенции тех лет было распространено убеждение в необходимости борьбы с внутренним врагом своими силами. Дело нравственного пробуждения и социального оздоровления ответственно мыслящая интеллигенция брала на себя.

Подведём итог. «Поступок» можно считать смыслообразующим понятием в аксиологии и самосознании неконформистов. Под «поступком» в мемуарах понимается бескорыстное, самоотверженное действие, продиктованное ответственностью за судьбу страны, потребностью проявить свою гражданскую активность. С помощью категории «поступок» неконформисты производили идентификацию себя и членов сообщества. Осмысление способности к ответственному действию определяло представление о роли личности в социуме, поведенческую тактику, цели и задачи личной и групповой активности.

Литература

1. Горбачёв В. Антропологический поворот в советской философии (1960–70-е годы) // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. №3. С. 7-14.
2. Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М. 1997.
3. Орлов Ю. Опасные мысли. Мемуары из русской жизни / Ю. Орлов. – М. 2008.
4. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М. 1990.
5. Померанц Г. Записки гадкого утёнка. М.; СПб. 2011.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. 1990. С. 319-344.
7. Твардовский А. Новомировский дневник: в 2 т. М. 2009. Т.1 : 1961–1966.
8. Шварц Е. Превратности судьбы. Воспоминания об эпохе из дневников писателя. М. 2013.
9. Чуковская Л. Памяти Фриды // Сочинения: в 2 т. Т. 1: Повести; Воспоминания. М. 2000. С. 357-429.

«И не друг, и не враг, а так...»: образ России в публицистике западных авторов

Многолетняя история создания образа России в западных СМИ и в частности, в публицистике англоязычных авторов, особенно имиджирование нашей страны как идеологического оппонента или как прямого врага западного мира, думается, позволяет говорить о кардинальных противоречиях в отношениях и пропагандистских стратегиях РФ и Запада. Мы сейчас говорим о Западе как совокупности стран, социальных слоев и групп, а также как о совокупности культурных традиций, ценностей, мировоззренческих установок, во многом определяющих суть публицистической деятельности, политической рекламы и PR-стратегии государств [2]. Можно, рассматривая историю XX века, условно выделить четыре периода наибольшего интереса к современной России и три исторических момента, когда можно было говорить о появлении наиболее благоприятного шанса для формирования нормального идейного климата, для невраждебного восприятия нашей страны на Западе, в частности – для создания позитивного имиджа нашей страны в СМИ ведущих стран Европы и в США. Целью статьи является рассмотрение данных исторических моментов сквозь призму политической публицистики англоязычного мира.

Восприятие нашей страны в качестве великой державы ощущимо в работах публицистов, воспринявших Октябрь 1917 г. как прорыв в будущее и как альтернативу западному миропорядку в его кризисном изводе. Г. Уэллс, Ж.-Р. Блок, А. Жид, Л. Фейхтвангер, Б. Шоу, Р. Роллан, и особенно Дж. Рид, А. Р. Уильямс, Л. Брайант и др. с пониманием и одобрением отнеслись к революции, и публицистику этого периода можно считать первым в XX в. этапом острого интереса к России.

В начале XX века, как известно, западная публицистика приобретает все более политизированный характер. Внешние причины этого очевидны: войны, антиколониальные движения, рост профсоюзного движения, обусловленный обострением

конфликта между трудом и капиталом, политизация прессы национальных меньшинств, полемика между представителями разных культурно-коммуникативных стратегий, возникшее на рубеже веков движение «разгребателей грязи», углубление войны журналов и особенно влияние революции 1917 года в России. В журналах и газетах начала XX века («Ивнинг поуст», «Макклюрз мэгэзин», «Сэтердей ивнинг поуст», «Хьюмен лайф», «Космополитэн» и др.) стали появляться разоблачительные статьи расследователей преступлений Большого Бизнеса, набирало силу движение «разгребателей грязи». Его первые представители – Ида (Айда) Тарбелл, Девид Грэм Филипс, Эптон Синклер, Линкольн Стеффенс, Уил Ирвин – сотрудничали одновременно в качественных и в «желтых» газетах и журналах («Маклюрс», «Коллиерс», «Космополитэн», «Эврибодиз» и др.) [14, с.164].

Американская культура испытала огромное влияние Октября, хотя мнения об этом эпохальном перевороте были самые разные. Общеизвестна позиция «поэта революции» Джона Рида, автора многих материалов о событиях тех лет, а также знаменитой книги очерков «Десять дней, которые потрясли мир» [13]. Воспев В. И. Ленина как гения политических баталий, Рид сделал ошибку, но он не лгал... Он хотел видеть в революции надежду всего мира, особенно Запада, боролся вместе с большевиками за новую жизнь и умер от тифа в нашей стране в 1920 г. Вдова писателя Джона Рида Луиза Брайант продолжила дело мужа, создавая в США клубы Джона Рида, ячейки сторонников социализма. Ее документальная книга «Шесть красных месяцев в России» (1919) незаслуженно забыта, а ведь это прекрасный образец живой и эмоциональной публицистики, где любовь и социальная активность одухотворяют текст воспоминаний [10].

Широко распространялись в нашей стране мнения А. Р. Уильямса, который посетил нашу страну вместе с Дж. Ридом и его женой Луизой Брайант. Книга А. Р. Уильямса «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918» продолжает хронику Дж. Рида. Так же, как и Рид, он считает социализм альтернативой западной рыночной системе отношений, клеймит буржуазию за вмешательство в дела России [13, с. 32].

Мемуары «Сквозь русскую революцию» были изданы в 1921 году, когда Уильямс уже видел издержки русского бунта, но в целом Уильямс так и остался другом СССР.

С восторгом отозвался о революции в России предтеча «разгребателей грязи», учитель Дж. Рида, сторонник коммунистической идеологии Линкольн Стеффенс. Слова Л. Стеффенса: «Я видел будущее, оно уже действует» [3, с. 45], – сказанные им в 1919 году после поездки в революционную Россию и беседы с В. И. Лениным, стали частью отечественной историографии, посвященной рассматриваемой теме. Вместе с близким другом, английской журналисткой Эллой Уинтер, Стеффенс сделал многое, чтобы доказать западным читателям, что Октябрь не был результатом заговора и подвигом нескольких террористов, купленных на германские и еврейские деньги. Он видел связь между событиями в Петрограде и в Париже конца XVIII века.

Наиболее ярким представителем левого направления в публицистике США 1920-х гг. был Майкл Голд, предвестник «красных тридцатых». Еще в 1920 году была опубликована его статья «Навстречу пролетарской литературе». Ирвинг Гранич, таково настоящее имя писателя, публициста и редактора известных газет и журналов («Liberator», «New Masses»), родился в 1893 г. в Нью-Йорке в семье евреев-эмигрантов. Подростком Голд вынужден был бросить школу. Майкл Голд известен нам в большей степени как прозаик и публицист, развивавший традиции «макрейкеров». Свои политические взгляды и убеждения Майкл Голд провозглашал не только на страницах собственных произведений – долгое время он вел колонку «Изменим мир» в «Daily Worker», позднее материалы этой колонки были изданы как сборник статей «Изменим мир!» (1936 г.). Его статьи напоминают разоблачения И. Тарбелл и Э. Синклера. Как и Дж. Рид, он приветствовал большевистский переворот в России, не зная, куда он приведет страну. Он выступил против олигополий, надеясь на революции в Европе. Редакторская деятельность М. Голда затруднялась финансовыми трудностями, что было характерно для пролетарских изданий. Его идеи развивали авторы социалистического журнала «New International».

Стиль Голда можно назвать ораторским, язык произведений напоминает язык Уолта Уитмена, это можно проследить в сборнике «120 миллионов». Стиль его поздних произведений гневный, обличительный, призывающий на борьбу, и в то же время с характерным признаком нетерпимости и догматизма, свойственным марксистско-ленинской эстетике тридцатых годов.

Любопытна судьба журналистки Бесси Битти. В книге Бесси Битти «Красное сердце России» дан более трезвый отчет и журналистский очерк о войне и революции. В частности, она показала антивоенные настроения, заявив, что мятеж генерала Корнилова помог большевикам взять власть. Ее описание «десяти дней», апогея восстания в Петрограде не уступает по стилю знаменитому на весь мир произведению Рида, документальность и точность детали заставляют говорить о высоком уровне профессионализма, хотя отсутствие знаний по истории и теории марксизма и т. п. не делают ее зарисовки историческим документом. Но ее интервью с В. Лениным и Л. Троцким стали историей. Вместе с Дж. Ридом, А. Р. Уильямсом и Л. Брайант Бетти Бисси много путешествовала по России, видела радость и горе народа. Ее ужаснула стычка 11 ноября 1917 года солдат ленинской Красной гвардии с отрядом семнадцатилетних кадетов, защищавших какое-то здание согласно присяге. Смерть юношей стала знаковой для мышления журналистки из США, она с горечью пишет, что надежды на мирную передачу власти похоронены самими большевиками. В ее репортажах, опубликованных в журнале «Маккол», очевидно сочувствие революционерам и отсутствие ясного понимания, куда приведет стихийная волна революции.

Иная тональность в публицистике американского поэта-авангардиста Э. Э. Каммингса. В 1920–1930-х годах Каммингс много путешествовал по миру с остановками в Париже, где он долго жил. В 1931 г. он съездил на два месяца в Россию. Свое «писательство журналистского толка» (“*journalism and writing*”)» [12, с. 36] поэт-скептик подытожил в книге «ЭЙМИ, или Я ЕСМЬ». Как и другие критики революции, автор путевых и дневниковых заметок задает вопрос: каков результат

революции? Ответ более чем мрачен: «мерзость». Не зная еще ужасов сталинизма, американец четко дает портрет ленинизма как тоталитаризма, сатирически рисуя партию большевиков и с тревогой рассуждая о нужде рядовых граждан как основном результате «реформ». Критикуя советский «рай», автор подчеркивает наличие цензуры, подозрительности, идеологии страха, репрессивность морали, серость каждодневной жизни. Речи в тексте американца о пытках в ЧК и НКВД нет, но есть неприятие методов управления страной, есть презрение к бюрократии, захватившей власть. Много личных эмоций, навеянных культом вождей и лжепатриотическим военным психозом. Демократ и индивидуалист Э. Каммингс с презрением говорит о партийных бонзах, о грязи на улицах, об интеллигенции, оправдывающей свою трусость новым мировоззрением «коллективизма и государственности» [12, с. 35].

Итак, картина русских революционных событий и преобразований в публицистике США весьма пестрая, хотя в первой половине XX в. рецепция Октября была более энтузиастической, чем после смерти Сталина, а общая западная перцепция в журналистике также отличалась скорее энтузиазмом и любопытством, а не злобой и ненавистью, как долгое время рисовали ее наши советские СМИ.

Вторым историческим моментом, когда Запад повернулся к нам лицом, можно считать годы Второй мировой войны, и это было недолгое время наиболее дружеского сближения с такими странами, как Франция, Англия и США. Имидж СССР как борца с фашизмом стал позитивным лейтмотивом многих статей и книг. Но наступление эпохи «холодной войны» отбросило отношения СССР и Запада далеко назад, кооперация уступила место конфронтации. И. М. Дзялошинский отметил, что образ врага может сформироваться из-за «прямых авторских оценок, однозначно указывающих аудитории на единственно возможное, по мнению автора, отношение к описываемым явлениям или ситуациям» [4, с. 14]. Рождение образа врага в СМИ обычно является выражением внутренних проблем. В 1929 году в мире разразился кризис, в США началась Великая депрессия.

Начали искать крайних, нарастала волна возмущения действиями мигрантов, евреев, коммунистов и т. д. Имидж страны Советов все больше приобретал демонизированные черты. То же самое и у нас сегодня: кризис подкосил экономику, а нужны скрепы и оправдания. И вот СМИ дружно, уже в который раз, воюют с американским империализмом.

Т. В. Евгеньева и А. В. Селезнева в статье «Образ “врага” как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи» акцентируют внимание на исходящей от внешнего врага «опасности, которая может быть разной по степени и масштабу и способна привести к непредсказуемому результату» [6, с. 61]. Надо особо отметить, что у западных пропагандистов были весомые аргументы против СССР: история сталинских репрессий, ныне намеренно замалчиваемых путинским окружением, сам факт этого чудовищного геноцида коммунистов против народа, оправдывает любой негатив в СМИ.

Полет первого в мире космонавта Ю. Гагарина и успехи СССР в освоении космоса вновь привлекли внимание всего мира к стране Советов, это был третий период обостренного внимания к нашей стране, третий всплеск интереса западных СМИ к коммунизму. Это время, когда появилась вторая (после событий 1940-х гг.) историческая возможность сделать имидж социалистической России позитивным и стабильно дружественным для Запада. Но рыночная конкуренция и противоречия идеологий капитализма и социализма вновь похоронили надежды на сотрудничество. Журналисты вновь стали участниками пропагандистских боев, порождая горы статей манипулятивно-лживого содержания. Отталкиваясь от ошибок Н. Хрущева (Карибский кризис) и Л. Брежнева (война в Афганистане), западные идеологи создали миф о нецивилизованности российских властей, о невозможности диалога.

Ключевым мотивом западных авторов, создающих образ России-врага в 1970-е–1980-е годы, стал не только неуничтожимый советский «чекизм-сталинизм» [9, с. 5], не только тоталитаризм, но и брежневизм как система лганья. Естествен-

но, было много и других тем в публицистике «кремлевцев»: война в Афганистане, поддержка русскими режима Ф. Кастро, экономический застой, война КГБ против диссидентов и т. д. Холодная война сопровождалась нередкими военными провокациями и постоянной угрозой ядерного апокалипсиса. Имидж России в выступлениях М. Тэтчер, Р. Рейгана, З. Бжезинского совпадают с жестокой и не во всем верной формулой Рейгана «империя зла» [5, с. 79]. Книги покойного ныне З. Бжезинского стали вершиной антироссийской публицистики.

Но вновь, уже в конце XX в., СССР привлек внимание мировой общественности как страна с огромным духовным потенциалом, способная к возрождению. Горбачевская перестройка была воспринята в массмедиа как истинная прогрессивная революция, как глобальный поворот политиков Востока к общечеловеческим ценностям, к либеральному рынку, частной собственности, к конкуренции и высокой производительности труда, что меняло стратегию западного имиджмейкинга. Имидж СССР стал во время реформ 1990-х гг. символом сотрудничества и в то же время окончательного краха социализма, стал отражением и обозначением смерти тоталитаризма в Европе. Появились восторженные материалы в СМИ о «новом мышлении» (в трактовке М. С. Горбачева), о разоружении, дружбе народов (Дж. Кьеца, У. Эко, Ги Метан, С. Лем, Д. Рейфилд, Дж. Барнс). В книге Джульетто Кьеца «Переход к демократии» события конца XX в. в РФ описаны с позиций искреннего сторонника реформ и мирного продвижения к либеральным ценностям, издержки тернистого пути РФ анализировались с позиций исторического оптимизма и наивного энтузиазма.

Визиты западных политиков и их энтузиазм поддержала народная дипломатия, деятели культуры. Это был третий шанс упрочить позитивные черты в облике нашей страны в эпоху глобализации, а также четвертый период обострения интереса Запада к событиям в новой России. Приход к власти В. Путина и события в нашем веке вызвали разочарование и скепсис, которые можно назвать последней фазой странового (государственного) имиджмейкинга в СМИ западных демократий по

отношению к РФ. Думается, что наиболее взвешенной формулой для освещения общего положения дел в рассматриваемом вопросе сегодня можно выразить словами из песни В. Высоцкого: «и не друг, и не враг, а так». На первый взгляд, преобладает негативное восприятие имиджа РФ, так свидетельствуют отечественные СМИ. С другой стороны, нагнетание негативизма представляется одной из стратегий наших политиков и пропагандистов. Идея лагеря, окруженного врагами, помогающая власти вести политику мобилизации и ограничения свобод своих граждан, уже сработала несколько десятилетий тому назад. Но ныне она обречена.

Знакомство с прессой Запада убеждает: нейтральные статьи о РФ преобладают, а прямой вражды не так уж много. Интерес к стране в целом на Западе угасает: ее экономическое и научно-техническое отставание налицо, воевать с нами никто не собирается, все разговоры о враждебности Запада выходят за пределы адекватного нарратива. Есть политпиар российских элит, преувеличивающих страх Запада перед нашим оружием, а на Западе в системе текстов медиарилейшнз отражается объективное недовольство населения США, Англии и других стран авторитарным путинским стилем управления, захватом Крыма. Критика ближневосточной внешней политики РФ в статьях западных публицистов тоже есть, но она чаще всего убедительно аргументирована и объективна. Ложь как таковая встречалась в ходе анализа крайне редко.

В современных СМИ врагами становятся не только страны и народы, но и международные организации, религиозные движения, политические оппоненты и отдельные личности, даже если реальных оснований для «враждебности» никогда не было. Бинарная оппозиция «свой-чужие», свойственная многим культурам, где «чужие» равны врагам, абсолютно необъективна, так как «не объясняет алгоритм создания образа врага и принцип разделения на врагов и не врагов» [8]. В РФ для создания образа Запада как врага используются такие приемы, как умолчания, подтасовки, прямая ложь, маленькие искажения чужих слов и т. п. В «Московском комсомольце» читаем: *«Представитель*

СКР считает, что правительства западных стран мешают России бороться с коррупцией. “Ведь у нас главная проблема в том, что нашим западным партнерам наведение порядка невыгодно. Вот для них та же утечка финансов в оффшоры – это огромная поддержка”» (Московский Комсомолец. 2015. 28 мая). В этой цитате лицемерная вежливость скрывает абсолютную неточность подачи материала, ничем не подкрепленную риторику холодной войны. То же видим и в ряде СМИ Запада, что говорит о сложности проблемы репрезентации образа государства в СМИ. Запад нередко демонизирует образ Путина, что тоже не всегда является ложью, когда речь идет об авторитаризме и олигархическом капитализме в РФ. К сожалению, публицисты Запада порой видят Россию как страну «Сталина, Матрешки и Водки», связывая наши постоянные трудности с разрушением демократии нарушением международных обязательств (Крым, Донбасс и т. п.).

В начале этого столетия освещение событий в России перестало вызывать бури общественного интереса на Западе. Но поток статей о России и сегодня велик. Оценивая РФ с позиций опасности или полезности, рисуя наш образ жизни и развитие наших контактов с Западом, журналисты не всегда объективны. Примеры из европейских и американских газет показывают, что освещение в них событий в РФ не лишено предвзятости и нежелания понять другую культуру. Справедливо критикуя нашу мертворожденную концепцию выборов, журналисты Запада в 2000-е гг. часто склонялись к поддержке крайней оппозиции, например группы А. Навального и других смутьянов, показывающих размер казнокрадства в стране, не учитывая массовую психологию, верноподданнические настроения обманутого электората и вековые традиции РФ, не знающей соблюдения законов и ротации кадров. СМИ изображали РФ, базируясь на клише прошлых лет. Противоречивы статьи зарубежных авторов о всесии бюрократии в РФ, о провалах модернизации, о неререформируемости силовых ведомств, пенитенциарной системы, особенно судебной машины.

Примечательная деталь. Консерватор и бывший главный пиармен Р. Рейгана, президент фонда Американское дело (American cause), который ныне ведет колонку обозревателя в газете «New York Post», П. Бьюкенен открыто обвиняет сенаторов Д. Либермана и Дж. Маккейна во вмешательстве во внутренние дела России, презрительно называя их защитниками и надзирателями за глобальной демократией [15, с. 4]. С уважением или хотя бы без брани о РФ писали еще недавно Г. Киссинджер, Б. Клинтон и другие политики. Мифы, как и стереотипы, с которыми у социальной мифологии существует теснейшая кровная связь, усиливают банализацию экзистенциальной проблематики, им присуще сведение трагизма бытия к мелодраматическим эффектам [7, с. 124].

Красной тряпкой для СМИ Запада стал образ Путина как эмблемы РФ. Судя по обнародованным документам, представители США задумываются о возможных связях самого Путина с криминальным миром [1, с. 2]. В газете «Гардиан» в декабре 2014 г. констатировалось, что Запад видит в России насквозь коррумпированную, диктаторскую клептократию во главе с Владимиром Путиным. По мнению редакции газеты, этот вывод следует из опубликованной «WikiLeaks» переписки американских дипломатов. Журналисты Запада дружно обвиняют нашу власть в тотальной коррупции. По их данным, чиновники, олигархи и организованная преступность в РФ тесно связаны и вместе образовали «виртуальное мафиозное государство» на территории страны, как пишет английская качественная газета «The Guardian».

Подтверждением данной мысли могут служить заголовки статей в разных изданиях, ориентированных на подготовленного читателя:

Путин и Медведев угрожают новой гонкой вооружений (The Heritage Foundation, США).

В России свобода слова находится под контролем государства (The Washington Post, США).

ГУЛАГ Lite (New Yorker, США).

Польша считает, что НАТО недостаточно защищает ее от России (Le Monde, Франция).

Мученик бизнеса в путинской России (The Wall Street Journal, США).

США не верят в чистоту намерений России (Fox News, США).

В России нет демократии, и спорить тут больше не о чем (The Washington Post, США).

Многие заголовки газет отражают негативно-ироническое отношение Запада к нашим лидерам:

Царь Владимир и его «толерантная тирания» (New York Post. 2009. 10 февр.);

Влад Уязвимый (The Times. 2009. 28 янв.);

Мечты об империи наносят ответный удар (The Guardian. 2009. 25 янв.);

Россия-батюшка: Путин и президентский пост (Spiegel. 28.11.2008);

Премьер-министр Путин выступает в роли антикризисного суперпрезидента (Liberation. 2008. 5 дек.);

Россия: полна горница святых (Le Monde. 2009. 16 янв.);

Российские лидеры доводят русского медведя до нищеты (The Globe And Mail. 2009. 12 февр.);

Владимир Путин – оракул всея Руси (El Mundo. 2008. 5 дек.).

Подобных примеров слишком много, чтобы не придавать им значения, не видеть в них социологическую окраску и не говорить о тенденции нехорошего изменения облика России в глазах зарубежных наблюдателей. Конечно, можно отмахнуться, мол, сами разберемся. Тем более, что и зеркало кривое. Зарубежные журналисты слишком часто ошибались, говоря о нас. Тень чеченского терроризма помешала им объективно освещать упомянутый выше конфликт на Ближнем Востоке, в котором роль России трактовалась как сугубо антиизраильская и антизападная. В то же время, как показали материалы в газетах 2000-х гг., о едином фронте психологической атаки западных СМИ на общественное мнение РФ говорить никак нельзя. Вот типичное высказывание, подтверждающее сказанное. «В России нет демократии, и спорить тут больше не о чем: президент РФ Владимир Путин ослабил сдержки и противовесы внутри страны, уменьшил политическую и правовую прозрачность,

лишил независимые СМИ, политические партии и неправительственные организации возможности нормально работать» [11, с. 14], – говорилось в передовой статье газеты «Вашингтон поуст» после переизбрания В. Путина на второй срок.

СМИ Запада анализируют политические позиции лидеров, признавая небывалый успех В. Путина в политике. Констатация факта имеет некоторые критические импликации, но это не вражда. Авторы анализируют феномен Путина. Конечно, можно по-разному оценивать происходящее сегодня в России с политической точки зрения, но объективный наблюдатель не может не признать, что Владимир Путин превратился в некий харизматически-мифологизированный феномен общественного сознания, который не вызывает психологического дискомфорта или прямого отторжения большинства граждан, как это было, например, с имиджами престарелых коммунистических вождей. Другое дело – политики и аналитики, которые профессионально соотносят конструируемый имидж и реальную суть человека.

Для конкретизации этих положений предлагаем учебный анализ газетного текста «John McCain: Russia threat is dead serious. Montenegro coup and murder plot proves it» (Маккейн: «Россия угрожает серьезно. План госпереворота и убийства в Черногории доказывает это»), который был опубликован в американской газете «USA Today» («США сегодня») 15 августа 2017 г. (Инопресса.ру). Его автор – известный сенатор Джон Маккейн, увидевший в покушении на премьер-министра Черногории «руку Москвы». Он утверждает:

Vladimir Putin's Russia is on the offensive against Western democracy. Russia invaded Georgia in 2008 and Ukraine in 2014. Russia attacked America's 2016 election, attempted to interfere in France's 2017 election, and is expected to do the same in German and other future European elections. But perhaps the most disturbing indication of Putin's violent ambitions is what happened in October 2016 in the small Balkan country of Montenegro, when Russian intelligence operatives plotted to overthrow the democratically elected government of Montenegro and murder its prime minister. Why would Putin go this far? Russia viewed Montenegro's pursuit of European

Union and NATO membership as both insulting and threatening. After all, Montenegro was once part of Russia's traditional Slavic ally, Serbia. The country has long been a favorite for Russian tourists. Indeed, Russian politicians and oligarchs are reported to own as much as 40% of the real estate in Montenegro [16, с. 1].

Россия Владимира Путина ведет наступление на западную демократию. Россия вторглась в Грузию в 2008 году и на Украину в 2014-м. Россия атаковала американские выборы в 2016 году, пыталась вмешаться во французские в 2017-м и, как ожидается, сделает то же самое на немецких и других будущих выборах в Европе. Но, возможно, вызывающим наибольшее опасения признаком агрессивных амбиций Путина является то, что произошло в октябре 2016 года в Черногории, когда сотрудники российской разведки попытались свергнуть демократически избранное правительство Черногории и убить ее премьер-министра. Почему Путин так далеко зашел? Россия считала стремление Черногории вступить в ЕС и НАТО и оскорбительным, и угрожающим, считает сенатор. Страна давно полюбилась российским туристам. Кроме того, российским политикам и олигархам, по сообщениям, принадлежит не менее 40% недвижимости в Черногории.

Первой ступенью анализа любого текста может служить его **тема и проблематика**. В данном случае тема очевидна, ее фиксирует заголовок. С темой ассоциируется более общий мотив враждебности РФ всем народам, идущим по пути в Европу, определяющий лексико-семантические доминанты текста. Ключевыми словами и выражениями в этом плане стали: *murder, plot, ffensive against Western democracy* и т. п. Бросается в глаза соединение стандартных слов и словосочетаний, характерных для медийного стиля вообще, с достаточно экспрессивными лексемами и авторскими фразами (*the most disturbing indication of Putin's violent ambitions*). «Россия Владимира Путина ведет наступление на западную демократию», – вот лейтмотив статьи, в которой сотрудники российской разведки рисуются как враги западной демократии и главные сатрапы Путина. Проблема российских спецслужб, по мнению автора, состоит в том, что

их шеф – сам президент, владеющий колоссальными финансовыми возможностями. Наличие книжной лексики, почти полное отсутствие иронических подтекстов, обычно присутствующих в статьях о нашей системе правления, обилие устойчивых оборотов и клише – все это маркирует стиль текстов, мотивом-инвариантом которых можно считать борьбу за общественное доверие к своей идеологии. В этот мотивный блок органично вписывается проблема демократии в РФ и США, перерастающая в проблему ведения информационной войны.

Следующий этап комментирования предполагает анализ целеполагания и слога автора. Вопрос «что» требует после себя вопросы «зачем» и «как». Фабула политических заметок не терпит излишних эмоций – таково кредо западного журнализма. Как правило, автор-публицист старается быть внешне нейтральным, прибегая к косвенно-оценочному стилю изложения. Антитеза как стилиевой прием и композиционная доминанта всей статьи становится кодой лингвостилистической «симфонии» аналитика. Джон Маккейн делает вывод о непредсказуемости российской политики, о необходимости сдержанного отношения к обещаниям модернизаторов России. Статья дает представление о позиции не только автора, но и его аудитории, которая угадывается («инципируется», как говорят теоретики) публицистом в финале статьи. Собирательный образ недоверчивого янки проступает в намеках и оговорках Маккейна, носителя западной мыслительной традиции. Вопросы автора отражают его внутреннюю амбивалентность в рассматриваемом вопросе. Он прав, заявляя о необходимости сдерживания экспансии РФ, но едва ли прав, считая, что новый срок Путина будет какой-либо заметной драмой, ударом по демократии. Дело, думается, в другом.

Напомним два факта. Первый: ни один из предыдущих политических лидеров в РФ не достигал такого уровня поддержки населения столь стремительно. Второй факт: историческая вина лежит и на народе, особенно на интеллигенции, в очередной раз отказавшейся от серьезной полемики с узурпаторами власти в РФ, с олигархами и их идеологическими слугами. Жу-

ликоватая власть, деформирующая Конституцию, гармонирует с настроениями спивающихся и безразличных граждан, борющихся за биологическое выживание. Откуда взяться социальному протесту, тем паче взрыву негодования?

Сегодня за рубежом все еще велик интерес к выборам в нашей стране. Журналисты озадачены институтом вечного президентства и царских полномочий вождей. Смущает западных коллег и пассивность электората, отсутствие действенной оппозиции, противостоящей власти в жизни, а не на митингах. Зарубежные журналисты все чаще критикуют РФ за нарушение прав человека. Как правило, они критически освещают происходящее, не признают наши выборы демократичными, но нельзя говорить о патологической враждебности авторов по отношению к россиянам.

Таким образом, критика в статьях о РФ преобладает, но мы не можем назвать пафос зарубежной политической публицистики однозначно негативным по отношению к России. Критики очень много. Однако в аналитических материалах преобладают все же интонации сдержанного оптимизма, как в годы перестройки, уравнивающие тон откровенного, иногда цинично-нигилистического неприятия происходящего у нас.

Две культуры не могут сойтись в дружественном диалоге, но усилия в этом направлении необходимы. Подбор ключевых лексем, интонационный строй статей о формировании образа врага в СМИ, контекст и затекст дискурса о восприятии нашей страны за рубежом говорят об отсутствии какой-то стратегии вражды, о явной предвзятости – у западных авторов, как правило, нет чувства пренебрежения к нашей стране. Но нет и доверия к реформам, ибо многие из них завершались созданием фантомов, симулякров. Впереди западным авторам видится многолетняя «прохладная война» Востока и Запада, с неизбежной перестройкой а-ля Горбачев в финале, а впереди якобы лежит наш путь в Европу и мирная трансформация РФ в государство прозападного типа. Это и будет базой новой вспышки позитивных эмоций, причиной новой волны публицистического интереса к России.

Все иное, по мнению западных коллег, нельзя анализировать с позиций науки как серьезные варианты.

Литература

1. Гардиан. 2014. 1 дек.
2. Гефтер М. Я. «Запад» и реальность. Война без объявления войны. Материалы дискуссий АИРО-XXI на конференции «“Запад как враг”: реанимация исторического мифа или новая реальность?»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/14345>
3. Гиленсон Б. А. Октябрь в литературе США (1917-1920). М., 1968.
4. Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы: учебно-методическое пособие для студентов факультета журналистики. СПб, 2003.
5. Дукельский В., Юренева Т. К истории образа врага в новой России // Вестник Европы. 2006. № 17.
6. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи / Политика. 2007. №3 (46): [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Evgenyeva_Selenezna-2007-3.pdf
7. Кириллова Н. Б. От модерна к постмодерну. М., 2006.
8. Книга Ханнеса Хофбауэра «Россия как образ врага. История одной демонизации». Беспощадный приговор русофобии: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bditelnost.info>
9. Латса А. Почему у России «плохая репутация» на Западе? // Литературная газета». 2013. 30 окт.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lgz.ru/article/2013-god/pochemu-u-rosicii-plokhaya-reputatsiya-na-zapade/>
10. Писатели США о Стране Советов. М., 1983.
11. Почепцов Г. Г. Профессия: имиджмейкер. СПб., 2001.
12. Приключения нетоварища Кемминкза в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия / сост., вступит. ст., перевод с англ. и комментарии В. Фещенко и Э. Райт. СПб., 2013.
13. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 2001: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000563212-desyat-dnej-kotorye-potryasli-mir-dzhon-rid>
14. Хорольский В. В. «Новый журнализм» в США: проблема факта и домысла // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 160-167.
15. New York Post. 2006. № 166.
16. USA Today. 2017.15 авг.

В. Лебедев (Воронеж)

Новелла – это имя

Как имя собственное – Новелла – я никогда прежде не встречал ни в окружающей жизни, ни даже в художественной литературе. Поэтому и воспринимал сей термин как литературный жанр. Новеллистами издавна почитали Проспера Мериме, Эдгара По, Ги де Мопассана, Стефана Цвейга, раннего Николая Гоголя. Позднее к ним причислили Антона Чехова, Ивана Бунина, затем Исаака Бабеля, Юрия Олешу, Всеволода Иванова, Валентина Катаева, Михаила Зощенко, Константина Паустовского, Эрнеста Хемингуэя. Вряд ли найдётся хоть один бывший советский школьник, особенно моего, более чем солидного возраста, не знакомый с творчеством этих писателей.

А сейчас на письменном столе, за которым я пишу эти строки, гигантская грампластинка «Музыка света», на обложке которой семейный портрет Новеллы Матвеевой с Иваном Киуру и написанные её рукой добрые слова, адресованные мне и моим детям – «на здоровье и счастье». Её автографы ещё на двух поэтических сборниках и на одном – Ивана Киуру. Его росчерк есть и на обложке грампластинки – ведь на ней из десяти исполняемых Н. Матвеевой песен семь – на слова Ивана Киуру.

Звучанию предшествует печатное слово их многолетнего друга, популярного поэта Евгения Винокурова: «Я всегда очень охотно выступаю с Новеллой Матвеевой и Иваном Киуру в наших общих концертах. Я ценю в их песнях хрустальный звон искренности, тот, говорящий об отсутствии фальши, который всегда выделяет их песни из многих других, и к ним не останется равнодушным ни один слушатель из тех, кто, говоря словами Гейне, «ценит фантастические игрушки искусства». Эти песни напоминают нам, что глубина и блеск игры в искусстве одинаково насущны. И что серьёзность вовсе не отменяет таких необходимых начал поэзии, как жизнерадостность, грация и красота формы».

Грампластинка «Музыка света» выпущена в 1984 году. Уместно напомнить, что и первая в Советском Союзе пластинка бардовского звучания «Песни», изданная фирмой «Мелодия» ещё в 1966 году, посвящена творчеству Новеллы Матвеевой. А всего как автор-исполнитель она записала семь грампластинок и пятнадцать компакт-дисков. Её перу принадлежит более тридцати книг стихов, прозы и переводов, в периодической печати опубликовано множество пародий и эпиграмм, солидных статей по вопросам литературы и искусства.

На всех уже упомянутых мною дарственных раритетах одна дата: 16 января 1987 года. Именно в эту зимнюю пятницу счастливая журналистская судьба привела меня в их столичную квартиру близ Центрального телеграфа: «Проезд Художественного театра, дом 2». (В 1992 году ему возвращено первоначальное название – Камергерский переулок).

А познакомились мы благодаря ... берёзе, «взращённой» – при моём участии – в Воронеже. Центрально-Чернозёмное книжное издательство в 1984 году (случайное, разумеется, но всё-таки символичное совпадение: в одно время с той самой гигантской грампластинкой) выпустило в свет поэтический сборник «Свет-берёза», где моя фамилия упомянута дважды – как составителя и автора прозаического послесловия «Берёза – Родина». Считаю необходимым при этом произнести слова признательности моим добрым многолетним друзьям-приятелям, непосредственно причастным к созданию книги. Это сотрудники издательства – главный редактор Виктор Чекиров, директор Анатолий Свиридов, редактор Виктор Будаков и привлечённый ими волгоградский художник-иллюстратор Евгений Синилов, удачно разбросавший по страницам сборника зелёные берёзовые листочки.

И ещё одно имя непременно следует назвать, оно, кстати, упомянуто в выходных данных сборника – рецензент В. Афанасьев. И дело не только в том, что он дал весьма положительный, даже комплиментарный отзыв на рукопись. По-своему очень уж уникальна творческая судьба да и весь жизненный путь Виктора Васильевича Афанасьева, с которым мы когда-то многократно дружески общались, и он подарил нашей семье

несколько своих произведений. Однако близкое знакомство никак не могло отразиться на судьбе моей книги. Разговора о ней в наших застольях почему-то никогда не заходило. Мне заранее не было известно имя рецензента, а он вообще не знал, кто именно готовил эту книгу (рецензентам это не сообщают). А после её выхода нам уже не довелось пообщаться, и мне неведомо, держал ли он её в руках. Будучи известным столичным поэтом, автором глубоких научных исследований о выдающихся русских стихотворцах, рассказов об истории Оптиной пустыни и оригинальных сказок для детей, последние десятилетия своей жизни, продолжая активную литературную деятельность, он провёл в монастыре и 5 марта 2015 года ушёл в мир иной под именем монаха Лазаря.

В поэтической «берёзовой антологии» представлено более ста поэтов (114), воспевших это удивительное, истинно российское дерево. Авторы – в основном всемирно известные классики – и не только русские – поэтического слова. Среди них и Новелла Матвеева с весьма солидным стихотворением «Две берёзы». В подаренном ею мне сборнике «Избранное» оказалось ещё одно прекрасное стихотворение под лаконичным заголовком «Берёза». Кстати, за эту книгу в 1998 году (через двенадцать лет после издания?!) поэтесса была удостоена звания Лауреата Пушкинской премии. А в 2002 году Новелла Матвеева стала Лауреатом Государственной премии России в области литературы и искусства.

Любопытно, мне кажется, сравнить эти два стихотворения одного автора об одном и том же «объекте». Внимательно, даже придирчиво перечитываю их – в одном 71 строка, в другом – 64 – и не могу найти ни единого повтора рифмы, сравнения, метафоры, даже эпитета. Иной взгляд, образ, ритмика. Прочитав из них по одному пятистишию.

*Берёзы вечно две. Для равновесья, что ли,
Одна – в лесу густом, другая – в чистом поле?
Та дышит тайною, а эта простотой...
Вся в «яблоках» одна, как конь, живущий в холе,
Другая – вся в рубцах, как мученик святой.*

И вот перед нами тот же объект, но совсем по-иному увиденный поэтессой:

*И лист у неё смеющийся,
И смех у листа залиvistый,
И ствол маслянисто льющийся,
А то – в поясах прерывистый,
В перебоях...*

Когда сборник «Свет-берёза» появился у меня в руках, возникло желание – в какой-то мере, наверное, тщеславное, – получить автографы здравствующих авторов, лично познакомиться с ними. С воронежцами, а также с вологжанами, ивановцами, костромичами, ярославцами проблем практически не возникало. Со многими уже был близко знаком, поскольку в тех краях довелось появиться на свет, длительное время жить и сотрудничать в различных СМИ, обзавестись семьёй и даже стать... многодетным. С поэтами из других городов, особенно с москвичами, пообщаться лично, не по телефону, оказалось гораздо сложнее, а с некоторыми так и не удалось. Новелла Матвеева – приятное, хотя и не единственное, исключение, но о встрече с ней – чуть ниже.

А начиналось всё в Ярославле, где мы с Татьяной Васильев-ной, ещё будучи молодожёнами, работали в областном комитете по телевидению и радиовещанию. Там «зародилась» и моя «берёзовая эпопея» – намеревался подготовить на радио художественно-музыкальную композицию «Светла от берёз Россия». Передача, к сожалению, так и не состоялась. Зато позднее, уже в Воронеже, послужила основой поэтического сборника. Там же, на берегах Волги, в полном соответствии с законами природы, появились и наши сыновья: сначала Вова, через три года Вася, ещё через шесть – Ярослав. Именно для них и создавалась, постоянно обогащаясь, наша семейная фонотека. Ребятишки, кажется, так и не услышали общепринятой колыбельной классики. Они блаженно, на улыбке засыпали под чарующие звуки бардовских песен, иногда даже совсем с недетскими словечками. И едва научившись произносить осмысленные фразы, поимённо и чётко называли авторов-исполнителей, пытались подражать им.

Первым в нашей фонотеке, да, наверное, и не только в нашей, появился, конечно же, Юрий Визбор. Он, кажется, вообще был первым в этом необычном для страны Советов виде творчества. Наш ярославский коллега и друг, талантливый радиожурналист Юрий Черняк участвовал в выездной редакции Всесоюзного радио, освещавшей покорение целины, и даже удостоился персонального припева в одном из радиорепортажей Юрия Визбора, разумеется, только для «приватного» звучания:

*Здесь теперь целинная столица,
Здесь течёт-шумит Ишим-река.
Говорят, что местные девицы
Здорово клюют на Черняка.*

По возвращении из командировки Юрий Львович щедро одарил нас музыкальными репортажами. И теми, что звучали по Всесоюзному радио, и главное – «нелегальными», не подверженными «буквоедской» цензуре, таковых тоже было порядочно. (Впоследствии Юрий Черняк успешно работал собственным корреспондентом Центрального телевидения и Всесоюзного радио, но после серьёзной аварии безвременно скончался).

Благодаря нашему «служебному положению» семейная фонотека вскоре пополнилась «хулиганскими» песнями Евгения Урбанского, записанными в узком дружеском застолье (в Ярославле тогда снималось «Чистое небо»), записями авторских песен Булата Окуджавы – он выступал в местной филармонии. А плёнки с песнями Новеллы Матвеевой, Ады Якушевой, Владимира Высоцкого, Александра Галича, Александра Городницкого, Юлия Кима, Евгения Клячкина мы получали от друзей из других телерадиокомитетов. Иногда в порядке «бартера», а чаще – просто по дружбе – от радиоколлег, нередко лично даже совсем не знакомых. Ни о каком материальном вознаграждении при этом даже намёка не возникало. Нужна была только магнитная плёнка. Такие вот взаимоотношения, совершенно исчезнувшие ныне, существовали в благословенные, хотя и нелёгкие «шестидесятые», вошедшие в историю под согревающим словом «оттепель».

Самых популярных в те годы поэтов, прозаиков, публицистов, артистов, художников, да и вообще деятелей культуры так и стали впоследствии называть – «шестидесятниками». Тогда же в публичном обиходе появились и эти, непривычные для уха советского человека термины: бард, менестрель, трубадур, являвшиеся, по сути, синонимами.

Что любопытно: термины зазвучали, а их носителей, судя по самым авторитетным справочникам, в нашей стране вроде никогда не было и доселе нет – ну, за единственным исключением. Со школьной скамьи нам знаком ответ поэта-декабриста А. Одоевского А. Пушкину: «Но будь покоен, бард; цепями, своей судьбой гордимся мы, и за оковами тюрьмы в душе смеёмся над царями». А ведь этот термин признавал и Владимир Даль:

«Бардъ – поэтъ и певецъ кельтическихъ народовъ; лирический певецъ вообще» [1, с. 48].

Но даже современные авторитетнейшие словари и энциклопедии почему-то отказывают в признании таким весьма популярным деятелям культуры. Возьмём солидный «Советский энциклопедический словарь», изданный в 1980 году (1600 страниц!):

Барды – народные певцы древних кельтских племён. Впоследствии стали проф. поэтами, бродячими или живущими при княж. дворах (гл. обр. Ирландии, Уэльса и Шотландии [3, с. 111].

Менестрель – (франц. *menestrel*), в 12-13 в.в. проф. певец и музыкант в феод. Франции и Англии. Мен. находились гл. обр. на службе сеньора, в куртуазной лирике воспевали рыцарские подвиги, служение даме. В 14-18 в.в. М. наз. также простонар. музыкантов, скитавшихся по городам и сёлам [3, с. 798].

Трубадурь – (франц. *troubadour* от прованс. *trobador*, от *trobar* – находить, слагать стихи), провансальские поэты-певцы 11-13 вв. Изысканная лирика Т. воспевала рыцарскую куртуазную любовь, радости жизни [3, с. 1368].

И ещё один пример из солидного (1136 с.) «Большого толкового словаря правильной русской речи» Льва Скворцова, между прочим, лично знавшего почти всех упомянутых мною бардов.

Менестрель, -ля (произносится с твёрдыми «н» и «р»: мэнэстрэль); муж. 1. *Устарелое*. Во Франции и Англии в средние века

– бродячий или придворный певец, музыкант и поэт. Например: *песни французских менестрелей. Жил-был менестрель в Провансальской земле, в почёте он жил при самом короле*. В. И. Майков. Менестрель. 2. Разг. Автор-исполнитель собственных песен (обычно под гитару); бард. Например: *летняя встреча менестрелей; на берегу реки раскинулись палатки менестрелей; гитары менестрелей звучали всю ночь*.

[Из франц. *menestrel*, от *среднелатин. ministerialis* – «состоящий на службе»] [2, с. 408].

Да простит меня читатель за такое совсем не лирическое отступление. Вернёмся к нашему знакомству с Новеллой Матвеевой. Вызванный из Воронежа, кажется, дней на десять, поработать в редакции культуры ТАСС, решил совместить необходимое с приятным – заполучить автографы воспевающих берёзу московских поэтов. Заведующая редакцией Елена Бернаскони предупредила: «С Новеллой вряд ли что получится, она журналистов не жалует».

Звоню. Как положено, представляюсь, цитирую какие-то, в основном шуточные строки её песенных стихов, умудряюсь что-то вспомнить забавное про своих ребятишек (тогда уже и младшенькому было шестнадцать), которые в детстве засыпали под чарующие звуки бардовских песен, в том числе про «кораблик весёлый и стройный», объясняю причину необходимой встречи. В ответ звучит категоричное, но приятное:

– Официальное интервью исключено. Никаких блокнотов и диктофонов. Только знакомство, автограф и дружеский разговор.

– За рюмкой чаю, – вставляю своё «фирменное», хотя и не мной, кажется, придуманное.

После короткой паузы, уже на ощущаемой, но сдержанной улыбке, звучит согласие: «Это нас с Иваном Семёновичем устроит. Ждём». И называет время визита.

От здания ТАСС на Тверском бульваре до Проезда Художественного театра минут 20-25 неспешного хода. Кажется, всю дорогу я не шёл, а приплясывал (москвичей этим не удивишь) и мысленно напевал: «С чемоданом да с клетчатым узлом я примчался вприпрыжку на вокзал...» Хотя и шёл не на вокзал, и в

руках нёс лишь лёгонький «дипломат» с незамысловатым «презентом» и двумя томиками «Свет-берёзы».

Знакомимся. Новелла Николаевна ещё продолжала беседу с двумя девушками – наверное, юными поэтессами или просто поклонницами. С Иваном Семёновичем быстро нашли общие темы. Оказалось, что нам хорошо знакомы одни и те же районы Крайнего Севера: верховья Волго-Балтийского водного пути и «заполярная кочегарка» – город Воркута. В Вытегре он ещё совсем юным «вкалывал» на лесосплаве и на землечерпалке, а на шахте Печёрского угольного бассейна работал газомерщиком. Мне в тех районах довелось многократно бывать – сначала как сотруднику Вологодского обкома комсомола, затем – как корреспонденту ТАСС по Коми АССР. Для финна И. Киуру эти места особо интересны тем, что в Вытегорском районе Вологодской области живут вепсы – потомки древнего финского племени весь, а в республике Коми язык абorigенов весьма близок к финскому. Вспоминали их обычаи, народные обряды, курьёзно звучащие фразы.

Юные гости попрощались, и разговор уже «за рюмкой чаю» стал общим. Новелла Николаевна охотно рассказывала о себе, о своих родителях, интересовалась, как мои ребяташки воспринимают бардовские песни, отвечала и на вопросы, но едва я пытался раскрыть блокнот, укоризненно и твёрдо пресекала: «Мы же договорились...»

Какие-то детали разговора записал уже вечером, в гостинице. Но было совсем не до подробных записей. Ведь в руках держал и чуть ли не до утра листал подлинное сокровище – подаренный ею сборник (536 страниц) «Избранное. Стихотворения. Поэмы». Да ещё и с автографом: «С благодарностью за Берёзы». Тираж книги 25 000 экземпляров, цена 2 рубля 40 копеек. Но просто так приобрести её в магазине в те времена было невозможно. Её можно было разве что только «достать».

Творчеством Новеллы Матвеевой восхищались Корней Чуковский и Самуил Маршак, Даниил Гранин и Валентин Берестов, Булат Окуджава и Евгений Евтушенко. Её песенные стихи необычайно искренни и просты, великолепны по содержанию

и звучанию, исключительно чувственны. Читатель, убеждён, согласится с моим мнением, познакомившись даже только с одним стихотворением «Песня девушки из харчевни».

*Любви моей ты боялся зря –
Не так я сильно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.
И если ты уходил к другой
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.
Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.
Течение дней, шелестенье лет,
Туман, ветер и дождь.
А в доме событие – страшнее нет:
Из стенки вынули гвоздь.
Туман, и ветер, и шум дождя,
Течение дней, шелестенье лет,
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.
Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра,
Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.
Любви моей ты боялся зря.
Не так я сильно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.
И в тёплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то литавров медь...
А что я с этого буду иметь,
Того тебе не понять.*

* * *

Ивана Семёновича Киуру не стало 17 февраля 1992 года. Новелла Николаевна Матвеева скончалась 4 сентября 2016 года.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981.
2. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. М., 2005.
3. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова и др. М., 1980.

Бросок на Юг

Путевые заметки и фотографии – это итог моей командировки как специального корреспондента газеты «Коммуна» в Южную Осетию с 18 по 29 августа 2008 года. В те дни Воронежская область направила в Цхинвал гуманитарную помощь – теплые вещи, медикаменты, продукты питания.

Главное впечатление от этой поездки – война бесчеловечна по своей сути: разрушенные дома и села, убитые и раненые – это все отголоски той пятидневной войны.

На всю жизнь остались в памяти усталые лица миротворцев и специалистов МЧС России. Больше всего поразила уверенность – дальше все наконец-то будет хорошо.

Дорога

В зоне боевых действий я побывал впервые. Правда, когда служил в Подмосковье в Гвардейской Таманской бригаде, нас, зенитчиков, отбирали для прохождения службы в Афганистане. В бригаде сказали – отправляем зенитчиков для охраны советского посольства в Кабуле. Однако на станции Чучково в Рязанской области, где базировалась десантно-штурмовая бригада и где формировался будущий полк, меня и Сергея Рощупкина (он родом из Курской области) забраковали.

Мы к тому времени и полгода еще не прослужили.

– Мне пушечное мясо не нужно, – сказал тогда капитан, наметанным глазом разглядевший «салаг».

Возможно, эта фраза тогда спасла нам с Сергеей жизни – нас вернули в бригаду. Тогда из нашей бригады в Афганистан были отправлены пять человек.

И вот теперь, спустя годы, представилась возможность побывать в зоне недавних боевых действий в Южной Осетии.

Чтобы успокоить близких, объявил:

– Еду только до Владикавказа. Там колонна разгружается, и мы возвращаемся в Воронеж, передав «гуманитарку» тем, кто доведет ее до Цхинвала.

Гуманитарную помощь в Южную Осетию формировали под патронатом Главного управления МЧС России по Воронежской области. Договориться с местными эмчезовцами было не трудно – неоднократно рассказывал об их работе на страницах «Коммуны».

И вот еду в Цхинвал.

Торжественные проводы колонны на площади имени Ленина. Двенадцать машин отправляются в путь.

Тридцать три человека в колонне. Прямо как у Пушкина – «тридцать три богатыря».

Задача – доставить около 80 тонн гуманитарного груза в опаленный войной Цхинвал. Водители – не только специалисты МЧС, но и представители Воронежской хлебной компании.

– Гуманитарную помощь мы оказываем постоянно, – говорит Владимир Ващенко, генеральный директор хлебозавода №1. – Мы снабжаем продовольствием сводные отряды милиции и полиции, отправляющиеся в Чечню, кормим обездоленных войной людей. Практически каждое предприятие, входящее в нашу компанию, выделяет полмиллиона рублей на формирование колонн. Вот сейчас отправляем 20 тонн муки выс-

шого сорта, крупы, сладости, хлебобулочные изделия. Помощь пострадавшим от войны – наш долг...

Едем... Три тысячи километров туда и обратно. Ростовская область, Ставропольский край, Кабардино-Балкария, Северная и Южная Осетия.

Чтобы избежать пробок (южное направление работает с большой нагрузкой) стараемся ехать либо глубокой ночью, либо ранним утром.

Были в пути и запланированные остановки: Каменск-Шахтинский, Минводды, Невинномысск. Первая была в Ростове. Затем нештатные ситуации возникали: то шина лопнула, то тормоза отказали, то пришлось ЗИЛ поставить на жесткую сцепку, но, как говорили бывалые водители – все это обычные издержки пути.

О нашем дорожном комфорте заботился Валерий Васильевич Малеев, организовывавший наше питание в пути и наш отдых на долгих километрах трассы.

У Валерия Васильевича, полковника в отставке, огромный опыт работы в областной службе спасения. Полковник – человек бывалый: был ранен под Грозным, но, заслужив пенсию, продолжал служить.

– На пенсии скучно, – продолжал Малеев, – тянет к серьезной работе.

Старшим колонны был полковник внутренней службы Юрий Чернушкин.

Уже на обратном пути полковник Чернушкин сказал мне:

– За нынешний марш-бросок я ребятам очень благодарен. Во-первых, ребята рисковали жизнью в Цхинвале. А во-вторых, вопреки всем трудностям задание выполнили точно в срок.

Единственная длительная остановка у колонны была в горном селении Нар – родине великого Косты Хетагурова. Здесь на границе с Южной Осетией таможенники продержали нас более двух часов.

– Чего стоим? – спросил я у таможенников.

– У соседей неспокойно, – объяснил один из проверяющих. Были случаи, когда через границу пытались провезти контрабанду и оружие. Ну и мародеров предостаточно.

... После проверки колонны двинулись дальше – в Цхинвал. Дорога шла вдоль Терека. Удивительно красивые, живописные места!

Дорога живет напряженно. Военные колонны, машины следственных органов – типичная картина. Во время движения по Рокскому перевалу встретили несколько служебных машин из Южной Осетии.

– Вещдоки везут, – сказал один из наших спутников.

Проскочил мимо президентский кортеж на двух «Хамме-

рах». За ними не менее крутые машины сопровождения. Нам объяснили, что на стороне Южной Осетии воюет чеченский батальон «Восток». По рассказам местных жителей, вместе с псковскими десантниками батальон отбил у противника важнейшие стратегические высоты и саму южноосетинскую столицу.

Потери, рассказывают, были большие – погибло свыше двухсот человек из числа военных и миротворцев.

Были жертвы и среди миротворцев, чьи базы располагались вдоль границы с Грузией. Воевать в горах нелегко. Очевидцы

рассказывали, что в первые дни боев в горах были расстреляны 16 российских СУшек. Погибли 28 наших солдат.

Возле одного из югоосетинских селений видели, как на армейских тягачах вывозили и наши танки, и трофейные грузинские Т-72.

Судя по всему, трасса в районе Рокского перевала была одной из самых напряженных в те недели – с поля боя вывозили военную технику, а навстречу ей шли наши колонны с гуманитарной помощью и стройматериалами, отдельные армейские колонны.

По берегам Терека группы разбитых машин. Такой выглядела государственная граница между Северной и Южной Осетией.

Наши войска хоть и оставили Цхинвал, но далеко не ушли – мало ли что! Биваки были разбиты едва ли не на каждом километре по дороге на Цхинвал. Под особым контролем – все горные высоты и тоннели.

Один из таких тоннелей – длиной в четыре километра – считается самым опасным. Дело тут не в его длине, а в том, что внутри его стоит жуткий смрад от машин, идущих в нем непрерывно. Нетрудно задохнуться.

Десантники, с которыми удалось поговорить, вспоминали, что такие тоннели встречались и в Афганистане. Рассказывали, что «духи» подбили первую машину. Колонна остановилась, продолжая чадить. Через несколько часов батальон погиб.

Но это все в прошлом.

Наша колонна благополучно добралась до Цхинвала.

Цхинвал

В советские времена Юго-Осетинская автономная область входила в состав Грузии. С распадом Советского Союза в районе начались столкновения на политической и территориальной почве. Столкновения между грузинами и осетинами растянулись на долгие годы. Пролилась кровь. Только в ходе последних столкновений погибло свыше двухсот тысяч человек.

В окрестностях Цхинвала – пригородные села. Да и сам город подвергался жесткому обстрелу – артиллерийскому, минометному, танковому. Почти все уничтожено огнем. Мишенями

были школы, детские сады, жилые дома, административные здания.

Не щадили никого – ни детей, ни женщин, ни стариков.

Это выглядело как системное уничтожение некогда многонациональной республики, в которой жили грузины, осетины, абхазы, евреи, армяне, греки, русские и украинцы.

В Южной Осетии в конце 90-х годов проживало около ста тысяч человек. В республике активно развивалось сельское хозяйство, особенно виноградарство, работали горнодобывающие предприятия, лесоперерабатывающие заводы.

Южные здравницы манили живописными горными ландшафтами, привлекая к себе тысячи туристов и курортников.

Но когда Советский Союз распался, начались межнациональные конфликты...

20 августа наша колонна прибыла в Цхинвал.

Надо сказать, что накануне поездки я познакомился с осетинами, живущими в Воронеже – Светланой Колчаковой и Муратом Бекоевым. Ребята дали мне адреса своих знакомых, живущих в Цхинвале, рассказали о том, что сегодня происходит в республике. За что им огромное спасибо.

Что я увидел в городе, оказавшемся в зоне боевых действий?

Главное ощущение – город медленно возвращался к мирной жизни – начали работать школы. Заработали магазины и мини-рынки. Активно шла работа по восстановлению городского водопровода. В домах появилось электричество.

Конечно, война давала о себе знать. По ночам еще раздавались автоматные очереди, стреливали из гранатометов.

И все-таки мирная жизнь налаживалась. Накануне нашего приезда в городе выступал знаменитый симфонический оркестр Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева. Состоялся футбольный матч команд Северной и Южной Осетии (боевая ничья – 3:3).

Михаил Пореченков провел презентацию своего фильма «День “Д”». Те, кто побывал на премьере, рассказывали, что киноаппаратура проявила свою «непокорность», но главное – встреча со знаменитым актером – вызвала огромный интерес публики.

А что же сам город? Увы, значительная часть его превратилась в пепелище – примерно восемьдесят процентов Цхинвала были поражены войной. Особенно пострадал центр города. Многоэтажки и административные здания зияли пробоинами: результат обстрелов танков и установок «Град». Каждый день город прощался с убитыми жителями. Люди продолжали гиб-

нуть от выстрелов снайперов и регулярных перестрелок в районах осетино-грузинской границы.

– Работаем только в светлое время дня, потому что по ночам постреливают снайперы, – рассказывает Руслан Галилов, один из эмчээсовцев. – Вот, говорят, к войне человек быстро привыкает, так оно и есть. Правда, в последние дни постреливают реже. Так что уже и не так страшно.

В палаточном стане МЧС, где мы остановились на ночлег, рассказали – был тяжело ранен накануне молодой парень – спасатель. По тревоге вызвали спецназ. Снайпера обнаружили среди развалин домов частного сектора. Оказался жителем Украины. С убийцей поступили по законам военного времени.

...В Цхинвале общественный порядок в те дни поддерживался военными ополченцами и служащими МЧС. В небе кружат вертолеты.

На улицах полно вооруженных людей.

– Знаешь, люди привыкли к стрельбе, – говорит мне Чермен Дедаев, один из наших провожатых. – Раньше вообще боялись выходить на улицу, боялись открытого пространства. Сейчас все по-другому. Попривыкли. Представьте себе город, в котором постоянно раздаются выстрелы. Сейчас стреляют в основном в пограничных районах. О войне стараемся говорить

меньше – сосредоточены на восстановительных работах. Мы ждали признания независимости восемнадцать лет. Жаль, что независимость досталась нам такой дорогой ценой.

Наше пребывание в Цхинвале совпало с большим религиозным праздником – с Днем поминовения и днем Успения Пресвятой Богородицы.

Осетины накрывали столы, за которыми вспоминали о своих друзьях, родных и близких. Состоялась служба и в храме, пострадавшем от войны.

Спрашиваю у Чермена:

– Республика ваша многонациональна. Как же выживаетесь?

– Если ты ни в чем дурном не замешан, то тебя как раньше уважали, так и дальше уважать будут.

...Заехали на Привокзальную улицу, где раньше размещался Дом культуры. Обратил внимание на башню танка, торчавшую из карниза четырехэтажного здания.

– Тут стояли три грузинских танка, – объясняет сопровождающий нас Джамбулат Кулухов. – Первый танк подбил из гранатомета секретарь Совета Безопасности Анатолий Баранкевич. – Выстрелил и попал в башню. Сдетонировали снаряды, и башню разорвало. А чуть позже подбили еще два танка.

...Идем по городу. Улица Сталина. Центр. Четырехэтажный дом. Он выжжен дотла.

По соседству с домом скверик с фонтаном. Лавочки с отдыхающими. Знакомимся. Один из собеседников – Владимир Тедеев, главный хирург республиканской больницы.

– Жил в этом доме на третьем этаже. Во время обстрела был в больнице. Семья в те дни гостила во Владикавказе... Оперировал в подвале больницы. Около трехсот раненых вытащили с того света. Отправили во Владикавказ.

Побывали у Дома правительства. Та же удручающая картина.

... Идем по городу. Навстречу – бригада электриков из Ставрополя. План работ стандартный – квартал в сутки.

– Школа № 5. Палили по ней из танка. Восстановлению не подлежит.

– Если бы россияне не подоспели, нас бы расстреляли по одиночке, – говорит мой спутник.

И еще одна встреча – Султан Кудаяв.

– Два дня непрерывно стреляли, – рассказывает он. – Ходили по нашим улицам как у себя дома. Наши ребята оборонялись, как могли.

После двух суток осады нашего города отчаялись и решили, что Россия нас оставила без поддержки. Но помощь пришла. Для нас российские военные – миротворцы. И МЧС: наши настоящие герои.

Сегодня дом Султана Кудаява разбит. Многочисленная семья ютится в армейской палатке, поставленной в огороде.

Будущее

Кому достанется помощь, идущая из Воронежской и других областей России?

На обратном пути встретили еще одну колонну машин из Воронежской области, идущих со стройматериалами.

Жители города говорят, что все распределяется с соизволения комендатуры и временного правительства республики Южной Осетии.

Пока готовимся к отъезду, из толпы выходит старушка и направляется к нам.

– Сынок, помоги шифер получить. Разбомбили дом. Сыновья, такие, как ты, погибли. Кто мне теперь поможет? Одинокая я.

Жаль пожилую женщину...

...Гуманитарный груз доставлен, но сотни обездоленных сутками толпятся у ворот хорошо охраняемых складов в ожидании помощи.

Жители Цхинвала живут не только в страхе за собственное будущее, но и без всякой надежды на конкретное настоящее.

Воронеж – Цхинвал – Воронеж

Август 2008 года

Наши авторы

ГЛАДЫШЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ДРОБЫШЕВСКИЙ Александр Павлович – преподаватель кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ДРОБЫШЕВСКИЙ Дмитрий Александрович – кандидат филологических наук, главный редактор портала Profibeer.

ДЬЯКОВ Дмитрий Станиславович – директор Издательского дома Воронежского государственного университета, заведующий лабораторией региональной журналистики факультета журналистики ВГУ.

ИВАНОВ Анатолий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

ИОВВА Наталья Ивановна – старший преподаватель кафедры литературы и журналистики филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, аспирант кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КРОЙЧИК Лев Ефремович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КРОЙЧИК Сергей Львович – корреспондент службы региональных проектов газеты «Коммуна», сотрудник лаборатории региональной журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ЛЕБЕДЕВ Владимир Васильевич – журналист, в 1974-1992 гг. собственный корреспондент ТАСС по Воронежской области.

ЛЕВШАКОВ Виктор Сергеевич – корреспондент газеты «Комсомольская правда в Воронеже», аспирант кафедры исто-

рии журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

МАЗЕНКО Владимир Станиславович – кандидат филологических наук, главный редактор газеты «МОЁ!».

НГУЕН Минь Туан – аспирант кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

СЕРЕБРЯКОВА Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

ХОРОЛЬСКИЙ Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Оглавление

І. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ

Н. Иовва. Диалоговые ресурсы публицистического произведения.....3

В. Левшаков. Роль автора в организации публицистического диалога.....14

В. Мазенко. Организация работы редакции как звена коммуникативного процесса между читателем и СМИ в условиях меняющейся информационной среды.....20

ІІ. ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

С. Гладышева. Русское зарубежье в публицистике А. И. Куприна периода эмиграции.....35

А. Дробышевский. «Вспомним Станкевича...» Влияние Н. В. Станкевича на русскую журналистику XIX века.....49

Д. Дробышевский. В. А. Маклаков: «Искусство “политика” оценивается по результатам, а не по верности политической “грамматике”».....56

Д. Дьяков. Революция как инструмент культурных изменений..63

А. Иванов. Русский солдат в журналистике и литературе периода Первой мировой войны.....73

Л. Кройчик. Жизнь «под игом безумия» (история одной поездки)..80

Нгуен Минь Туан Стратегическая задача любого информационного процесса – формирование общественного мнения.....104

Е. Серебрякова «Поступок» в самосознании и поведении советских нонконформистов 1960-70-х годов.....108

В. Хорольский «И не друг, и не враг, а так...»: образ России в публицистике западных авторов.....119

ІІІ. ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

В. Лебедев. Новелла – это имя.....135

С. Кройчик Бросок на Юг.....145

Наши авторы.....155

Научное издание

БЫЛОЕ И МЫ

Редактор выпуска – доц. С. Н. Гладышева
Корректоры: Т. П. Коновалова, Е.А. Ряжских
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.10.17. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 4,56 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета
журналистики ВГУ